

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

**ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 4 (71) 2019

Донецк

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

Научный журнал Донецкого национального университета
Исторический факультет
сетевое издание

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Никольский В.Н., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Заместитель главного редактора – Бобровский А.С. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Технический редактор – Посредников Д.В. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Агапов В.Л. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Бредихин А.В. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Кузнецова Е.В. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)
Морозов Р.Н. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Пенькова О.Б. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Разумный В.В. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Черкашин К.В. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Баранов А.В. – д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)
Беловолов Ю.Г. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Ерхов Г.П. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Кияшко А.В. – д-р ист. наук (Южный федеральный университет, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)
Кринко Е.Ф. – д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)
Липинский В.В. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Саржан А.А. – д-р ист. наук (Донецкий национальный технический университет)
Шендрикова С.П. – д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Российская Федерация, Симферополь)
Шепко Л.Г. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Цыганков П.А. – д-р филос. наук (Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Российская Федерация, Москва)

Рецензенты: д.и.н. Бредихин А.В., д.и.н. Колесник А.В., д.филос.н. Муза Д.Е., к.и.н. Разумный В.В., д.и.н. Саржан А.А., д.и.н. Шепко Л.Г., к.и.н. Шкрибитель Е.А.

Рекомендовано к изданию Ученым советом ДонНУ. – Протокол № 10 от 24.12.2019 г.

Журнал зарегистрирован Министерством информации ДНР, Свидетельство о регистрации средства массовой информации Серия ААА, №000149, выдано 20 июня 2017 г.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. – Приказ МОН ДНР №1134 от 1. XI. 2016 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), лицензионный договор №117-03/2016 от 9 марта 2016 г., и наукометрические базы данных Index Copernicus, Infobase Index.

Адрес редакции: Исторический факультет, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, Донецк, 83001. Тел. (095) 360-43-70, (071) 305-59-87; e-mail: nvn2015@rambler.ru, nicols46@mail.ru

Сайт <http://donnuhist.ru>

© Донецкий национальный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Археология

Гаврилюк С.М. Вопросы топографии грунтового некрополя Пантикапея VI-II вв. до н.э.7

Отечественная история

Матченко А.Г. История степных дорог-«шляхов» на территории Донбасса (на примере Ленинского проспекта г. Донецка).16

Бельдюгина И.Ю. Роль государства и церкви в становлении системы начального образования в Российской империи в дореформенный период (первая половина XIX в.).23

Поляков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его автор: по следам одной публикации.32

Анпилогова Т.Ю. Выдающиеся краеведы Донбасса XX века и их вклад в развитие исторического краеведения.38

Никольский В.Н. Политические репрессии советского периода в Украине: результаты исследования проблемы (конец 1920-х – сер. 1950-х гг.).45

Стадник В.А. Создание аппарата контроля в Донбассе – местных (территориальных) КК-РКИ в 1920-х гг.51

Нуждин О.И. «Попытаюсь разъяснить свои соображения...» комбриг А.Ф. Марушев о положении в немецком тылу в 1941 г.57

Кислицын С.А., Смирнов А.А. Военный конфликт на Донбассе 2014-2020 гг. в контексте Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.62

Торопов И.В. Кооперативное движение на Луганщине в условиях социально-экономических реформ середины 80-х – начала 90-х годов XX в.68

Всемирная история

Харьковский Р.Г. Лорд Стормонт – британский дипломат и завсегда тай французских салонов XVIII в.82

Хумуриц А.А., Разумный В.В. Отражение внешнеполитической деятельности Турецкой республики во второй половине XX века в публикациях журнала «Азия и Африка сегодня» периода 1970 гг.86

Ерхов Г.П., Бурцев А.И. Особенности продвижения экономических интересов республики Казахстан в Центральной Азии в 2012 – 2018 гг. 94

Международные отношения

Кухтин М.М. Текущий кризис российско-немецких отношений как вызов европейской безопасности. 105

CONTENT

Archeology

Gavrilyuk S.M. Questions of the topography of the ground necropolis of Panticapaeum, VI-II centuries BC.7

National history

Matchenko A.G. The history of the steppe roads-"paths" in the territory of Donbass (on the example of Leninsky prospect in Donetsk).16

Beldyugina I.Yu. The role of the state and the church in the formation of the primary education system in the Russian Empire in the pre-reform period (first half of the 19th century). 23

Polyakov A.N. "The Word about Igor's Regiment" and its Author: Following the Footsteps of One Publication. 32

Anpilogova T.Yu. Outstanding local historians of the Donbass of the XX century and their contribution to the development of historical local history. 38

Nikolsky V.N. Political repressions of the Soviet period in Ukraine: results of a study of the problem (late 1920s – mid 1950s). 45

Stadnik V.A. Creation of a control apparatus in Donbass – local (territorial) KK-WPI in the 1920s. 51

Nuzhdin O.I. "I will try to explain my considerations ..." brigade commander A.F. Marushev on the situation in the German rear in 1941. 57

Kislitsyn S.A., Smirnov A.A. Military conflict in Donbass 2014-2020 in the context of the Great Patriotic War of 1941-1945. 62

Toropov I.V. Cooperative movement in the Luhansk region in the context of socio-economic reforms in the mid-80s – early 90s of the twentieth century. 68

The World History

Kharkivsky R.G. Lord Stormont – British diplomat and frequenter of the french salons of the 18th century. 82

Humurits A.A., Razumny V.V. Reflection of the foreign policy of the Republic of Turkey in the second half of the XX century in the publications of the magazine "Asia and Africa Today" in the 1970s. 86

Erkhov G.P., Burtsev A.I. Features of promoting the economic interests of the Republic of Kazakhstan in Central Asia in 2012 – 2018. 94

International relationships

Kukhtin M.M. The current crisis in Russian-German relations as a challenge to European security. 105

Археология

УДК 94:904

С.М. Гаврилюк

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: ad.bestias@mail.ru

ВОПРОСЫ ТОПОГРАФИИ ГРУНТОВОГО НЕКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ VI-II вв. до н.э.

Аннотация

В статье анализируется топография грунтового некрополя Пантикапея VI-II вв. до н.э., динамика его использования, территориальное развитие и организация. Актуальность работы состоит в том, что некрополь, наряду с городской застройкой и сельской округой, является важным источником информации о пантикапейской общине. Качественные изменения в методах и подходах раскопок исторических памятников и исследования археологического материала, произошедшие за последние пятьдесят лет, позволили нам дополнить результаты предыдущих исследований с позиции современных знаний.

Ключевые слова: *Боспор, грунтовый некрополь Пантикапея.*

Summary

The topography of the Panticapeum necropolis of the VI-II centuries BC is analyzed in the article., the dynamics of its use and territorial development and organization. The relevance of the work lies in the fact that the necropolis, along with urban development and rural areas, is an important source of information about the Panticapaeon community. Qualitative changes in methods and approaches to the excavation of historical monuments and the study of archaeological materials that have occurred over the past fifty years, allow us to complement the results of previous studies in terms of modern knowledge.

Keywords: *Bosporian kingdom, Panticapaeum necropolis*

Изучение топографии античного Пантикапея позволяет проследить процесс пространственной организации жизни пантикапейцев: направления освоения древними греками территории, поиск и использование природных ресурсов, выявление стратегически важных мест для защиты, и наиболее удобных для мест для дорог и торговых путей и пр. Применение метода

картографирования делает возможным выявление пространственных характеристик социальных отношений. Территория эллинской общины, состояла из трёх основных частей: полис (жилая городская застройка), хора (сельская округа) и некрополь. В нашей работе мы рассмотрели топографию грунтового некрополя Пантикапея VI-II вв. до н.э.

Хронологические рамки исследования охватывают период с VI в. до н.э. – времени появления на берегах Керченского и Таманского полуостровов греческих колонистов (580-560 гг. до н.э.) и основания торгового поселения на месте Пантикапея, до конца II в. до н.э., когда власть переходит от династии Спартокидов к Митридату VI Евпатору и происходит развитие пантикапейской общины.

Данная тема представлена работами археологов, проводивших раскопки некрополя Пантикапея в XIX – XX веках (В.В. Шкорпила, В.Д. Блаватского, В.П. Азаровой, А.И. Болтуновой) [1, 2, 3; 4]. В них содержится информация об отдельных участках некрополя и истории их раскопок.

Специальные исследования, посвящённые изучению топографии некрополя Пантикапея, проводили М.И. Ростовцев и Г.А. Цветаева. М.И. Ростовцев в 1925 г. дал общую характеристику некрополя и погребального обряда Пантикапея VI в до н.э. – IV в. н.э. [5]. Учёный проследил расширение территории некрополя и отметил трудности установления его границ в районе южного склона г. Митридат, старого православного кладбища, Глиница [6]. Отметим, что вопрос о границах некрополя в этих районах до сих пор не решён. Наиболее всестороннюю характеристику некрополя представила Г.А. Цветаева в работе «Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав» (1951 г.) [7]. Исследователь определила площадь некрополя в различные периоды времени, соотнесла развитие некрополя с историей города, сделала попытку выделить погребальные участки различных социальных групп («простых», рядовых граждан, негреческого населения, аристократии и состоятельных жителей, стратегов). В то же время, автор не касалась динамики использования данных участков некрополя, не устанавливала статистические данные по численности погребений.

Таким образом, М.И. Ростовцев и Г.А. Цветаева изучали некрополь Пантикапея на качественно новом уровне, как целостный историко-социальный объект. За прошедшее с момента публикации указанных работ время, усовершенствовалась методика проведения раскопок и фиксации объектов, появились новые подходы и методы исследования археологического материала, была уточнена датировка ряда погребений некрополя Пантикапея, что позволяет дополнить результаты предыдущих исследований с позиции современных знаний.

В нашей работе ставятся следующие цели: выявление погребальных участков и их границ, определение интенсивности их использования, установление количества найденных погребений по периодам.

Для реализации поставленных целей была создана база погребений грунтового некрополя Пантикапея, состоящая из 620 погребений. Учётные погребения были сгруппированы по признаку местоположения и картографированы. С помощью указателей и работ керченских краеведов мы установили современные названия топонимов Керчи, которые упоминаются при описании могил в ИАКах и ОАКах [8, 9, 10, 11]. Для фиксации их местоположения были использованы карты: топографическая карта полуострова Крыма 1857 г. издания (со съёмки полковника Бетева 1838 г.), план Керчи (по изданию: Г. Москвич. Иллюстрированный путеводитель по Крыму, 1913 г.), план северного склона г. Митридат М.И. Ростовцева 1925 г., план Пантикапея В.Д. Блаватского и планы некрополя Г.А. Цветаевой (1951 г.). Отметим, что исследование топографии некрополя Пантикапея осложняется тем, что не всегда возможно определить точное местоположение погребений. Границы некоторых участков трудно определить по причине неточной фиксации исследователями XIX в. места раскопок или трудностью определения географических объектов, к которым авторы раскопок делали привязку. Таким образом, проблемы локализации погребений связаны с недостаточно развитой методикой проведения археологических раскопок во второй половине XIX в.

Выяснилось, что группы захоронений образуют погребальные участки, которые определяются на основе степени близости расположения могил, интенсивности использования участков, особенностей топографии: местонахождения захоронений на отдельных холмах, геоморфологического строения склонов холмов. Учитывался и мировоззренческий фактор: река являлась символической границей между миром живых и мёртвых.

В ходе исследования, мы установили, что по сравнению с данными, которые анализировала Г.А. Цветаева, благодаря уточнённой датировке могил, появилась возможность выделить более узкие периоды истории некрополя Пантикапея [12, 13, 14, 15, 16, 17]. Так, если Г.А. Цветаева выделила в развитии некрополя VI-I вв. до н.э. три периода, то мы изучаем его по пяти периодам с VI по II вв. до н.э. Следовательно, изменилось число могил, относящихся к определённому времени (например, Г.А. Цветаева относит к VI-V вв. до н.э. не более 10 погребений, расположенных на южном склоне г. Митридат [18], по нашим данным таких погребений 23). Итак, уточнение хронологии могил, позволяет выявить новые факты истории развития некрополя Пантикапея, несмотря на то, что большинство погребений, включённых в источниковедческую базу нашего исследования, проанализированы и Цветаевой Г.А.

Изучив топографию грунтового некрополя Пантикапея мы получили следующие результаты.

Некрополь VI-V вв. до н.э. состоит из двух основных групп погребений: 1. Погребения на северном склоне г. Митридат под Вторым креслом и прилегающей с севера территории. Западная граница участка ограничена 1-й

Подгорной улицей (совр. ул. Желябова); северная граница проходит ниже пересечения ул. Шлагбаумской с ул. Институтской (совр. ул. Крупская) и включает пересечение ул. Госпитальной и 1-го Кладбищенского переулка (совр. 1-й Пугачёвский пер.), часть 1-го Кладбищенского переулка; восточная граница находится на пересечении 3-го Кладбищенского переулка (совр. 3-й Пугачёвский пер.) с Правой Кладбищенской улицей (совр. ул. Пугачёва) и доходит до северного склона г. Митридат под Вторым креслом; южная граница начинается от северного склона г. Митридат под Вторым креслом, проходит вдоль Эспланадной улицы, проходит через южный конец Госпитальной и Шлагбаумских улиц и завершается на северном склоне г. Митридат, выше 1-й Подгорной улицы (совр. ул. Желябова).

2. Погребения под Вторым креслом г. Митридат на южном склоне. Точные границы данного участка не были установлены.

Единичные погребения встречаются на западном склоне г. Митридат под Вторым креслом, на холме Скалка и пепелище, которое находится между Вторым креслом г. Митридат и Пирамидальной скалой, на северной стороне Пирамидального холма и на 2-й Нагорной улице.

Наибольшая концентрация захоронений наблюдается на пересечении 3-го Кладбищенского переулка с Правой Кладбищенской улицей и на южном склоне г. Митридат под Вторым креслом.

В период сер. V – п.п. IV вв. до н.э. жители Пантикапея продолжают совершать захоронения в районе северного склона г. Митридат и прилегающей территории и под Вторым креслом г. Митридат на южном склоне. Появляются новые группы захоронений: на западном склоне под Вторым креслом г. Митридат, Вторым креслом г. Митридат и Пирамидальной скалой, на Скалке, Пирамидальной и Длинной скалах. Таким образом, идёт расширение некрополя на горе Митридат западнее участков занятых под захоронения ранее.

Единичные погребения встречаются на почтовой дороге против Мечетного переулка, в 3-м Мечетном переулке (совр. ул. Некрасова).

Наибольшая концентрация захоронений наблюдается южном склоне г. Митридат под Вторым креслом.

В сер. IV вв. до н.э. пантикапейцы использовали некрополь VI-V вв. до н.э. (район северного склона г. Митридат и прилегающей территории и под Вторым креслом г. Митридат на южном склоне). Наблюдается увеличение количества погребений на участках, занятых под некрополь в V-IV вв. до н.э. (Пирамидальная и Длинная скалы). Расширяется участок в районе 3-го Мечетного переулка (совр. ул. Некрасова), где в V-IV вв. до н.э. встречались единичные могилы. На севере данной группы расположены погребения у Почтовой дороги, на юге захоронения совершались на северном склоне г. Митридат, выше Татарской слободы (район совр. ул. Чкалова, территория, прилегающая к татарской мечети).

Единичные погребения встречаются между 2-м креслом Митридата и Круглой скалой.

Наибольшая концентрация захоронений наблюдается на Эспланадной улице и Пирамидальной скале.

В кон. IV – нач. III вв. до н.э. в топографии некрополя Пантикапея происходят следующие изменения: уменьшается территория участка 1, теперь с восточной стороны он ограничивается не старым городским кладбищем, как было ранее, а линией от южной части ул. Шлагбаумской до северного склона Второго кресла г. Митридат. Г.А. Цветаева связывает изменение границ участка 1 с тем, что часть его (около 2 га) была освоена городом [19]. Уменьшается число погребений на самом западном участке некрополя (3-й Мечетный переулочок (совр. ул. Некрасова) и северный склон г. Митридат, выше Татарской слободы); начинает использоваться под захоронения территория в районе ул. Институтской (совр. ул. Крупской).

В III-II вв. до н.э. найденные погребения рассредоточены по всей территории некрополя, кроме южного склона под Вторым креслом г. Митридат, который в III в. до н.э. занимает город [20].

Таким образом, в период VI-II вв. до н.э. на некрополе Пантикапея выделяется 7 основных погребальных участков:

Участок 1. Северный склон под Вторым креслом г. Митридат и прилегающая с севера территория.

Участок 2. Южный склон под Вторым креслом г. Митридат

Участок 3. Пирамидальная скала

Участок 4. Длинная скала

Участок 5. Район 3-го Мечетного переулочка, у Почтовой дороги и на северном склоне г. Митридат, выше Татарской слободы (район совр. ул. Чкалова, территория, прилегающая к татарской мечети).

Участок 6. Глинище

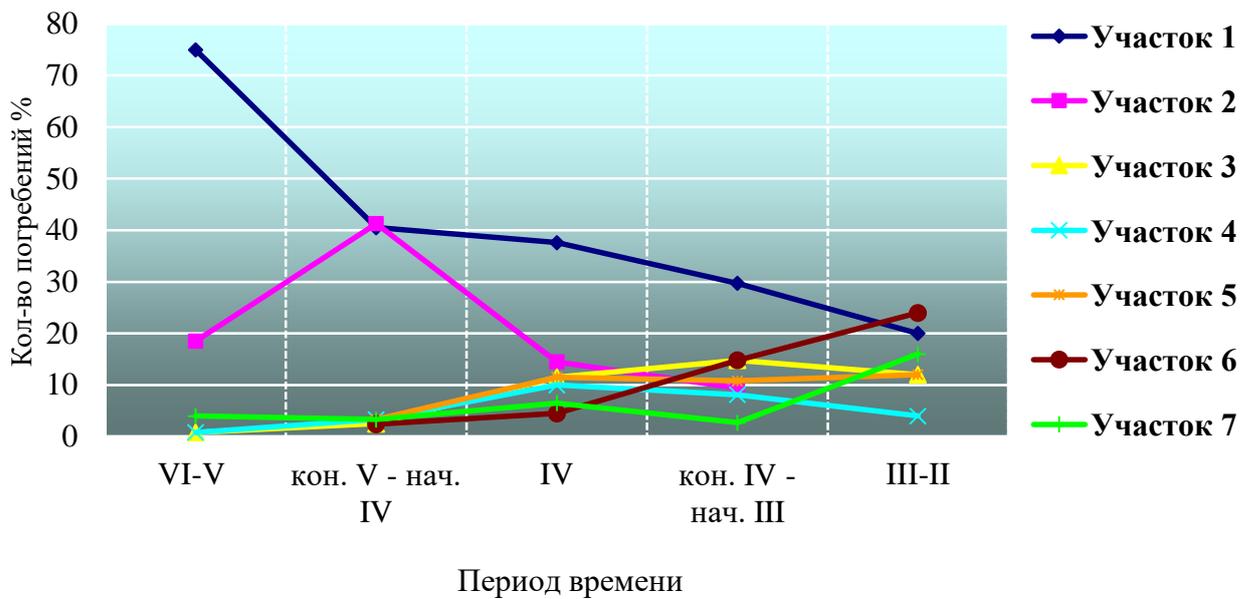
Участок 7. Между Вторым креслом г. Митридат и Пирамидальной скалой (пепелище и г. Скалка).

Геоморфология рельефа местности влияла на выбор территории для некрополя. Северо-восточная часть Керченского полуострова – холмисто-грядовая равнина с котловинами, окруженными скалистыми известняковыми гребнями. Северный склон г. Митридат, на котором находятся участки 1, 7, частично участки 3, 4, является более пологим, нежели южный. На нём сформировалось множество оврагов и балок. Некоторые овраги могли служить естественными границами некрополя. Например, город и архаический некрополь предположительно разделял овраг, который проходил вверх от западного угла старого православного кладбища [21, 22].

На южном склоне расположены участок 2, частично участки 3, 4. Он имеет сложную структуру: под Вторым креслом склон более крутой, а к юго-западу он становился более пологим и широким, а оползневые террасы – более

устойчивыми. Южный склон г. Митридат менее удобен для совершения погребально-поминальных действий, чем северный. Он гораздо круче северного склона и сильно уступает ему по территории.

Диаграмма 1. Интенсивность использования участков некрополя Пантикапея в VI-II вв. до н.э.

Интенсивность совершения захоронений на участках менялась (Диаграмма 1): в VI-V вв. 75% погребений обнаружены на участке 1, 18,5% - на участке 2, появляются единичные захоронения на участках 3, 4, 7.

В кон. V- нач. IV вв. в 2 раза, снижается процент захоронений на участке 1, а на участке 2 вдвое увеличивается число могил до 41,3%, что является наивысшим показателем для этого участка. В данный период продолжают использоваться участки 3, 4, 7, единичные погребения появляются на участках 5 и 6, что свидетельствует о расширении некрополя Пантикапея.

В сер. IV в. до н.э. Максимальное расширение границ некрополя происходит в IV в. до н.э., что свидетельствует о росте уровня развития общины, которая осваивает новые территории. Начинается постепенное снижение числа захоронений на участке 1, которое происходит до II в. до н.э. В этот период, резко снижается процент захоронений на участке 2 (с 41,3% до 14,5%!). Такое резкое изменение интенсивности использования данного участка объясняется, возможно, тем, что в V-IV вв. на его территории совершали захоронения представители определённой группы людей или по причине необходимости освоение новых территорий под некрополь. На остальных участках найдены 58,5% погребений, которые относительно равномерно распределены на территории некрополя (на 4-х участках раскопано от 14,5 до 10% могил, ещё на двух – 5% и 6%).

Похожая ситуация наблюдается в IV-III и III-II вв. Хотя для последнего периода известно небольшое количество захоронений следует отметить, что ни один из участков значительно не выделяется по количеству погребений.

Итак, изменения в топографии грунтового некрополя Пантикапея происходят в V-IV вв. до н.э. Они, вероятно, связаны с поиском и освоением новых территорий для похорон усопших. С IV в. до н.э. большинство захоронений совершались не на участке 1, как в архаический период, а в других частях некрополя. Однако, на протяжении всего исследуемого периода (VI-II вв. до н.э.) участок 1, который первые пантикапейцы выбрали в качестве некрополя, являлся традиционным и наиболее «популярным» местом захоронения. Скорее всего, это объясняется тем, что участок 1 находился близко от города и, возможно, существованием семейных участков, которые использовались со времён первых поселенцев [23]. В IV-II вв. до н.э. некрополь максимально расширяется, появляются все известные нам участки.

Ссылки и примечания:

1. Шкорпил В.В. Отчёт о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИИАК, Вып. 17. – СПб, 1905. – С. 1-2.
2. Блаватский В.Д. Материалы по истории Пантикапея. План города // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. – М.: Изд-во АН СССР. – №19. – 1951. – С.9–62.
3. Азарова В.П. Один из участков пантикапейского некрополя // Археология и история Боспора. – Симферополь, 1962. – Т.2. –С. 327
4. Болтунова А.И. Курганное погребение IV в. до н. э. под Керчью // СА, №1. – М.: Наука, 1971. – С. 170-171.
5. Ростовцев М.И., Скифия и Боспор. – Л., 1925. – С.176-251.
6. Ростовцев М.И. Указ. соч. – С. 184.
7. Цветаева Г.А. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнически й и социальный состав. – МИА, 1951, №19. – С.63-86.
8. Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций. – СПб: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. – 432 с.
9. Санжаровец В.Ф. Живя настоящим, помни о прошлом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kerch-museum.com/ru/populjarnye-stati/zhivya-nastoyaschim-pomni-o-proshlom.html>
10. Санжаровец В. Ф. Имя Митридата VI Евпатора в топонимике Крыма и Керчи // БИ. X., 2005. – С. 110-189.
11. ОАК., 1863; 1864; 1868; 1869; 1870; 1875; 1876; 1877; 1878; 1881; 1882; 1891; 1892; 1893; 1894; 1897; 1900; 1901; 1902; ИАК. Вып. 1, 1901; Вып. 2, 1902; Вып. 7, 1903; Вып. 9, 1904; Вып. 17, 1905; Вып. 25, 1907; Вып. 30, 1909; Вып. 35, 1910; Вып. 40, 1911; Вып. 47, 1913; Вып. 56, 1914; Вып. 60, 1916.
12. Куликов А.В., Бейлин Д.В., Ермолин А.Л., Столяренко П. Г. Археологические разведки на южном склоне Митридатской гряды (еще

- раз к вопросу о догреческом поселении на месте Пантикапея) // ДБ. 16. – 2012. – С. 247-270.
13. Кунина Н. З. Стекланные сосуды, сделанные в технике сердечника (VI век до н. э. – начало I века н. э.) из некрополя Пантикапея в собрании Эрмитажа // Труды Государственного Эрмитажа / Государственный Эрмитаж. [Т.] ХLI. Античный мир. Искусство и археология. Посвящается памяти Софьи Павловны Борисковской (1937–2001). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. – С. 304-353.
 14. Могилевская Е.В. Акварельная пелика из раскопок А.Е. Люценко в некрополе Пантикапея. Вопросы датировки, атрибуции и семантики изображения // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 3. / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой. – СПб.: НП-Принт, 2013. – С. 43 – 48.
 15. Могилевская Е.В. Миниатюрная ойнохоя из собрания Государственного Эрмитажа: к проблеме датировки, атрибуции и семантики росписи // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 4. / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой. – СПб.: НП-Принт, 2014. – С. 20 – 29.
 16. Могилевская Е.В. К проблеме датировки группы боспорских акварельных пелик из собрания Государственного Эрмитажа // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 2. / Под ред. А.В. Захаровой. – СПб.: НП-Принт, 2012. С. 34–39.
 17. Сударев Н. И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 «Археология» / Н. И. Сударев. – М., 2005. – 34 с.
 18. Цветаева Г.А. Указ. соч. – С. 67.
 19. Цветаева Г.А. Указ. соч. – С. 69.
 20. Ростовцев М.И. Указ. соч. – С.184.
 21. Куликов А.В., Бейлин Д.В., Ермолин А.Л., Столяренко П. Г. Археологические разведки на южном склоне Митридатской гряды (еще раз к вопросу о догреческом поселении на месте Пантикапея) // ДБ. 16. – 2012. – С. 259.
 22. Ростовцев М.И. Указ. соч. – С.184.
 23. Цветаева Г.А. Указ. соч. – С.69.

Карты грунтового некрополя Пантикапея (VI-II вв. до н.э.)

Рис. 1. Некрополь VI- V вв. до н.э.

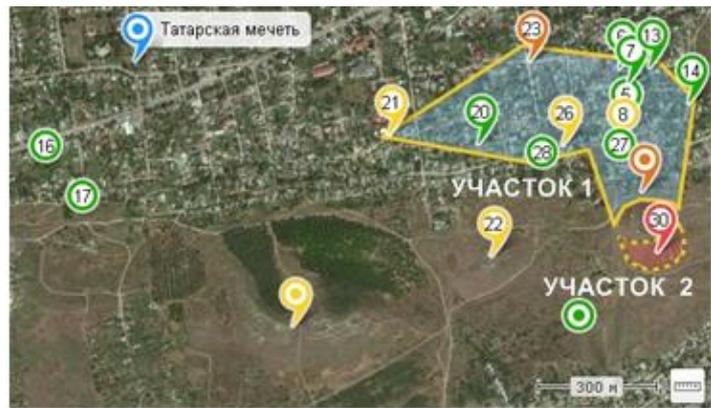

Рис. 2. Некрополь кон. V – нач. IV вв. до н.э.

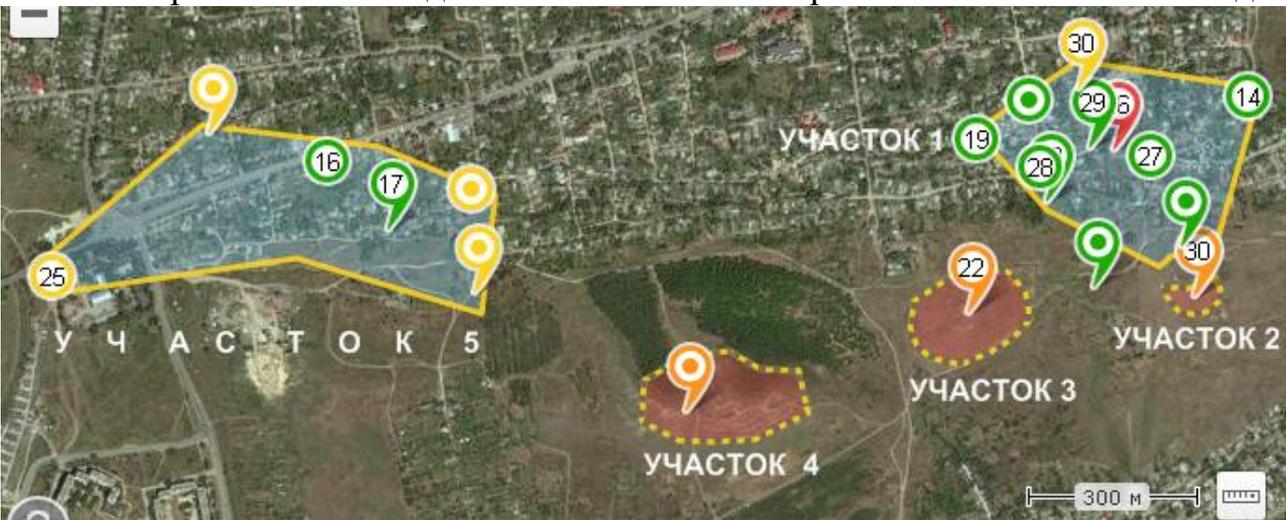

Рис. 3. Некрополь IV в. до н.э.

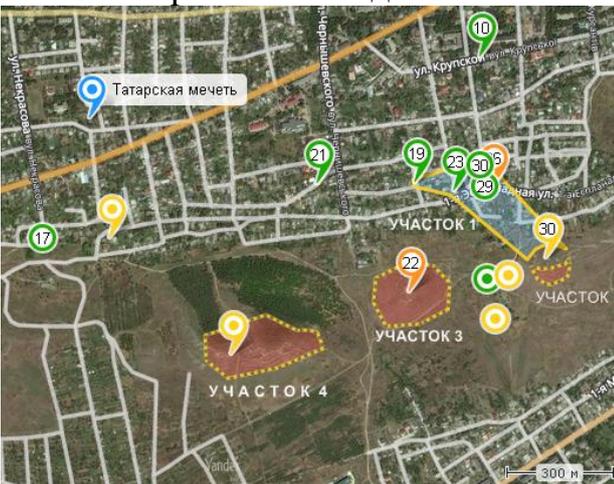

Рис. 4. Некрополь IV – III в. до н.э.

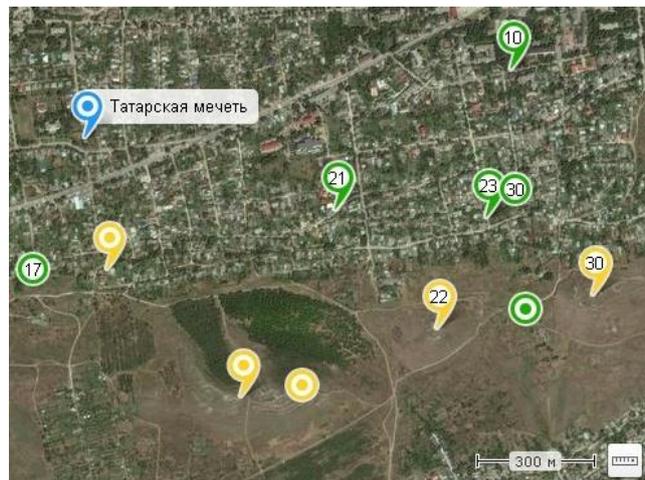

Рис. 5. Некрополь III – II вв. до н.э.

Примечания к картам: 1. Значками отмечены группы погребений или отдельные могилы; 2. Сплошными линиями отмечены погребальные участки, границы которых установлены; 3. Пунктирные линии маркируют участки, границы которых установлены условно по причине не точной фиксации исследователями XIX в. места раскопок или трудностью определения географических объектов, к которым авторы раскопок делали привязку.

Отечественная история

УДК 929:908

А.Г. Матченко

старший научный сотрудник,

ГУК «Донецкий республиканский краеведческий музей»

e-mail: gennadievitch.aleksej@yandex.ua

ИСТОРИЯ СТЕПНЫХ ДОРОГ-«ШЛЯХОВ» НА ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА. (На примере Ленинского проспекта г. Донецка).

Аннотация

В статье рассматривается возможность функционирования современного Ленинского проспекта г. Донецка в качестве степной дороги – «шляха» в различные исторические эпохи.

***Ключевые слова:** «шлях», коммуникативная функция, политогенез (классообразование), «престижная экономика», дарообмен.*

Summary

The article considers a possible function of the modern Lenin avenue in Donetsk as a steppe high road or “shlyakh” throughout different historical epochs.

***Keywords:** “shlyakh” (high road), communicative function, politogenesis (class formation), “prestigious economy”, gift exchange.*

Своеобразной «кровеносной системой» любой экономической модели в истории человеческого общества являлись и являются пути сообщения. И чем более развита экономическая модель, тем больше потребность в общении ее различных частей, элементов, перемещении в рамках этой системы людей, товаров, идей.

Пути сообщения в различные исторические периоды имели различный характер. В эпоху первобытного общества (как классической первобытности, так и начала эпохи политогенеза (классообразования) [1] они представляли собой, в основном, или тропы, по которым перемещалась дичь – объект охоты людей, или же «тропы обмена» между различными племенами, по которым перемещались продукты первобытного дарообмена – сырье для изготовления орудий, пища. Тропы первобытности могли быть как сухопутными, так и, особенно в эпоху неолита, водными (по рекам, озерам) [2].

В период начала эпохи политогенеза (эпохи классообразования), начиная уже с позднего неолита, усилилось значение обмена нового типа в

рамках возникающей в это время так называемой «престижной экономики», удовлетворяющей потребности, прежде всего, выделяющейся в составе рода и племени богатой верхушки – будущей племенной знати, племенной аристократии. По этим дорогам-тропам перемещались уже не только одни жизненно важные для общества продукты, как в предыдущий период, но и престижные предметы, предметы роскоши – особо высококачественная керамика, украшения, знаки первобытного статуса (статусные вещи, первобытные «деньги»). В это время, начиная уже с самых ранних периодов, заинтересованные в таком обмене группы людей предпринимали некоторые усилия по усовершенствованию самих дорог-троп, особенно в труднодоступных местах – в горной местности, в густых лесах, в местах, изобиловавших водными преградами – реками, озерами, болотами, путем устройства простейших мостов через ущелья, реки, или некоторого «благоустройства», насколько это было возможно при соответствующем уровне техники, и самих дорог.

Необходимо отметить, что с увеличением роли войны и военного дела, особенно в эпохи энеолита-бронзы-раннего железа, дороги приобрели и другую важную функцию – путей проникновения на земли соседних народов, их подчинения и контроля над ними.

В период возникновения ранних государств существенно усилилась «военно-стратегическая» роль дорог, которая в известной степени подчинила себе другую их функцию – собственно путей сообщения, торговли [3]. Особенно это было характерно для восточных деспотий, где были обычными «государевы дороги», служившие, прежде всего, для быстрой переброски, в случае надобности, военных отрядов и подавления сопротивления покоренных народов, а также для все более расширяющейся торговли (как внутренней, так и международной) и для нужд возникшей дипломатической службы. Апогея своего развития подобного типа дороги достигли в Древнем Риме, где они успешно выполняли как военно-стратегическую, так и торговую функции. Важность дорог для государства в период как Римской республики, так и, особенно, Римской империи, подчеркивалась отменным качеством их строительства (многие римские дороги в настоящее время являются основами современных трасс) [3].

Можно сказать, что в римский период дороги связали, впервые в истории, всю систему тогдашнего мирового хозяйства в единое целое. В это время были введены многие элементы будущего дорожного хозяйства, продолжающие успешно применяться и до сегодняшнего дня – отметки расстояния (римские мильные столбы), твердое дорожное покрытие, некоторые удобства для путешественников в виде мест, где люди могли бы передохнуть.

В связи с широким использованием новых видов животных (верблюдов), расширились возможности самих дорог, их удалось провести через и поныне безводные места (пустыни) [3].

В эпоху раннего средневековья, в связи с общим упадком и натурализацией хозяйства, роль путей сообщения также упала. Немногие сохранившиеся дороги, в основном построенные в предыдущий, римский период, использовались как военно-стратегические и частично торговые во время образования ранних средневековых государственных образований – например, империи Карла Великого. Но общее их состояние продолжало оставаться неудовлетворительным [4].

Во времена развитого или классического средневековья, с восстановлением и дальнейшим развитием экономики, возникновением и ростом городов, начала усиливаться торгово-экономическая функция дорог, связывавших отдельные районы страны и отдельные страны друг с другом. Несколько улучшилось общее состояние дорог, поскольку они стали приносить заинтересованным в этом лицам довольно весомые прибыли (дорожный сбор и прочие налоги).

Но своего наивысшего развития именно как важный элемент собственно экономики, дороги приобрели в период формирования и утверждения товарного производства (раннего капитализма) конца средневековья и начала Нового времени. Без производства и перемещения товаров в это время обходиться стало невозможно. Резко ускорило этот процесс образование в Западной Европе абсолютных монархий, сделавшее дороги важной составной частью экономического объединения той или иной страны в единое целое.

В начальную эпоху индустриального общества (развитой или классический капитализм XVIII-XIX столетий), особенно после изобретения Джеймсом Уаттом паровой машины в 1784 г., пути сообщения поднялись на новую, еще более высокую ступень развития. Впервые в Англии появились железные дороги, что вызвало мировую «железнодорожную горячку» и позволило перемещать произведенные товары и людей с невиданной прежде скоростью.

Большой прогресс ждал и сухопутные пути сообщения-дороги. С появлением двигателя внутреннего сгорания, и, следовательно, автомобиля, они поднялись на высшую и последнюю ступень своего развития. Появились специально построенные, максимально усовершенствованные дороги – шоссе, автобаны, хайвэй, фривей (США). Они оказались максимально «встроенными» в товарный характер экономики, с максимальной скоростью перемещая произведенные товарные массы и, в связи с этим, приобрели наивысшее качество постройки со времен римских дорог, в известной мере потеснили железные дороги.

Таким образом, среди многочисленных функций путей сообщения (дорог) можно выделить 2 главных: 1) чисто экономическую – коммуникативную (путь передвижения людей, продуктов их труда, нематериальных ценностей), 2) функцию военно-административную и связанные с ней торговую, дипломатическую, удержания покоренных, надзора и контроля).

Задачей данной работы является приложение выявленных закономерностей к истории г. Донецка, в частности, его Ленинского проспекта.

Поскольку многое (почти все) в первобытной (и не только) истории Донбасса является неизученным или же слабоизученным, автору во многом придется опираться на собственные разработки, не противоречащие имеющимся научным данным.

Вначале рассмотрим собственно положение нынешнего Ленинского проспекта на местности, что позволит нам в общих чертах определить возможности его функционирования в виде степной дороги.

Современный Ленинский проспект, в сущности, проходит по глубокой долине реки Скоморотиной (Бахмутки) – притока Кальмиуса. С востока он ограничен невысоким правым берегом реки Кальмиус, с юго-запада и юга – балочной системой Скоморотиной и Кальмиусом, с запада – структурой Донецкого кряжа – так называемыми «Смоляниновыми высотами» и правым (низким) берегом реки Бахмутки (Дурной).

Такое расположение, с одной стороны, было очень благоприятно для человека-охотника (отличный обзор местности со стороны Смоляниновых высот, особенно из района современного Института неотложной и восстановительной хирургии и Центра славянской культуры, позволяющий видеть животных, приходящих на водопой к реке Бахмутка (Скоморотина), но, в то же время, неудачный для целей сообщения людей, то есть выполнения будущим Ленинским проспектом своей основной функции – коммуникативной, или функции собственно дороги). Этому не способствовал прежде всего рельеф местности – долина реки с крутыми бортами, балочная система с резким перепадом высот, очевидно, становящаяся непроходимой в дождливый период.

Предположим далее, чисто гипотетически, как люди могли использовать в своих целях особенности этой местности и преодолевать ее недостатки.

Для выполнения этой задачи дадим краткую характеристику основным вехам истории Донбасса и Донецка, выделив их основные характеристики.

1). Система палеолитической степной экономики – хозяйственно-культурный тип охотников на зубров (бизонов) – 20 (18) – 12 (11) тыс. лет до н. э. [5]. Характеризуется специализированной охотой почти исключительно на зубров (бизонов), лишь изредка дополняемых другими животными. Особенностью главного объекта охоты – первобытного зубра (бизона) является образование им достаточно больших стад (по аналогии с современными американскими бизонами) и дальние сезонные миграции в широтном и меридиональном направлениях.

2). Эпоха финального палеолита – мезолита 12 (11) – 9-6 тыс. лет до н. э. – постепенный переход от специализированной охоты на бизона к специализированной охоте на дикую лошадь двух видов – вначале палеолитическую широкопалую лошадь, затем тарпана. Характеризуется

уменьшением размера и увеличением подвижности объекта охоты, возможно, падением роли массовых широтных и меридиональных сезонных миграций.

3). Эпоха неолита Донбасса 9-6 – 4 тыс. лет до н. э. – резкое увеличение влажности климата, формирование мощной речной системы, лесных массивов (пойменных, балочных, частично водораздельных). Наряду с тарпаном, вероятно, массовым видом фауны становится благородный олень, косуля, в долинах рек и заболоченных местах – кабан, в лесах и степи, предположительно, тур.

4). Эпоха энеолита (5-4 тыс. лет до н. э.) – постепенное уменьшение влажности климата, похолодание, начало формирования степной «пастушеской» производящей экономики, переход к скотоводству с элементами земледелия.

5). Эпоха бронзы (4-1 тыс. лет до н. э.) [5]. Дальнейшее развитие скотоводческо-земледельческого хозяйства в условиях дальнейшего усиления засушливости климата. Постепенное формирование предпосылок для перехода к чисто кочевому скотоводческому хозяйству.

6). Эпоха раннего железа, средневековье, Новое время (I тыс. до н. э. – XVI в. нашей эры) – окончательное утверждение чисто степной кочевой системы хозяйства – высшая и последняя стадия развития степной хозяйственно-культурной модели, сохранявшая без особых изменений свой облик до освоения степи славянами.

7). XVI-XVIII столетия – XIX-XX столетия – «конец степи» присоединение края к Российской империи, постепенная распашка степи и промышленное освоение Донбасса, освоение края оседлым славянским населением.

Попробуем применить описанные характерные особенности периодов истории Донбасса к истории нынешнего Ленинского проспекта.

1). Эпоха палеолита. Учитывая способность зубров (бизонов) к постоянным перемещениям, как в миграциях, так и к водопоям, и их численность, можно предположить, что эти животные при посещении постоянных мест вытаптывают хорошо заметные тропы – ставшие первыми в истории степными дорогами. По отношению к современному Ленинскому проспекту, характерным было перемещение животных по схеме «долина реки – водораздел», то есть на водопой в долину Скомороотиной и Кальмиуса и назад на водораздел поздним летом – осенью, где правым берегом Кальмиуса, по ровному, сухому плато (трасса нынешней улицы Артема) проходил, может быть, основной миграционный путь на север, в Подонцовье. Все эти перемещения, вероятно, четко читались на местности в виде хорошо набитых копытами «троп миграций».

2). Эпоха финального палеолита – мезолита. Исчезновение бизонов (зубров), переход к экономической модели, построенной на промысле диких лошадей двух сменивших друг друга видов – широкопалой и тарпана. Принимая во внимание особенности поведения лошадей, – их способность к

миграциям, консерватизм в выборе постоянно посещаемых мест, в то же время строго иерархическую структуру основных групп, не очень большую численность животных, можно предположить, что происходящее в долине Скомороотиной (Бахмутки) в период конца палеолита – мезолита отличалось от положения в предыдущую эпоху лишь масштабами. Так же по бортам речной долины к воде спускались тропы, пробитые табунами диких лошадей, так же по водораздельному плато – району будущей Первой линии (ул. Артема) проходил, вероятно, главный миграционный путь, хорошо набитый тысячами копыт животных, идущих на север. И так же, как в палеолите, за перемещениями животных к водопою и на водораздел следили с высоких мест – современных Смоляниновых высот – вооруженные луками первобытные охотники. Еще раз подчеркиваю, что нарисованные нами картины являются в известной мере гипотетическими, так как прямо подтвердить их подлинность археологическими раскопками не представляется возможным вследствие плотной городской застройки.

Подытоживая сказанное, отметим, что в период классической первобытности в районе современного Ленинского проспекта основным видом путей сообщения были тропы, пробитые представителями стадной фауны – бизонами и лошадьми к местам водопоя и по путям миграций. Коммуникативная функция путей сообщения в это время, очевидно, была развита слабее из-за уже упоминавшихся особенностей местности.

3). В период неолита Донбасс в значительной степени становится «водным краем» из-за значительного общего увлажнения климата и увеличения водности всех рек и подземных источников в связи с общим увеличением количества осадков и повышением уровня подземных вод.

Именно к неолиту относится появление в крае настоящих лесных массивов, прежде всего пойменных. В это время среди разнотравно-злаковых или луговых степей главными, а в ряде случаев и основными путями становятся реки. Вследствие особенностей Донецкого кряжа – относительно небольшого расстояния между речными системами и узости водоразделов-волоков, рыбаки и охотники неолита легко могли пройти по рекам с юга на север, на берега Северского Донца. Какую роль играл в то время в системе водных путей Кальмиус сказать однозначно нельзя, поскольку реку в современном Тельмановском районе перерезают пороги. Но, возможно, и это препятствие легко преодолевалось, учитывая легкость неолитических лодок, днища которых, судя по некоторым этнографическим аналогам, могли доводить до толщины фанеры. Наряду с водными, сохраняли свое значение и сухопутные пути, в основном, по-прежнему совпадавшие с тропами диких животных. То же положение сохранялось и в начале следующего периода – энеолита.

4). В период начала становления производящего хозяйства в степи – энеолита – появляется новый фактор в системе степных дорог. Он связан с формированием нового элемента – путей прогона домашних животных. На

первых порах пути эти были не очень протяженными, племена так называемой новоданиловской (суворовской) культуры [Музейный вестник], очевидно, пасли свой скот, как и жители Донбасса более позднего времени, перегоняя небольшие стада «от воды до воды», в том числе через водоразделы. В это время V-образная долина Скомороотиной стала служить одним из таких путей, соединяя долины Кальмиуса и Бахмутки (Дурной), что не отменяло и иных ее функций – места водопоя диких и домашних животных, коммуникации людей.

5). В эпоху бронзы начинается, в сущности, история степных «дорог», получивших в историческое время название «шляхи».

Особенностью этих путей сообщения было то, что они никак не обозначались на местности, представляя собой просто ровные участки степи, отмеченные лишь курганами, в более позднее время – с каменными изваяниями на них. Такой характер степных дорог частично можно проследить и в современном расположении улиц города Донецка, следующих рельефу местности и поэтому, зачастую, образующих прихотливые извивы.

6). Поскольку эпоха бронзы во многих отношениях была предшественницей периода ранних кочевников, то отмеченные закономерности справедливы и для периода раннего железного века. Возможно, люди все же предпочитали более сухое и ровное плато, занятое в настоящее время центральной частью г. Донецка. При использовании в качестве пути сообщения дорогу, по которой в будущем прошел Ленинский проспект, приходилось решать проблему переправы через реку Скоморотину – довольно глубокую реку с вязким, илистым дном.

В эпоху кочевников степные «шляхи» приобрели и международное значение – Муравский шлях служил дорогой для дипломатических сношений с Крымом, по территории Донбасса прошел Кальмиусский шлях – Кальмиусская сакма (проторенная дорога), по северу Донбасса шел Изюмский шлях.

7). Окончательно свою функцию современной дороги, соединяющей северную и южную части Донецка (будущие «Новый свет» и «Заводскую сторону»), Ленинский проспект приобрел лишь в XVIII-XX веках с освоением Донбасса и, соответственно, долины Кальмиуса оседлым славянским населением и формированием на территории будущей Юзовки-Сталино-Донецка 11 поселений, объединенных в две группы – северную и южную. В это же время была решена и извечная проблема переправы через реку и балочную систему Скомороотиной-Бахмутки сооружением сперва временного, а затем и двух постоянных мостов – Бальфуровского (ок. 1890-х гг.) и современного (с 1930-х гг.), по которому проходят трамвайные пути на запад – в Кировский и Петровский районы г. Донецка. С этого времени и до сегодняшнего дня Ленинский проспект продолжает выполнять свою основную функцию – не просто рядовой улицы города, а именно «улицы-дороги» связывающей все части города – северную, южную, западную и восточную.

Ссылки и примечания:

1. История первобытного общества. – т. 3. Эпоха классовообразования. – М., 1988, 555 с.
2. История первобытного общества. – т. 2. Эпоха первобытной родовой общины. – М., 1986. – 565 с.
3. Всемирная история. – т. 2. – М., 1956. – 887 с.
4. Всемирная история. – т. 3. – М., 1957. – 884 с.
5. Музейный вестник. – № 1. Донецк, 2017. – 495 с.

УДК 93(477.7+498.7) "18/19" (043)

И.Ю. Бельдюгина

ГОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»
e-mail: Vetal-VNU@yandex.ru

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В СТАНОВЛЕНИИ СИСТЕМЫ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Аннотация

В статье рассматриваются роль государства и церкви в становлении начального образования в Российской империи в первой половине XIX в. Анализируются основные законодательные акты оказавшие первостепенное значение в создании и функционировании системы образования. Отмечается, что эти законодательные разработки стали основой для реформы образования уже во второй половине XIX в. Указывается на особую роль РПЦ в становлении и функционировании системы народного образования, особенно начального. Рассматриваются причины несовершенства и упадка начального образования в империи. Подчеркивается, что отсутствие единого материально-финансового обеспечения, подчинение разным ведомствам и господство феодально-крепостнических отношений тормозило развитие народного образования, поэтому не способствовало решению проблемы по удовлетворению все возрастающих образовательных потребностей в стране.

Ключевые слова: волостные училища, духовенство, крестьянские школы, Министерство народного просвещения, начальное образование, приходские училища, Священнейший Синод, устав.

Summary

The article examines the role of the state and the church in the formation of primary education in the Russian Empire in the first half of the 19th century. The article analyzes the main legislative acts that have been of paramount importance in the creation and functioning of the education system. These legislative developments became the basis for educational reform already in the second half of the 19th century. The special role of the ROC in the formation and functioning of the system of public education, especially primary education, is pointed out. The reasons for the imperfection and decline of primary education in the empire are considered. It is emphasized that the lack of a single material and financial support, subordination to different departments and the domination of feudal-serf relations hampered the development of public education, therefore, did not contribute to solving the problem of meeting the ever-increasing educational needs in the country.

Keywords: *volost schools, clergy, peasant schools, Ministry of Public Education, primary education, parish schools, Holy Synod, charter.*

Роль государства и Церкви в формировании системы духовно-нравственного и патриотического воспитания в образовательной деятельности в своем историческом контексте не только не утратила актуальности, но и приобретает все большую значимость на современном этапе.

Исторический опыт создания и функционирования образовательной сферы включает в себя не только собственно церковный опыт, но и государственный опыт органического включения образовательно-просветительской деятельности Русской Православной Церкви в существующую систему народного образования. Значение этого опыта позволяет повысить эффективность проведения государственной политики в области образования с учетом духовных запросов и интересов значительной части населения.

Целью исследования статьи является изучение роли государства и Церкви в становлении системы начального образования в Российской империи в первой половине XIX в.

Отдельные аспекты исследуемой темы были отражены в работах ученых предшественников. Изучение истории школы и народного просвещения, реформирования системы образования, взаимоотношения государства и Церкви в сфере начального образования являлись предметом исследования ученых – философов, социологов, педагогов, историков, государственных деятелей и др. [2;4;5;15;16]. Однако, исходя из конкретной научной направленности и региональной специфики большинства работ, необходимость изучения выбранной темы обуславливается появлением новых публикаций, использованием современных исследовательских подходов и отсутствием комплексного изучения предложенной темы.

С начала XIX в. в результате издания Манифеста от 18 сентября 1802 г. подписанного Александром I, было образовано Министерство народного

просвещения. Так впервые в России создавалось центральное управление народным образованием, а образование становилось объектом государственной политики и образовательного законодательства [9, с. 162].

Период с момента создания Министерства в 1802 г. и до проведения Великих реформ второй половины XIX в. по сути своей являлся подготовительным, дореформенным, когда впервые на государственном уровне формировалась система народного образования, нарабатывалась законодательная база, складывалась государственная идеология и выкристаллизовывались духовно-нравственные ориентиры будущей системы народного образования.

На первом этапе развития государственной политики в сфере образование внимание царского правительства было направлено, в первую очередь, на формирование самой системы образования, что воплотилось в утверждении дальнейших законодательных актов: «Предварительных правил народного просвещения» 1803 г. и «Устава учебных заведений, подведомых университетам» от 5 ноября 1804 г.

Основы устава разрабатывали члены негласного комитета, созданного при Александре I. В этом документе система образования была представлена как единственная всенародная система, состоящая из трех звеньев: во-первых, высшее образование представляли университеты, которые планировалось разместить в каждом учебном округе; во-вторых, среднее образование представляли гимназии, находящиеся в каждом губернском городе, и уездные училища в уездных городах; в третьих, начальное образование сосредотачивалось в приходских училищах, которые находились не только в городах, но и в сельской местности. Между ступенями образования предполагалась тесная взаимосвязь, а именно последовательность обучения от низшего уровня к более высшему, то есть система образования приобретала вид единой непрерывной цепи.

Основным звеном начального образования являлись приходские училища, которые служили для элементарного образования населения империи и составляли основу формирующейся учебной системы. Среди обязательных предметов для изучения в этих школах были: Закон Божий, чтение, письмо и основы арифметики.

Одновременно с «Предварительными правилами народного просвещения» Устав устанавливал в России шесть учебных округов – Московский, Виленский, Дерптский, Санкт-Петербургский, Харьковский и Казанский. В нем назывались губернии, входящие в каждый учебный округ, и назначались попечители этих округов [9, с. 164]. Центром образования и центром культуры во всех юго-западных губерниях стал открытый в 1805 г. Харьковский университет.

Следует отметить, что в процессе формирования системы образования активную позицию занимала Православная церковь, имевшая надежного союзника в лице государства. К тому же правительство резко сменило курс от

либерально-образовательной политики первых лет царствования Александра I религиозно-реакционным периодом, когда начались гонения на либеральные идеи уставов университетов и учебных заведений 1804 г. Указанные политико-идеологические перемены воплотились в царском Манифесте от 24 октября 1817 г., когда было создано совместное Министерство духовных дел и народного просвещения, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения» [4, с. 93]. Исходя из этого, Главное училищное управление считало своим ключевым заданием всяческое содействие внедрению в учебно-воспитательный процесс основ православной веры и преданность самодержавию на основе народных традиций. Министр народного просвещения С.С. Уваров (с 1833 г.), разработав широкую программу, построенную на исторических принципах российской государственности и культуры, подчеркивал необходимость приспособления общего образования к народному быту, утверждение ее на исторических основах православия, самодержавия и народности. Это, по его мнению, должно было стать фундаментом сохранения целостности, могущества и благосостояния Российской империи [3, с. 222-223].

Не только государство, но и духовное ведомство было заинтересовано в широком привлечении православного духовенства к образовательной деятельности, чтобы через школу влиять на формирования религиозного самосознания населения и противодействовать сектантскому влиянию на молодежь.

С этой целью в дела просвещения народных масс с начала века начали активно привлекать духовенство, которое должно было открывать свои школы при церквях. То есть, на официальном уровне признавалась возможность использовать священно- и церковнослужителей в качестве учителей в начальных школах. Так, императорским указом 1805 г. «О преподавании священно- и церковнослужителей в сельских приходских училищах грамоте» епархиальным архиереям предписывалось создавать училища в приходах, где есть образованные, способные к преподавательской деятельности священники, а где таковых нет – назначать [10]. Но ожидаемых качественных изменений в деле народного образования в течение первого периода политики государства в сфере образования не произошло. Это было связано с тем, что в сельской местности, по-прежнему, не хватало школ, а население в большей своей массе оставалось неграмотным. По этому поводу министр народного просвещения А.С. Шишков, приступая к разработке нового устава, с сожалением отмечал низкое качество народного образования в России [4, с. 88].

Правление Николая I (1825-1855), известного своими консервативными взглядами в области народного образования, было отмечено созданием нового школьного устава, утвержденного 18 декабря 1828 г., результатом которого стало быстрое увеличение количества народных училищ. Личные убеждения императора, а также такие политические события, как выступление

декабристов в 1825 г. и революции 1830 и 1848 гг. в Западной Европе, обусловили консервативно-реакционный характер школьной политики. При таких условиях руководство страны пыталось использовать религиозное воспитание молодежи как средство противостояния либерально-демократическим и революционным учениям. Провозглашалась новая идеология в образовании, которая базировалась на православии, народнических лозунгах и сословно-крепостнической структуре российского общества. Эти положения стали основой очередного школьного устава. А.С. Шишков считал, что в организации учебных заведений приоритетным должен быть принцип сословности. По уставу 1828 г. каждое из звеньев системы образования приобретало элементы изолированности, и предназначалась для обучения отдельных сословий [11], в частности начальные школы превратились в школы преимущественно для крестьян.

Начальная школа оставалась по-прежнему, одноклассной, а продолжительность обучения зависела от индивидуальных успехов учащихся. Они должны были научиться Закону Божьему, чтению по книгам церковной и гражданской печати, чистописанию и четырем действиям арифметики. Одним из отрицательных явлений того времени было то, что начальные школы, в отличие от гимназий и уездных училищ, государством совсем не финансировались, а содержались за счет городских и сельских общин, а также благотворительных взносов помещиков. Поэтому их количество особенно в сельской местности оставалась незначительным. Так, в 1855 г. в ведении Министерства духовных дел и народного просвещения насчитывалось лишь 400 уездных и 600 приходских училищ, причем большинство из них действовали в основном в городах [4, с. 96].

Вопиющая безграмотность населения и возрастающая потребность в образованных чиновниках, работниках и других представителях низших чинов вынуждало различные ведомства, и даже частных лиц к самостоятельному открытию и содержанию начальных школ. Так появились волостные училища, приходские училища Министерства внутренних дел, Министерства уделов и особенно Министерства государственных имуществ, некоторые заведения Мариинского ведомства, и собственно крестьянские школы, созданные на средства крестьянских пожертвований или взносов других меценатов.

В истории народного образования первыми постоянными начальными учебными заведениями считаются волостные училища, возникшие в России в 1830-х гг. Они предназначались для подготовки служащих низших квалификаций, особенно необходимых в сельской местности (писарей, землемеров, помощников фельдшеров, садоводов, животноводов и т.д.). В их существовании была заинтересована значительная часть ведомств. Министерство народного просвещения, хотя и знало о существовании этих школ, ими не интересовалось, потому что не относило их к разряду общеобразовательных. По классификации М.М. Сперанского, они

принадлежали к реальным, то есть техническим или профессиональным училищам.

Создание первых приходских училищ возлагалось на Министерство уделов, которое организовывало эти заведения при церквях под наблюдением сельских священников. Согласно указу от 18 октября 1825 г. удельные крестьянские училища должны были способствовать распространению элементарного образования среди удельных крестьян и готовить грамотных писцов. Учебные программы соответствовали курсу приходских училищ, а преподавание велось ланкастерским методом, при котором старшие и более успевающие ученики под руководством учителя вели занятия с остальными учащимися. Подозрения властей в антиправительственном направлении школ взаимного обучения, а также недостаток средств на их содержание явились причиной упадка данной системы в России. Главное руководство над школами осуществлялось удельными конторами, а содержание – за счет поместий, на территории которых они располагались. В 1865 г. удельные школы (376 школ с 11394 учениками) перешли в подчинение Министерства народного образования.

С начала 1830-х гг. созданием приходских школ в государственных поселениях занималось и Министерство финансов, а с 1837 г. – вновь Министерство государственных имуществ. Открытие начальных учебных заведений было вызвано острой потребностью в государственных селах писарей и других специалистов. С этой целью Министерство финансов сначала использовало практику обучения крестьянских мальчиков в уездных и приходских училищах, после чего они стажировались как делопроизводители в казенных палатах или предназначались помощниками землемеров, садоводов, ремесленников. Однако длительное пребывание детей вне семьи заставило прибегнуть к другому средству: в каждом селе избиралось несколько мальчиков и элементарное образование они получали на месте у приходского священника.

Особенно последовательную организацию сельских начальных школ осуществляло Министерство государственных имуществ, возглавляемое графом П.Д. Киселевым. Оно признало неудовлетворительным состояние волостных школ и поставило перед собой задачу способствовать общему умственному развитию сельских детей. С этой целью решили создать целый ряд сельских приходских училищ. Разработка основных положений организации этих учреждений возлагалась на особый ученый комитет, который фактически получил статус своеобразного министерства народного просвещения. В его обязанности входили подбор учебников, издание пособий, написание методических указаний и обеспечения ими учителей и т.д., а также осуществление расчетов заработной платы школьных работников. Процесс создания приходских школ Министерством государственных имуществ происходил планомерно и со знанием дела, что в последующем дало положительный результат. Так, если на начало деятельности министерства в

конце 1830-х гг. в поселениях государственных крестьян насчитывалось всего 12 приходских и 21 волостная школа, то через 18 лет, к середине 1850-х гг., уже насчитывалось 2558 школ и 110 тыс. учеников, причем шестую часть из общего количества учеников составляли девушки. Однако современники отмечали их бюрократический характер и нерасторопность. Впоследствии с 1867 г. они были переданы Министерству народного просвещения [4, с. 99-100].

Вместе со школами, которые открывались государственными ведомствами, в сельских приходах, где не было ни одной школы законного типа, возникали крестьянские начальные школы. Поначалу они не имели отдельных помещений и, как правило, «мигрировали» по очереди от одного дома к другому, от одной деревни к другой, нередко оставаясь в одном селе на всю зиму или на половину. Учителями в них становились члены причта: преимущественно дьяки, просвиры или местный грамотный крестьянин. Если таковых не было, сельская община нанимала бродячих грамотных людей, которые искали любое занятие для собственного пропитания: отставного солдата или солдата запаса, уволенного волостного писаря и т.п. [6, с. 19]. Такой учитель договаривался с родителями детей об оплате своего труда, которая бралась за каждого ученика или ежемесячно, или же за курс обучения. Размер платы колебался от 70-80 коп. до 1 руб. (вплоть до 3 руб.) с ребенка за зиму, иногда ежемесячно – от 25-ти коп. Процедура открытия школы была довольно простой и не требовала излишней регламентации: после получения благословения и разрешения приходского священника учитель начинал свою деятельность. В примитивном своем виде крестьянские школы напоминали домашнюю школу.

Крестьянские школы, как позже их называли школы грамоты, в отличие от других типов учебных заведений, длительный период не считались правильно организованными, поскольку невозможно было проследить за тем, где и кто учит крестьянских детей, поэтому правительство их всячески игнорировало вплоть до издания в 1884 г. «Правил о церковно-приходских школах» [1, с. 111]. Правительственные чиновники не вели их учета, а поэтому официальная информация, которая отражала бы динамику их развития в течение первой половины и значительного периода второй половины XIX в., практически отсутствует. Впрочем, школы грамоты этого периода все же могли попасть в статистические данные, но только как церковно-приходские.

В течение первого периода государственной политики в сфере образования и светское, и церковное руководство пытались контролировать и координировать деятельность духовенства в деле народного просвещения. Священнейший Синод «Правилами для начального обучения крестьянских детей, а также детей раскольников» от 29 октября 1836 г. приказывал поощрять способных и «благонадежных» священно- и церковнослужителей, принимающих участие в обучении крестьянских детей начальной грамоте

[12, с. 4-5]. Поэтому деятельность духовенства контролировалась в соответствии с тайным указом от 12 мая 1837 г. [13;14] и постановлением Министерства просвещения «О разрешении священно- и церковнослужителям православного вероисповедания учить в частных домах» (1836 г.). Согласно этим актам духовенству разрешалось учить детей, как в собственных домах, так и в общественных зданиях, согласовывая такую педагогическую деятельность с местными благочинными, которые не допускали к учительскому труду священников «неблагонадежного поведения» [8, с. 902-903]. Государством отводилась приоритетная роль духовенству в организации и развитии начального народного образования. Так, например, в статье 14 «Устава духовных консисторий», утвержденного 27 марта 1841 г., создание при церквях начальных училищ в простом виде, приспособленном к народному быту, вменялось в обязанность епархиальному руководству, которое должно было заинтересовывать и поощрять приходское духовенство в создании и поддержке приходских училищ для обучения крестьянских детей чтению, письму, молитвам [12, с. 6-7]. С целью содействия распространению сети приходских училищ императорским указом от 23 ноября 1842 г. Министру государственных имуществ предписывалось вместе с духовным руководством назначать «достоинейших из среды духовенства наставников для обучения сельского юношества» [7, с. 47-50].

Таким образом, на первом этапе (начало XIX в. – 1861 г.) совместной деятельности государства и Церкви в сфере начального образования функционирование учебных заведений осуществлялось согласно двум уставам. Устав 1804 г. положил начало развитию самой системы начального образования, инициировал создание школ в сельской местности, закрепил бессловный характер ученического контингента, и Устав 1828 г., который, во-первых, ввел социальную дифференциацию учащихся, т.е. узаконил сословный принцип обучения, во-вторых, отделил начальную школу от средней и высшей школы. Однако в обоих документах были закреплены негативные факторы деятельности приходских школ: во-первых, отстраненность государства от финансовой и материальной поддержки школ, поэтому руководство и содержание осуществляли частные лица, в том числе священники или общественные деятели; во-вторых, громоздкий, принадлежащий к разным ведомствам и источникам порядок финансирования. То есть это говорило скорее об отсутствии системы начальной школы. Следует отметить, что в обоих документах закреплялись положения о необходимости привлечения священно- и церковнослужителей к преподавательской деятельности в приходских училищах. Данное обстоятельство свидетельствовало о полном взаимодействии светской и церковной властей по вопросу места и роли духовенства в образовательном процессе.

К началу 60-х годов XIX в. вся система школьного образования требовала коренных, системных преобразований. Консервативные подходы и методы в учебно-воспитательном процессе и управление системой народного

образования, а также фактическое отсутствие финансового и материального обеспечения со стороны центральной власти способствовали, еще в большей степени, углублению кризисных явлений в сфере обучения и воспитания подрастающего поколения при сохранении основной причины такого положения – господства феодально-крепостнических отношений.

Ссылки и примечания:

1. Всеподданнейший Отчет Обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1884 г. – СПб.: Синод. тип., 1886. – 361 с.
2. Бричок С.Б. Історія становлення та розвитку церковнопарафіяльних шкіл в Україні / С.Б. Бричок // Педагогічні науки. – 2005. – Вип. 40. – С. 288-297; Розвиток народної освіти і педагогічної думки на Україні (X – поч. XX ст.) / За ред. М.Д. Ярмаченка. – К.: Радянська школа, 1991.- 381 с.;
3. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802 – 1902. / Сост. С. В. Рождественский. – СПб.: Изд-е Министерства народного Просвещения, 1902. – 785 с.
4. Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. – М.: Гос. учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953. – 269 с.
5. Калинина Е.А. Система народного просвещения на европейском севере России в первой половине XIX века. Автореф. докт. ист. наук. – М, 2018. – 45 с.
6. Меры к повсеместному распространению грамотности в народе. – СПб.: б. и., 1892. – 35 с.
7. Несколько слов о сельских училищах // ПЕВ. Ч. Неоф. 1864. – № 14. – С.47 – 64.
8. О дозволении священно- и церковнослужителям Православного исповедания обучать в частных домах // Сб. пост. Мин. нар. просв., 1864. – Т. 1. – С. 902 – 903.
9. Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века: сб. документов: в 3 т. / Э.Д. Днепров. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – Т. I. – 832 с.
10. Указ Его Императорского Величества “О преподавании священно- и церковнослужителей в сельских приходских училищах учения”. – Б. м., 1805. – 2 с.
11. Устав гимназий и училищ уездных и приходских. – Б. м., 1828. – 52 с.
12. Устав Духовных консисторий. – СПб.: Синод. тип., 1841. – 134 с.
13. ЦГИА Украины. Ф.127. Оп.1020. Д.8622. Выписки из журналов заседаний Киевской Духовной консистории о ходе выполнения указа Синода от 12 мая 1837 г. об открытии церковно-приходских школ. Сведения о количестве церковно-приходских школ, числе учащихся по Киевской епархии и об обеспечении их букварями. 1841-1842 гг. – Л. 2.

14. Там же. Ф. 442 Канцелярия Киевского, Подольского, Волынского генерал-губернатора. Оп. 809. – Д. 53. – Ч. III Дела о состоянии начального обучения крестьянских детей в сельских приходских школах Киевской, Подольской, Волынской губерний. Имеются ведомости о сельских приходских школах с указанием времени открытия, числа учащихся, предметов обучения. – 1859 – 1864 гг. – Л. 20-25.
15. Білецький О.А. Розвиток народної освіти у Катеринославській губернії (друга половина ХІХ-початок ХХ ст.): дис. канд. пед. наук: 13.00.01. – Слов'янськ, 2009. – 203 с.
16. Веденский Е.С. Деятельность Русской Православной Церкви в области начального народного образования во второй половине ХІХ – начале ХХ вв. (по материалам Ярославской и Костромской губерний): автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02. – Ярославль, 2004. – 22 с.

УДК 94(470)»1846

А.Н. Поляков

кандидат исторических наук,

ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»

e-mail: polyakov150@mail.ru

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ЕГО АВТОР: ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

Аннотация

В статье рассматривается проблема авторства «Слова о полку Игореве» и сложности в изучении древнерусской поэмы. В этой связи автор статьи анализирует статью М. Ю. Брайчевского, посвящённую данному вопросу, и высказывает свои мысли.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», автор, поход, половцы

Summary

The article deals with the problem of authorship of the "Words about Igor's regiment" and the difficulties in studying the old Russian poem. In this regard, the author analyzes M. Yu. Braichevsky's article on this issue and expresses his thoughts..

Keywords: "The word about Igor's regiment", author, campaign, Polovtsy

Об Авторе «Слова о полку Игореве» пишут довольно часто. Начиная с Н. Головина (1846 г.), многие исследователи пытаются дать ему имя, те, кто

осторожнее – указать его положение в обществе, место жительства, мировоззрение и тому подобное. Так или иначе, все эти вопросы связаны с толкованием поэмы в целом, поскольку, кроме самого «Слова», никаких других источников об Авторе не существует. Всевозможные попытки приписать авторство какому-нибудь историческому лицу являются не более чем догадками, основанными на предположениях и допущениях. Об этом хорошо сказал Д. С. Лихачев: «если гипотеза строится в свою очередь на других гипотезах, то недостоверность её увеличивается в геометрической прогрессии» [4, с. 398]. К сожалению, такого рода труды появляются с завидным постоянством.

В 1990 году в сборнике «Проблемы археологии южной Руси» вышла статья М. Ю. Брайчевского «Черниговский княжеский Дом и Автор "Слова о полку Игореве"», в которой он выступает против распространённого мнения, будто автор «Слова» родом из Новгорода-Северского (К. Д. Ушинский) или выходец из Чернигово-Северской земли (Н. М. Карамзин, М. А. Максимович, С. П. Обнорский, В. Г. Федоров, В. И. Стеллецкий, С.И. Котков и др.). Чаще всего в авторе видят непременно участника похода. М. Ю. Брайчевский, на мой взгляд, справедливо выступает против этого утверждения, считая, что Автор поэмы, «не был уроженцем Черниговщины и, по-видимому; даже не бывал ни в Чернигове, ни в Новгороде-Северском». Поэт, по его словам, «не только не был участником похода 1185 г., но имел о нём весьма смутные представления» [1, с. 13]. М. Ю. Брайчевский не единственный, кто отрицает близость создателя «Слова» князю Игорю. И. М. Кудрявцев в 1949 г. доказывал, что автор «Слова» жил в Новгороде Великом и никогда «не был участником похода» [2, с. 438]. Изучение текста «Слова» дало ему любопытный материал. В поэме Переяславль стоит на Суле: «Уже бо Сула не течет сребреными струями къ граду Переяславлю» [10, с. 43]. В действительности город находится (и находился) на реке Трубеже «за 100 с лишним километров от Сулы!» [2]. На это обращает внимание и М. Ю. Брайчевский. Вероятно, что Автор «Слова» был удалён от этих мест либо многими вёрстами, либо столетиями. Если учесть дух «Слова», то, скорее всего, первое. Возможно, создатель поэмы знал о походе Игоря из рассказов очевидцев или летописной повести. Во всяком случае, один из источников ошибки Автора нам известен. Нашёл его тот же И. М. Кудрявцев. Речь идёт о битве на Нежатиной Ниве. В «Слове» тело Изяслава, убитого в этом сражении, провожает сын Святополк и погребает у Святой Софии. А по Киевской летописи (это отмечал ещё А. В. Соловьев) «тело Изяслава "проводил" Ярополк, а не Святополк, и похоронил его не у Св. Софии, а в церкви Св. Богородицы, т.е. Десятинной» [11, с. 75]. М. Ю. Брайчевский объяснил несоответствие неосведомленностью автора. А вот И. М. Кудрявцев обнаружил, что сведения «Слова о полку Игореве» согласуются с сообщением

Новгородской Софийской первой летописи. Там также «Изяслав был похоронен именно в Софии, а не в Десятинной церкви» [5, с. 509]. Откуда в «Слове» Новгородская версия событий? И. М. Кудрявцев предположил, что поэт был новгородцем. Д. С. Лихачёв указал на новгородские связи Чернигово-Северского Дома. «...Отец Игоря Святославича, – пишет Д. С. Лихачев, – был дважды Новгородским князем и был женат на новгородке» [5, с.511] и потому, по его мнению, всё объясняется тем, что «в основе летописца отца Игоря ... лежало Новгородское летописание...» [5, с.510]. Однако вопрос: почему Сула в «Слове» течёт к Переяславлю, в этом случае, остается невыясненным.

Примечательно ещё одно место в «Слове». Согласно поэме «грозный» Святослав узнал о поражении Игоря во время сна, в Киеве, а по летописи – в Чернигове, когда собирал полки для похода против половцев. Что это? Снова ошибка? Конечно, можно сослаться, как это делает М. Ю. Брайчевский, на неосведомленность автора, но станет ли «Слово» от этого понятнее? М. Ю. Брайчевский этой сцены не касается, зато, вспоминая о солнечном затмении, пишет: «Путается он в хронологии событий и в их последовательности. Солнечное затмение ... отнесено к самому началу похода» [1, с. 14].

Действительно, затмение солнца помещено в «Слове» перед походом, а не после его начала, и даже упоминается два раза. Однако повода говорить об ошибке, нет. Попробуем разобраться, И в первом, и во втором случае причина расхождения с действительным ходом событий, мне кажется, одна – она в построении поэмы и мироощущении Автора. Д. С. Лихачёв заметил, что «благодаря приметам события воспринимаются в «Слове» как сбывшиеся предчувствия, как нечто – предвиденное и предсказанное, как нечто значительное ... Всё «Слово» состоит либо из предчувствий, либо из осуществлений этих предчувствий» [3, с. 280–282]. Солнечное затмение – это знак будущего поражения Игоря, поэтому оно предшествует походу. Гибель русичей на поле боя является осуществлением предсказанного несчастья. То же самое значение имеет и вся сцена смутного сна Святослава с толкованием его боярами. Как утверждает Б. А. Парахонский, «с очень древних времен видеть вещие сны было прерогативой вождей или царей-жрецов, поскольку такой сон – способ общения правителя с миром ... богов или предков...» [6, с. 34]. В этом смысле сон главного правителя в Киеве вполне оправдан. Святослав воспринимается как мудрый старец, отягощённый опытом князь, чувствующий ответственность за Русскую землю. Он не «олицетворение центральной государственной власти», как внушает читателю М. Ю. Брайчевский. Именно «внушает», поскольку никаких доказательств исследователь не приводит. Утверждать, что Автор «Слова» призывает к централизации, нет оснований. Наоборот, можно сказать, что поэт является

сторонником сохранения существовавшего тогда порядка. Обратим внимание на одно выражение в «Слове»: «это моё, а то моё же». Оно звучит после второй битвы, в рассказе о последствиях неудачного похода. Что оно означает? Скорее всего, Автор перефразирует обратную формулу – это моё, а то твоё, т.е. каждый владеет своей землей. Он осуждает тех, кто нарушает этот закон и, значит, является его сторонником. Видимо, создатель поэмы находит выход из положения не в усилении власти киевского князя, а в соблюдении законности, в чётком выполнении правила «это моё, а это твоё». В целом сцена, в которой употребляется данное выражение, показывает, что Автор «Слова» выступает и против подмены общерусских интересов волостными, защищая всю Русскую землю, а не какую-либо волость. Но дело здесь опять же не в идее централизации (которая к слову сказать, в литературе того времени не прослеживается), а в том, что он видит Русь единой. Иначе говоря, исходит из единства, а не призывает к нему. Тот же вывод получится, если проследить употребление в тексте «Слова» вместо областных названий, понятий «русичи», «Русская земля», «русское золото», частое упоминание города Киева. Видимо, М. Ю. Брайчевский для обоснования своей гипотезы текстом поэмы не пользовался и к этому не стремился. Понятно, что утверждения типа: в действительности Святослав «типичный и достаточно слабый властитель второй половины XII в.», не возникли, если бы М. Ю. Брайчевский, строил свои доказательства на основании источников, а не предположений и догадок. Мнение М. Ю. Брайчевского о Святославе автор «Слова», очевидно, не разделяет. Да и трактовка выражения «Буй-Тур», как «обезумевший бугай», мне кажется, не вписывается в общий настрой поэмы. Поэтому Всеволод Святославич назван сумасшедшим необоснованно.

Собственно говоря, М. Ю. Брайчевский так поступает не только со Всеволодом. Названный подход встречается в его работе неоднократно. Например, ещё одно высказывание: «Поэт не знает даже состава участников авантюры» [1, с. 14]. М. Ю. Брайчевский невнимателен, когда утверждает, что «имя Владимира Игоревича вообще отсутствует в "Слове"» [1, с. 14]. Оно звучит в конце поэмы: «Слава... Владимиру Игоревичу!». Невнимательность учёного обнаруживается и в другом утверждении. Судите сами: «за пределами повествования и такое обстоятельство, как жажда» [1, с. 13]. В «Слове» читаем: «... Въ поле безводне жажду имъ лучи сопряже, тугою имъ тули затче?». Текст поэмы говорит сам за себя. Кроме того, без оснований называть поход «авантюрой» нельзя. Чтобы объявить его безрассудным необходимо сначала выяснить: сколько Игорь взял с собой людей; как они были вооружены, были конными или пешими, наконец, какова была цель похода? А потом уже говорить авантюра это или нет. Даже если рамки статьи не позволяют коротко сообщить доводы, необходимо оговорить, что это предположение.

Древнерусские повести изображают князя Игоря Святославича достаточно опытным полководцем. Трудно себе представить, чтобы он направился в степь и не позаботился об успехе. Ясно, что состав войска и цель похода связаны между собой. Пройти через всё половецкое поле с 5–7 тысячами человек (наиболее распространённая версия количества воинов у Игоря) трудно. Поэтому возникает вопрос: может быть Новгород-Северский князь вопреки «Слову о полку», не стремился к синему морю «поискати града Тьмутороканя?» Обратимся к летописи. Она рисует совсем другую картину. 23 апреля 1185 года, во вторник, Игорь отправился в поле незнаемое, по дороге собирая свои полки. В то время, когда русичи направились к Сальнице, к ним приехали сторожевые, ранее посланные ловить «языка». «И сказали приехавшие: Встречали ратников неприятельских, они наготове ездят: или поезжайте быстрее, или воротимся домой – не для нас сейчас время. Игорь же с братиею своей ответили: «Если нам придётся без битвы вернуться, то позор нам будет хуже смерти». [7, с. 205–204]. Речь Игоря, как её передаёт летописец, свидетельствует – русичи стремились не к Тмутаракани, иначе обнаружив половецкие силы, они не поехали бы быстрее. Отсюда следует, что цель была где-то рядом, у границ Руси. «Наутро же, в пятницу... встретились с полками половецкими; успели подготовиться половцы: вежи свои отправили назад, а сами, собравшись от мала до велика, стали на противоположном берегу реки... И обратился Игорь к братии своей: «Братья! Этого мы искали, так дерзнём же» [7, с. 204]. После победы, когда русские воины «помчаша красныя девкы половецкыя», Игорь уговаривает своих спутников поскорее вернуться на Русь: «Вот бог силой своею обрѣк врагов наших на поражение ... но видим мы бесчисленные полки половецкие, как много войска у половцев и вряд ли всех они здесь собрали. Нынче же поедем в ночь, а завтра нас соберутся преследовать лучшие конники половецкие – чуть ли не все половцы тут собрались». [7, с. 204]. Поведение Игоря будет естественным, если предположить, что своей цели князь достигли и в степи их ничего уже не держало. Так считал летописец.

Состав войска так же говорит о многом. В летописном тексте любопытна одна деталь: «Игорь же в это время был на коне, так как был ранен, и поспешил к ним, пытаясь возвратить их к остальным полкам. Но, заметив, что слишком отдалился от своих, сняв шлем, поскакал назад к своему полку, ибо уже узнали бежавшие князя» [7, с.205]. В оригинале: «...оуразумев же яко далече шель есть от людий и соимя шоломъ погнаше опять к полкомъ...» [9, стб. 642]. Видимо, шлем у Игоря был с маской-личиной. Поэтому опознать князя, пока он не снимет его, было сложно. Но если бы такой шлем был у одного Игоря Святославича, снимать его не имело смысла. Выходит, такие шлемы были у многих. Невозможно представить, чтобы дороговому, хорошо защищавшему шлему, не соответствовал и остальной доспех. Отсюда ясно, что Игорь взял с

собой 5–7 тысяч прекрасно вооруженных, видимо, буквально закованных в железо, конных воинов. Сопоставим это с летописным рассказом: «поезжайте быстрей» – «вот то, чего мы искали» – «поедем в ночь». Вывод мне кажется очевидным: это был набег русского войска на половецкие вежи. Причины гибели Игоревых полков объяснимы. Мне уже приходилось об этом писать неоднократно: в монографии «В граде Игоре́ве» и статьях о походе, последняя из которых вышла совсем недавно. На мой взгляд, из двух известных версий похода – повести в Ипатьевской летописи и короткого рассказа в Лаврентьевской – ближе к действительному ходу событий стоит рассказ Лаврентьевской летописи. Игорь, разгромив половцев в первом сражении, три дня оставался на месте, в результате чего был окружён половецкими стрелками, а потом и превосходящими силами половцев, и сражался с ними ещё три дня [8, с. 52]. Исходя из всего вышеизложенного, я не спешил бы называть набег 1185 года «авантюрой».

Таким образом, беглый обзор статьи М. Ю. Брайчевского наводит на неприятные выводы и вызывает сожаление. Необходимо всегда помнить, что «Слово» требует внимательного отношения и тщательного анализа. Нельзя называть кого-то «малозначительным» или «слабым», объявлять «сумасшедшим» или «безрассудным», без доказательств. В исследовании такого сложного произведения, как «Слово о полку Игоре́ве», нужна осторожность.

Ссылки и примечания:

1. Брайчевский М. Ю. Черниговский княжеский дом и Автор «Слова о полку Игоре́ве» / М. Ю. Брайчевский // Проблемы археологии Южной Руси: материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 10–15.
2. Головенченко Ф. М. Слово о полку Игоре́ве: историко-литературный и библиографический очерк / Ф. М. Головенченко. – М.: Издание МГПИ имени В. И. Ленина, 1955. – 484 с.
3. Лихачёв Д. С. «Слово о полку Игоре́ве» как художественное целое / Д. С. Лихачёв // «Слово о полку Игоре́ве» 800 лет. – М.: Книга, 1986. – С. 268–292.
4. Лихачёв Д. С. Великое наследие / Д. С. Лихачёв. – М.: Современник, 1980. – 412 с.
5. Лихачёв Д. С. Новгородские черты в «Слове о полку Игоре́ве» / Д. С. Лихачёв // ТОДРЛ. – Т. 38. – Л., 1985. – С. 509–513.
6. Парахонский Б. А. Представления реальности в контексте семантики коммуникативных отношений «Слова о полку Игоре́ве» / Б. А. Парахонский

- // Слово о полку Игореве и мировоззрение его эпохи. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 34–35.
7. Повести о походе князя Игоря // Русские летописи XI–XVI веков: Избранное / сост. А. Г. Бобров. – СПб: Амфора, 2006. – С. 198–214.
8. Поляков А. Н. Проблемы историко-географического изучения похода князя Игоря на половцев в 1185 г. / А. Н. Поляков // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2019. – № 2 (69). – С. 46–53.
9. ПСРЛ. – Т. 2. Ипатьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 648 с.
10. Слово о полку Игореве / вст. ст. и подготовка древнерус. текста Д. С. Лихачёв. – М.: Художественная литература, 1987. – 222 с.
11. Соловьёв А. В. Политический кругозор автора «Слово о полку Игореве» / А. В. Соловьёв // Исторические записки. – 1948. – № 25. – С. 71–103.

УДК 929:908(477.6) «19»

Т.Ю. Анпилогова

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

e-mail: dana-100@yandex.ru

ВЫДАЮЩИЕСЯ КРАЕВЕДЫ ДОНБАССА XX ВЕКА И ИХ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Аннотация

Статья посвящена изучению вклада выдающихся краеведов в исследование региона Донбасса. Делается попытка обобщить сведения об ученых, занимавшихся в XX веке археологическими, этнографическими исследованиями Луганщины и Донетчины, и способствовавшими развитию исторического краеведения.

Ключевые слова: *краеведение, Донбасс, историко-краеведческая деятельность, археология.*

Summary

The article is devoted to studying the contribution of prominent local historians to the study of the Donbass region. An attempt is made to summarize information about scientists engaged in archaeological, ethnographic studies of the

Luhansk region and the Donetsk region in the 20th century, and contributed to the development of historical local history.

Keywords: *local history, Donbass, historical and local history activity, archeology.*

Политические реалии сегодняшнего дня, сложившиеся в Донбассе, характеризуются неоднозначностью, продолжающимся военным противостоянием, социокультурным дисбалансом. Спустя годы они станут предметом исследования будущих поколений краеведов, стремящихся заполнить белые пятна в истории региона. Вероятно, они будут использовать новые виды источников, недоступные исследователям XX века. Но, так или иначе, эти исследователи будут обращаться к трудам тех, кто посвятил свою жизнь изучению истории, культуры, географии Донбасса, впервые сделав его объектом изучения исторического краеведения.

История развития исторического краеведения Донбасса в XX веке имела волнообразную динамику и включала в себя несколько этапов: дореволюционный, межвоенный, послевоенный, постсоветский. На каждом из них наблюдались противоречивые тенденции, но все они были связаны с именами выдающихся исследователей, энтузиастов, посвятивших свою жизнь изучению родного края. Среди них – Н.И. Стефанович, С.А. Локтюшев, А.И. Глядко́вская, И.А. Гонимов, А.В. Ключья, Г.С. Довнар, В.И. Подов, К.И. Красильников, В.А. Пирко и другие.

Одним из первых краеведов Луганщины следует считать Николая Ивановича Стефановича. Несмотря на свою должность – он был управляющим луганским казённым виноочистным складом (заводом) №6 – большую часть жизни Н. Стефанович посвятил образованию и историческому краеведению. Окончив с отличием Полтавскую духовную семинарию, Николай Иванович неоднократно начинал свою жизнь с чистого листа. Ему довелось служить в должности священника в Полтавском духовном ведомстве, преподавать в народных школах и училищах, заведовать отделом народного профессионального образования, заниматься строительством и предпринимательством.

Его семья поселилась в Луганске в 1899 году, после того, как Николай Иванович был назначен «на службу по акцизу» для создания в городе виноочиститного склада. При заводе Н. Стефанович вместе с супругой создал начальную школу, библиотеку и общество «Просвещение». Будучи сам блестяще образованным человеком, он стремился к тому, чтобы и заводчане овладели грамотой. Многие годы он являлся членом попечительского совета женской гимназии, членом уездного учительского совета, гласным городской Думы, членом городской Управы [1]. В 1914 году он написал доклад, адресованный городской думе, в котором обосновал необходимость создания в Луганске городского музея для хранения в нем местных древностей. Однако тогда данная инициатива не была поддержана руководством города [2]. Лишь

в январе 1920 года в городе был открыт Губернский культурный музей (с ноября 1920 года – Музей живописной культуры), который и разместился в доме, принадлежавшем ранее семье Стефановичей. Заведующей музеем была назначена супруга Николая Ивановича – Софья Ильинична Стефанович.

Будучи членом существовавшего в Луганске в 1920-е годы краеведческого общества, Н.И. Стефанович выступал на его заседаниях с научными докладами: «О заселении Славяносербского уезда», «Земледелие и землеустройство до 60-х годов в Славяносербском уезде» [3]. На протяжении всей своей дальнейшей жизни, посвящённой педагогической деятельности, ученый не оставлял своих краеведческих исследований. Дисциплины, которые он читал в ряде учебных заведений, были в той или иной степени связаны с краеведением, – «История Донбасса», «Украиноведение», «Промышленная география» и др.

Отдельная страница в истории региона Донбасса написана выдающимся археологом, краеведом, антропологом, этнографом, историком, членом Парижской академии наук, создателем и директором Донецкого социального музея в Луганске (с 1938 года – Ворошиловградского краеведческого музея) Сергеем Александровичем Локтюшевым. Получив образование в Московском Императорском Строгановском центральном училище, в 1906 году он был направлен в Луганск, в гимназию О. Бондаря, учителем рисования и чистописания. Уже в зрелом возрасте Сергей Александрович увлекся археологией и, для того, чтобы углубить свои знания по этой специальности, поступил вольнослушателем в Московский Императорский археологический институт, по окончании которого защитил диссертацию по теме «Культура каменного века в пределах Рязанской губернии». Именно С. Локтюшевым были открыты и исследованы уникальные палеолитические стоянки Рогалик, Ольховая, Веселая Гора и другие археологические памятники Екатеринославской губернии. Он является автором более ста научных и популярных публикаций, посвященных проблеме каменного и бронзового века и историческому краеведению, а его работы «Среднедонецкие курганные погребения бронзового века с оригинальной бытовой индустрией северокавказского и средиземноморского влияния» и «Доисторическое описание средней Донетчины» были высоко оценены отечественными и зарубежными учеными.

Под редакцией учёного в довоенном Луганске выходили «Сборники материалов изучения бассейна Донца» и другие научные работы. Созданный им научно-краеведческий кружок и археологический музей при Донецком институте народного образования поддерживали тесную связь с научными учреждениями России, западной Европы, США [4].

Одним из краеведов, проживавших на Луганщине и внесших огромный вклад в изучение её истории в новейший период, являлась революционерка, педагог, учёный Анна Ивановна Глядковская. Педагогическая и научная деятельность А. Глядковской, получившей право преподавания истории после

окончания Одесских педагогических курсов, началась в Луганске в 1920-е годы. Получив опыт работы на должности окружного инспектора просвещения и преподавателя Донецкого кооперативного техникума, в 1926 году Анна Ивановна возглавила Рабочий факультет Донецкого института народного образования. Будучи членом Украинского общества историков-марксистов, именно в Луганске она сформировалась как исследователь – историк рабочего и революционного движения, став основателем истории рабочего класса Донбасса и Украины. Несколько лет её плодотворной работы были посвящены написанию «Истории революционной борьбы Луганского пролетариата (1900–1918 гг.)», рукопись которой хранится в фондах отдела истории партии Государственной архивной службы Луганской Народной Республики [5]. В её исследовании впервые была дана подробная характеристика возникновения и развития рабочего революционного движения в Луганске и других промышленных городах Донбасса, описан процесс становления К. Ворошилова как организатора подпольной кружковой работы, военного и политического деятеля. Изучение истории Донбасса Анна Ивановна продолжала и после переезда в Одессу. Темой ее научного исследования во время работы в Одесском государственном университете стала такая проблема, как «Царицынский поход донецких пролетариев во главе с К.Е. Ворошиловым» [6].

Значимую лепту в развитие исторического и литературного краеведения Донетчины внёс член Союза писателей Украины Андрей Васильевич Ключья (Левитский). Переехав на Донбасс сразу после его освобождения от нацистских захватчиков, А. Ключья направил всю свою творческую энергию на восстановление писательской организации Донетчины, создание литературных прозаических и историко-документальных произведений об истории, быте и условиях труда рабочих края. В прошлом сам шахтер, он стал автором сборника рассказов «Шахтерское», «На 117-й сажени», критико-биографических очерков об И. Гонимове и П. Беспощадном, а также написанной вместе с П. Радченко документальной повести «История Горловского района» [7].

Патриархом донецкой историографии по праву называют писателя-краеведа Илью Александровича Гонимова (настоящая фамилия – Горош), работавшего на Донбассе в 1914–1926 годах в типографиях Алчевская, Константиновки, Артемовска. В 1927 году он переехал в Харьков, где в журнале «Красное слово» был напечатан его первый рассказ «Степан Легионов», а позже – повесть «Шахтарчук», «Стеклодувы», повесть «На берегах Кальмиуса» [8]. Его авторству принадлежит и вышедший впервые в 1937 году труд «Старая Юзовка», положивший начало изучению истории Юзовки–Сталино–Донецка.

«Летописцем Луганщины» нередко именуют журналиста, драматурга, литературоведа, педагога, члена Союза писателей СССР Геннадия Станиславовича Довнара. После окончания филологического факультета

Одесского государственного университета Г. Довнар получил распределение в СШ № 16 г. Ворошиловграда, куда и переехал в 1950 году. Тем временем в Одессе вышла его первая книга о тружениках села «Коли серця запалити», а в Киеве – книга, посвященная горнякам, – «В шахтарську сім'ю». В 1954 г. его пригласили на журналистскую работу – заведовать отделом культуры и образования в областной газете «Прапор перемоги». С 1958 года, когда в Луганске началась эра телевидения, Г. Довнар в течение двадцати пяти лет являлся главным редактором областного телерадиокомитета. С 1983 по 1988 год он возглавлял Луганскую областную организацию союза писателей. Одним из самых известных произведений писателя является историко-документальный роман «Луганцы», принесший ему славу не только писателя, но и вдумчивого исследователя, историка-краеведа. Его авторству принадлежит также документальная повесть «Большая судьба» (1972), посвященная истории Ворошиловградского завода угольного машиностроения им. Пархоменко, роман об А. Стаханове «Делись огнём» и многие другие. Всего же библиография Г. Довнара насчитывает более тридцати книг, написанных в различных жанрах [9].

Немалый вклад в развитие исторического краеведения и археологии Донбасса внёс кандидат исторических наук, учёный-археолог, автор более двухсот научных работ Константин Иванович Красильников. Под его руководством в 1973 году было начато создание парка-музея древних тюркских каменных изваяний, который был открыт на территории Ворошиловградского государственного института им. Т.Г. Шевченко в 1975 году. Тогда же при вузе был открыт и уникальный археолого-этнографический музей в фондах которого насчитывалось более 800 предметов, датируемых периодом каменного, меднокаменного, бронзового, железного веков, а также средневекового периода истории [10]. К. Красильников является организатором десятков археологических экспедиций по изучению с. Желтое, Рогалик, Новолымаревки, Давыдо-Никольского и многих других населенных пунктов Донбасса. На сегодняшний день экспозиция археолого-этнографического музея представлена фондом, в котором насчитывается около 4,5 тыс. артефактов, а экспозицию парка-музея древнего камнерезного искусства составляют 94 каменных скульптуры. Константин Иванович является автором более трёхсот научных работ, в том числе семи монографий и трёх учебников.

Автором более тридцати фундаментальных исследований по истории Донбасса XIX–XX вв. является историк-краевед, член Национального Союза журналистов Украины, директор бывшего Луганского регионального научно-исследовательского центра по проблемам истории Донбасса Владимир Иванович Подов. Будучи заместителем редактора городской газеты «Лисичанский рабочий» (г. Лисичанск.), редактором заводской многотиражной газеты, работая в музеях, архивах Москвы, Ленинграда, Днепропетровска, Николаева, Донецка, Луганска, Киева, Ростова-на-Дону,

Харькова, Одессы, более полувека отдал В. Подов краеведческой деятельности и изучению истории Донецкого бассейна. Среди его работ, написанных в соавторстве и единолично, – «Открытие Донбасса», «У истоков Донбасса», «История Донбасса. Век XIX» (в соавторстве), «История Луганского края», «Славяносербия», «Легенды и были Донбасса», «Первенец металлургии Украины», «История Лисичанска в Документах» (две части), «Донбасс. Век XVIII» и другие. Благодаря Владимиру Подову были впервые введены в научный оборот многие неопубликованные ранее архивные документы, позволяющие взглянуть под новым углом на историю края.

Огромный вклад в изучение истории Донбасса его заселения и промышленного освоения внёс и донецкий учёный, доктор исторических наук, профессор Донецкого национального университета, член «Научного общества им. Шевченко Василий Алексеевич Пирко. Окончив аспирантуру в Львовском университете В. Пирко в 1966 году был направлен в Донецкий университет, где проработал более тридцати лет. Защищённая им в 1997 году докторская диссертация была посвящена изучению освоения Степной Украины в XVI–XVIII вв. Являясь в 1960-е годы членом авторского коллектив по написанию истории городов и сел Донецкой области, Василий Алексеевич стал одним из главных летописцев истории Донбасса. Его авторству принадлежат фундаментальные монографии «Заселение степной Украины в XVI–XVIII веках», «Заселение Донетчины в XVI–XVIII веках», «Заселение и хозяйственное освоение степной Украины в XVI–XVIII веках», «Соляные промыслы Донбасса в XVII–XVIII веках», сборники документов «Описания Харьковского наместничества конца XVIII века», «Источники к истории населенных пунктов Донецкой области», множество научных статей и коллективных работ. Более десяти лет В. Пирко возглавлял краеведческую секцию Донецкого отделения Малой Академии Наук, способствуя развитию исторического краеведения в школе. Под его научным руководством были выполнены около десяти кандидатских диссертаций, посвящённых истории Донбасса.

Таким образом, можно утверждать, что историческое краеведение Донбасса в XX веке было представлено исследованиями не только историков, но и археологов, писателей, этнографов, лингвистов. Не будучи профессиональными академическими историками, некоторые из них, тем не менее, внесли значимый вклад в развитие краеведения Донетчины и Луганщины. В течение столетия историческое краеведение, функционирующее в регионе сначала в системе музеев и любительских археологических экспедиций отдельных энтузиастов, пережило значительную эволюцию и в итоге приобрело профессиональный статус и социальную значимость.

Ссылки и примечания:

1. Стрельцов В. Луганск. Жизнь замечательных людей / В. Стрельцов, И. Ключнева // Стрельцов В. Луганск: история, события, судьбы. – Книга вторая. – Луганск: Эталон-2, 2014. – С. 23–37.
2. Ключнева И.Н. Из истории Луганского краеведческого музея (1920–1943 гг.) // Краеведческие записки. – Сборник научных статей. – Выпуск IV. – Луганск: ООО «Виртуальная реальность», 2008. – С. 16.
3. Локтюшев С. Краеведение на Луганщине // Краєзнавчі записки. Випуск V. Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). Наукова збірка / Автор-упорядник І.М. Ключнева. – Луганськ: вид-во «Шико» ТОВ «Віртуальна реальність», 2009. – С. 54.
4. История Луганщины в лицах: выдающиеся деятели родного края / сост. Т. Ю. Анпилогова. – Луганск: Книта, 2018. – С. 69.
5. Анпилогова Т.Ю. Личность в истории Донбасса: Анна Ивановна Глядковская // Региональная история. Краеведение. Культура: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 21 декабря 2016 г., г. Донецк / ГОУ ВПО «ДонаУиГС». – Донецк: ДонаУиГС, 2017. – С. 11.
6. Там же. – С. 12.
7. Государственный архив Донецкой Народной Республики. – Ф. Р-5827. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 1–7.
8. Государственный архив Донецкой Народной Республики. – Ф. Р-3002. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 1–2.
9. История Луганщины в лицах: выдающиеся деятели родного края / сост. Т. Ю. Анпилогова. – Луганск: Книта, 2018. – С. 55.
10. Государственная архивная служба Луганской Народной Республики. – Ф. Р-416. – Оп. 2. – Д. 1897. – Л. 76.

УДК 94 (477) «1920/1950/

В.Н.Никольский

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: nicols46@mail.ru

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА
В УКРАИНЕ : РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ
(конец 1920-х – сер. 1950-х гг.)**

Аннотация

Статья посвящена оценке итогов многолетних исследований политических репрессий советского периода. Дана характеристика источниковой базы исследования. Выделены основные этапы данного процесса.

Ключевые слова: репрессии, Донбасс.

Summary

The article is devoted to the assessment of the results of many years of research on the political repression of the Soviet period. The characteristics of the source base of the study are given. The main stages of this process are highlighted.

Keywords: repression, Donbass.

Проблема, избранная нами для исследования, относится к категории разноплановых подходов, причины которых изначально политизированы. Это обусловлено позицией, занятой украинскими властями, которые стремятся все больше и больше обвинить в своих бедах руководство Российской Федерации и весь народ России.

Автор предлагает читателям ознакомиться со своими выводами, являющимися результатами многолетнего исследования деятельности органов государственной безопасности в Украине в указанный период. Основу работы составляют документы Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины, прежде всего различные официальные отчеты и справки.

Проведенное исследование, основу которого составляют количественные характеристики репрессивной деятельности советских органов государственной безопасности на Украине, позволяет сделать такие выводы.

Имеющаяся статистическая источниковая база позволяет реально и рельефно рассмотреть многоплановые аспекты исследуемой темы.

Использование, наряду с традиционными, клиометрических подходов и методов исследования, безусловно, раскрывает новые грани изучаемой проблематики.

Количественные оценки статистических показателей обвинений, социального и национального состава репрессированных, вынесенных приговоров и принятых решений, вместе с другими документальными материалами позволили установить такие закономерности.

В своей деятельности органы ГПУ-НКВД-НКГБ-КГБ, как часть государственного механизма, руководствовались, прежде всего, соответствующими решениями и постановлениями партийно-советского руководства, которые в обобщенном виде трактуются как *"линия партии, направленная на построение социалистического общества"*.

Согласно официальной версии, это встречало сопротивление со стороны разного рода внутренних и внешних противников и откровенных врагов, а достижения в социалистическом строительстве, по версии И. Сталина, вызывали усиление классовой борьбы. Органы государственной безопасности, которые функционально должны были защищать "рабоче-крестьянскую власть" от враждебных посягательств, реагировали на эти проявления. В течение первых двух этапов (по принятой нами хронологической схеме) ГПУ-НКВД, наряду с основным заданием по разоблачению, нейтрализации и ликвидации враждебных намерений, которые оценивались как политические преступления, значительное внимание уделяли таким негативным социальным явлениям, как преступления экономические, служебно-должностные, воинские и бандитизм. Считалось, что последние также представляют реальную угрозу власти, поэтому они, согласно Уголовному кодексу, квалифицировались как "преступления против порядка управления". Но, постепенно относительная часть неpolitических преступлений в деятельности органов госбезопасности уменьшается.

Кульминацией в репрессивной деятельности карательно-политической структуры становится так называемая "большая чистка", которая, на наш взгляд, должна была создать необходимый социально-политический фон для дальнейшего развития "государства победившего социализма". Специфика деятельности органов государственной безопасности предусматривала в качестве одной из основных функций накопление информации о "антисоветских" или "контрреволюционных" элементах, их намерениях и действиях. Для выполнения этих заданий в стране была создана широко разветвленная сеть информаторов-резидентов-агентов. Информация, которую они «получали», накапливалась в учетных подразделениях ГПУ-НКВД, и использовалась в повседневной «работе» органов. Именно этот массив и стал базой для развертывания в 1937-1938 гг. так называемой "массовой кампании" вычистки страны. После ее развертывания началось, инициированное и раздуваемое сверху соревнование между территориальными органами госбезопасности и непосредственно в их структурах по проведению более

тщательной санации общества, которое вылилось в истреблении новых "лимитов" снизу, на уровне областных Управлений НКВД. Уже первые результаты "большой чистки", которая вначале была направлена лишь против трех социально опасных групп (бывшие кулаки, "бывшие люди" и прочий контрреволюционный элемент), показали, что сам объект воздействия являлся значительно меньшим по масштабам. То есть, в реальности отсутствовали те многочисленные социально-политические группы населения, которые якобы представляли действительную угрозу обществу. В этих условиях органы НКВД стали на путь фальсификации отчетных данных о социальной принадлежности репрессированных путем перевода "социально близких" в категорию "социально враждебных". Это привело к втягиванию в явно незаконные действия не только руководства подразделений и структур государственной безопасности, но и практически всего оперативно-следственного аппарата. Проведение следствия было возложено на оперативный состав отделов и отделений, что значительно упрощало сам процесс репрессирования. Для вынесения приговоров и решений, как правило, использовались нелегитимные внесудебные структуры, причем, наряду с теми, которые существовали в предыдущие годы, создаются новые – "двойка" (по альбомным делам) и областные "тройки". Фактически они были подразделениями НКВД, завершавшими процесс репрессирования (в виде решений, которые по содержанию были приговорами). Использование внесудебных учреждений, приговоры-решения которых были окончательными и не подлежали апелляциям и кассациям, их бесконтрольность предоставляли органам госбезопасности небывалый вес среди других партийно-государственных структур тоталитарной власти. Предельно были активизированы Военная коллегия Верховного суда СССР, военные трибуналы округов и самих органов госбезопасности. Для перманентного запугивания населения, создания необходимой для власти атмосферы шпиономании использовались открытые заседания показательных процессов с созданием ажиотажных кампаний всенародной поддержки деятельности "карающего меча пролетариата". Именно эти процессы предшествовали разворачиванию последующих массовых репрессивных кампаний.

Следовательно, органы НКВД, подстрекаемые партийно-государственной верхушкой во главе с И. Сталиным, превратились практически в преступную организацию. Реакцией на это стали последовавшее затем их обвинение лишь в извращении, неверном толковании партийных установок и новая чистка, но уже в самих "органах".

Неотъемлемой составной частью "большой чистки", которая в органах НКВД имела условное название "массовая операция", были репрессии национального направления. Национальные аспекты репрессий в конце 1920-х-начале 1930-х гг. еще не имели принципиального значения. Органы госбезопасности фиксировали лишь разные национальные "проявления"

антисоветской или контрреволюционной направленности, прежде всего, в национальных колониях. Но уже в 1935-1936 гг. национальная принадлежность репрессированных фиксируется в отчетах как обязательный показатель. В 1937-1938 гг. НКВД СССР направляет в свои территориальные подразделения специальные национальные директивы, которые были толчком для проведения национальных же чисток. Наиболее пострадавшими были поляки, немцы, греки, болгары. По этим национальным группам большими были *относительные показатели* арестов и проценты смертных приговоров; хотя репрессии охватили практически все национальности. По показателям абсолютных *количественных данных* наиболее пострадали украинцы и русские.

Следующие после "большой чистки" два года характеризуется двумя тенденциями в деятельности органов НКВД : 1) свертывание репрессий (в понимании подходов в условиях "большой чистки") и определенный пересмотр ориентиров по объектам преследования, 2) развертывание чистки на западных территориях, присоединенных по советско-германским договорам. Последняя по содержанию имела два вектора: 1) социальный, так как новыми гражданами СССР стали, в частности, «враждебные» слои и прослойки населения бывшей Польши, 2) политический, поскольку новая «советская власть» встретила сопротивление со стороны ОУН и бывших членов несоветских партий, проживавших на этой территории. Еще одним направлением репрессий (1940 г.) было воинское, имевшее целью наказание за преступления, совершенные во время советско-финской войны (дезертирство, сдача в плен и т.п.).

Великая Отечественная война внесла существенные коррективы в деятельность органов НКВД-НКГБ, так как рядом с вероятным или вымышленным врагом, реальностью становится дезертир, изменник, пособник оккупантам, шпион, диверсант, саботажник и вредитель. Но, на общем фоне борьбы против действительных преступников, продолжают "традиции" предыдущих лет – органы госбезопасности преследуют и карают невинных, преступления которых возникают лишь в воображении излишне пристальных и активных "чекистов". Этот аспект требует дальнейшей разработки, так как до сих пор не существует общеукраинской статистики реабилитированных, в том числе и из числа осужденных в годы войны. Соответствующие данные о нереабилитированных засекречены и пока недоступны исследователям.

В первые послевоенные годы репрессивный аппарат органов госбезопасности действовал в двух направлениях: 1) продолжение и завершение репрессий по преступлениям периода войны, 2) возобновление, развертывания и активизации преследований в "традиционных" для этих органов направлениях – против разного рода "антисоветчиков", идейных и политических противников власти и т.п. Сложность исследования этого периода, частности, заключается в следующем: 1) ограниченность и

определенная недоступность документальных материалов из-за действия соответствующих инструктивных положений, 2) регулярное изменение форм отчетности и ее структуры, 3) уничтожение значительной части документов в начале 1950-х гг., 4) засекреченность самой структуры фондов Отраслевого государственного архива СБУ. Здесь нужно также отметить, что автор имел возможность исследовать документы фонда 42 последовательно, в порядке регистрации архивных дел, за исключением периода с начала 1950-х гг.

Реальная перспектива для будущих исследователей количественных характеристик репрессивной деятельности органов госбезопасности, связана с реализацией на Украине общегосударственной программы "Реабилитированные историей", которая находится на завершающем этапе. Она предусматривает издание в областных томах полных списков незаконно репрессированных за все годы советской власти. К сожалению, в рекомендациях Главной редколлегии 1993 г. по подготовке областных томов реабилитированных отсутствовал пункт об обнаружении причин репрессирования каждого отдельного человека (характер обвинения, статья Уголовного кодекса). В то же время, учетные карточки, накопленные в областных редколлегиях, такую информацию содержат. Кроме того, структура томов предусматривает их комплектование по алфавитному принципу. Хотя, по нашей информации, в областях были попытки комплектования томов, исходя из хронологического принципа, с дальнейшим выделением по алфавитному принципу по годам. Азбучный, фактически "валовой" подход значительно уменьшает научную ценность этих изданий, так как будущим исследователям придется львиную часть времени тратить на систематизацию материала по периодам. Кроме того, азбучный подход в комплектовании материалов в серии книг "Реабилитированные историей" не позволяет исследователям и просто читателям сопоставить реальные показатели соотношения незаконных арестов и осуждений по периодам. Остается только пользоваться ограниченными по объему обобщениями, сделанными составителями и авторами вступительных статей к областным томам.

На наш взгляд, картотеки областных редколлегий "Реабилитированные историей" и издаваемые тома этой серии (выполнение проекта завершается в 2011 г.), является новым, чрезвычайно важным, пластом источниковой базы для будущих исследователей репрессивной деятельности органов государственной безопасности. Этот информативно насыщенный материал, безусловно позволяющий раскрыть новые аспекты в дальнейших исследованиях указанного направления. Однако, он имеет еще один недостаток, который вносит путаницу в количественные оценки политических репрессий. Речь идет о принципе комплектования архивно-следственных дел. Длительно время эти дела по завершению следствия и вынесению приговора или принятия решения, концентрировались в специальном архиве НКВД СССР в Москве. В начале 1960-х гг. были приняты решение о рассредоточении

архивно-следственных дел по территориальным органам КГБ исходя из основного признака – место рождения репрессированного. Это привело к тому, что в томах серии "Реабилитированные историей" нередко зафиксированы не те, кто был репрессированным в этой области, а те кто там родился. Кроме того, отдельные архивно-следственные дела находятся в фондах Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины, соответствующих архивов в Москве и столицах бывших республик СССР. Использование нами впервые отчетных данных, сосредоточенных в документах фондов ОГА СБУ, их обобщение и анализ позволяют восстановить реальную картину по количеству репрессированных, с учетом ряда показателей.

Важным позитивным элементом картотек, а также вышедших и будущих томов "Реабилитированные историей" является наличие информации по лицам, которые были в свое время арестованы, но впоследствии освобождены самими органами госбезопасности (без приговоров или решений судов и внесудебных структур). Как уже шла речь в Разделе 6, количество этих людей достаточно велико, о чем свидетельствует анализ, сделанный нами по материалам картотек в Донецкой и Луганской областях. Эти данные в статистических отчетах и обобщениях органов госбезопасности имеют фрагментарный характер, что не позволяет провести более точные подсчеты количества репрессированных и определенных характеристик их дальнейшей судьбы. Поэтому указанные картотеки и издания существенно исправляют положение.

Как уже шла речь во Введении, в нашей работе не рассмотрены некоторые аспекты, в частности – количественные характеристики партийной и комсомольской прослойки среди репрессированных, их распределение по отраслям народного хозяйства, возрастные характеристики и распределение по полу и т.п. Причины этого отчасти заключаются в отсутствии необходимой документальной основы в фондах Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины. Некоторые из неисследованных аспектов фактически составляют самостоятельную научную проблему и требуют специальной разработки. Определенные моменты, которые ограничили наше исследование, определяются избранной структурой работы.

Перспективы будущего расширения и углубления этой работы, на наш взгляд, также заложены в реальных возможностях расширения его источниковой базы и совершенствования методики подсчетов.

Ссылки и примечания:

1. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины.- Фонд 42.

УДК 94 (477) «1920/1950/

В.А. Стадник

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: vova.barin70@mail.ru

СОЗДАНИЕ АППАРАТА КОНТРОЛЯ В ДОНБАССЕ – МЕСТНЫХ (ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ) КК-РКИ В 1920-Х ГГ.

Аннотация

В статье рассматривается формирование и развитие аппарата контроля в Донбассе в 1920-х гг. Анализируется вклад территориальных КК-РКИ в установление четкого контроля над всеми сферами общественной жизни региона (политической, идеологической, экономической, социальной, духовной). На основе архивных документов отображены данные о структуре и реорганизации местных органов партийного-государственного контроля.

Ключевые слова: *Донбасс, территориальные органы контроля, контрольные комиссии, Рабоче-крестьянская инспекция, кадры.*

Summary

The article examines the formation and development of the control apparatus in the Donbas in the 1920s. The contribution of territorial control commissions of Workers and Peasants Inspection in establishing clear control over all spheres of public life in the region (political, ideological, economic, social, spiritual) is analyzed. In terms of archival documents data on the structure and reorganization of local party-state control bodies are displayed.

Keywords: *Donbass, territorial control bodies, control commissions, Workers and Peasants Inspection, staff.*

Формирование структур контроля в важнейшем для страны промышленном регионе, – Донецком бассейне, было одной из ключевых задач руководства страны. Органы территориального контроля, являясь важнейшим компонентом формирующейся командно-административной системы, проверяли исполнение решений и постановлений партийных и государственных органов во всех сферах общественной жизни региона: в управлении, промышленном производстве, общественно-политическом, идеологическом и культурно-бытовом аспектах.

Данная статья написана, преимущественно, на материалах Государственного архива Донецкой Народной Республики. Среди

используемых документов следует выделить следующие: Положение «О губернских, областных (на правах губернских) и окружных КК ВКП(б)», Циркуляр «О подборе кандидатур окр.КК», «Положение для уполномоченных ЦКК компартий союзных республик, краевых, областных и губернских контрольных комиссий».

Донецкая губернская контрольная комиссия КП(б)У была создана в марте 1921 г. Основными задачами её деятельности являлись следующие: борьба с бюрократизмом, злоупотреблением служебным положением членов партии, контроль за соблюдением внутривнутрипартийной демократии. Донецкая губернская КК осуществляла проверки местных партийных органов, деятельность рабочих кооперативов, положение в губернском комсомоле, состояние народного образования, проведение украинизации региона. Соответственно, губернский Рабкрин, который был образован в 1920 г., осуществлял контроль хозяйственной деятельности в Донбассе в тяжелейший период экономической разрухи в условиях окончания Гражданской войны и перехода к НЭПу. К середине 1920-х гг. происходит постепенная реорганизация и объединение местных партийных и государственных органов контроля в единую структуру – КК-РКИ. Следует отметить, что кроме территориальных партийно-государственных органов контроля, в Донецком бассейне в первой половине 1920-х гг. существовали и ведомственные подразделения Рабкрина: Донецкий губернский отдел РКИ Харьковского военного округа в г. Бахмут (1920-1925), который осуществлял контроль за деятельностью военных учреждений Харьковского военного округа; Полевая РКИ (1920-1922), инспектирующая деятельность Донецкой дивизии ВЧК; Рабоче-крестьянская инспекция при Донецкой железной дороге (1920-1923), которая контролировала эксплуатацию подвижного состава и грузооборот важнейшей транспортной артерии страны [1]. В июне 1925 г. ВУЦИК принял постановление «О ликвидации губерний и переходе к трехступенчатой системе управления», которое отменяло прежнее административно-территориальное устройство (АТУ) и устанавливало окружное деление в УССР. В Донбассе были образованы пять округов: Артемовский, Мариупольский, Луганский, Старобельский и Сталинский [2].

В ноябре 1925 г. была ликвидирована губернская КК-РКИ и, соответственно, в каждом округе Донбасса были сформированы окружные объединенные контрольные комиссии КП(б)У Рабоче-крестьянской инспекции (окр.КК-РКИ), как органы местного партийного и государственного контроля. Они осуществляли мероприятия по привлечению рабочих и крестьян к государственному управлению, проверяли деятельность государственных и общественных организаций и учреждений, состояние промышленных предприятий в округе, положение иностранных специалистов, состояние сельского хозяйства, проводили кампании по чистке партии и советского аппарата.

Одними из первых руководителей местных контролирующих органов в Донбассе были представители старых партийных кадров – М.Н. Палкин, Н.В. Чернов (Донецкая губернская и Артемовская окружная КК-РКИ), Е.М. Рассолов (Сталинская окружная КК-РКИ), которые возглавили органы Рабкрина Донбасса в ходе их реорганизации и становления, что подтверждают архивные документы за август 1925 г. [3].

Основные задачи территориальных органов контроля были изложены в «Положении о губернских, областных (на правах губернских) и окружных КК ВКП(б)», принятом на заседании оргбюро ЦК ВКП(б) 7 июня 1926 г. Этот документ стал основополагающим в их деятельности. Согласно указанному «Положению» областные и окружные КК-РКИ избирались соответствующими партконференциями. Их состав определялся в зависимости от величины парторганизации, развития экономики района и других особенностей. Циркуляр ЦКК КП(б)У от 24.10.1925 г. определял численность членов контрольных комиссий по округам. Округа 1-й категории, насчитывающие от 5000 и более членов и кандидатов партии, в составе КК должны были иметь в штате 21 сотрудника. В Донбассе к таким округам относились: Сталинский, Луганский, Мариупольский и Артемовский. В округах, где количество членов партии и кандидатов варьировалось от 1500 до 5000 человек (Мариупольский округ), численность работников КК определялась в 15 человек. Однако, указанный состав КК был ориентировочным. Окружные контрольные комиссии подбирали сотрудников аппарата, опираясь на компетентность, стаж, опыт работы, уровень образования, политическую благонадежность. Кандидатами в состав членов окружной КК-РКИ могло быть от 3 до 5 чел. Количественный и качественный рост промышленного производства, управленческого аппарата и фабрично-заводских квалифицированных кадров predetermined достаточно быстрое создание и эффективную деятельность местных органов контроля Донецкого бассейна [4].

Члены и кандидаты контрольных комиссий избирались преимущественно из рабочих и крестьян, имеющих соответствующую подготовку, не менее чем пятилетний партийный стаж и умеющие осуществлять «строгий советский и партийный контроль». Члены КК не могли быть одновременно членами партийных комитетов и занимать ответственные административные и хозяйственные должности. Члены местной КК, одновременно избранные в ЦКК и остающиеся на местах, должны были работать в местных контрольных комиссиях, за исключением остающихся непосредственно на производстве, или занятых в сельском хозяйстве.

Пленум КК избирал:

- Президиум в количестве, определяемом ЦКК ВКП(б), в том числе председателя КК и секретаря Партколлегии;
- Партколлегию;

- Коллегию РКИ;
- Секретариат наиболее крупных местных КК с разрешения ЦКК ВКП(б);

Пленум территориальных КК проходил не реже одного раза в месяц, Президиумы контрольных комиссий между пленумами являлись руководящими и направляющими всей работой КК-РКИ. Председатель КК одновременно возглавлял местный отдел РКИ.

Весь состав членов местных контрольных комиссий распределялся на группы: 1) группа для постоянной работы в Партколлегии; 2) группа КК для постоянной работы в РКИ (члены этих групп освобождались от других обязанностей); 3) остальной состав КК был обязан работать на производстве или в сельском хозяйстве с возложением на них обязанностей уполномоченных КК, или исполнять поручения по заданиям Президиума КК. Партколлегия рассматривала дела по нарушению членами партии программы и устава ВКП(б), решений съездов и партийной этики. Наиболее важные вопросы, а также проблемы, вызывающие разногласия в Партколлегии, передавались для решения в Президиум КК.

Распределение членов КК по группам производилось в Президиуме КК с оповещением об этом местного партийного органа. Также Президиум КК имел право перемещения членов КК из одной группы в другую. Наиболее существенные предложения по улучшению госаппарата, а также по кадровым перестановкам, контрольная комиссия, через Президиум, выносила на рассмотрение в бюро парткома или на его пленум. Для взаимодействия местных органов КК-РКИ с фабрично-заводскими комитетами, с целью повышения продуктивности производства и управления, органами КК-РКИ и профсоюзами создавались комиссии на производстве. Местные КК-РКИ также были обязаны проводить подбор компетентных профессиональных сотрудников для работы на ответственных постах в государственном аппарате и народном хозяйстве.

Особое внимание в «Положении о губернских, областных и окружных КК ВКП(б)» уделялось взаимодействию местных КК-РКИ с соответствующими партийными организациями. Было определено, что все члены и кандидаты контролирующих органов должны были участвовать в заседаниях пленума партийного комитета с совещательным голосом, а также в партийных конференциях с правом совещательного голоса. Президиумы местных контрольных комиссий делегировали своих представителей для участия в заседаниях соответствующих бюро парткомов также с правом совещательного голоса. В случае расхождения в решениях контрольных комиссий и партийных комитетов должны были проводиться совместные заседания. При отсутствии соглашения, вопрос переносился: для губернских КК (не входивших в краевые и областные КК) – в ЦКК ВКП(б), для окружных и областных КК (на правах губернских) – ЦКК республиканских компартий.

О своей деятельности местные контрольные комиссии отчитывались перед соответствующей партконференцией.

Все директивы ЦКК ВКП(б), ЦКК национальных компартий, краевых и областных КК, а также их отдельные специальные задания были обязательны для местных КК. Местные КК-РКИ были обязаны предоставлять отчеты по формам и в сроки, указанные ЦКК ВКП(б)-НК РКИ. Связь ЦКК с местными КК должна была осуществляться через Президиум последних в лице председателя Контрольной комиссии [5].

В целях осуществления «непосредственной и живой связи Контрольных комиссий с низовыми партийными организациями и широкими рабоче-крестьянскими массами, а также для обеспечения успешного проведения работы на местах (в окружных, уездных или равнозначных им организациях)» был образован институт уполномоченных КК [6].

Основные задачи уполномоченных определялись общими задачами КК по указанному «Положению о контрольных комиссиях» от 7 июня 1926 г., учитывая специфику работы на местах. Уполномоченные проводили расследования дел, получаемых контрольными комиссиями, выявляли и изучали нарушения партийной дисциплины, участвовали в выездных комиссиях и обследованиях местных КК, проводили работу по ознакомлению трудящихся с работой КК-РКИ. Уполномоченные занимались подбором кадров, вовлекали в работу КК-РКИ активных и способных представителей фабрично-заводского пролетариата и крестьянства, принимали участие в работе производственных комиссий и совещаний, согласовывая при этом свою работу с профсоюзами, вносили свои практические предложения по улучшению госаппарата и рационализации его деятельности. Права уполномоченных КК, при выполнении своих задач, заключались в участии в заседаниях парткомов с совещательным голосом, в присутствии на окружных, уездных, районных, волостных партконференциях, в пленумах, соответствующих КК, съездах, заседаниях и совещаниях общественных организаций с правом совещательного голоса. В случае необходимости уполномоченные КК привлекали к своей работе отдельных членов партии местного партийного комитета [7].

Структура органов партийного-государственного контроля на местах разрабатывались партией в соответствии с конкретными задачами того или иного периода. Реорганизация и объединение КК и РКИ позволили установить ВКП(б) четкий контроль над всеми сферами общественной жизни страны (политической, идеологической, экономической, социальной, духовной), а также в быту и повседневной жизни.

Интересные сведения о становлении территориальных органов партийно-государственного контроля дают материалы таблицы (табл.1).

Таблица 1

Территориальные органы партийно-государственного контроля (КК-РКИ) в 1920 – 1930-х гг. в Донбассе [8]

Донецкая губернская контрольная комиссия (губ.КК) КП(б)У 1921-1925	Донецкая губернская Рабоче-крестьянская инспекция (губ.РКИ) 1920-1925 (уездные – 1923-1925)
Объединенные органы партийно-государственного контроля Окружные контрольные комиссии КП(б)У Рабоче-крестьянской инспекции (окр.КК-РКИ) 1925-1930	
Районные и городские контрольные комиссии КП(б)У Рабоче-крестьянской инспекции (рай.КК-РКИ, гор.КК-РКИ) 1930-1934	
Донецкая областная контрольная комиссия КП(б)У Рабоче-крестьянской инспекции (обл.КК-РКИ) 1932-1934	

Следует отметить, что в процессе ускоренной индустриализации и сплошной коллективизации продолжался поиск наиболее оптимальной для этих процессов системы АТУ. Реформа административно-территориального устройства 1930 г. и переход к двухступенчатой системе «центр-район», а также внедрение областного деления в 1932 г. привели к переформатированию и местных органов контроля, что показывают данные приведенной выше таблицы. Этот вопрос требует отдельного детального рассмотрения.

Таким образом, создание и отлаженное функционирование контролирующего аппарата в важнейшем промышленном районе – Донбассе, стало одним из основных политических мероприятий советского партийно-государственного руководства перед началом грандиозных социально-экономических и политических преобразований в стране.

Ссылки и примечания:

1. Государственный архив Донецкой области: Путеводитель / Госкомархив Украины. Госархив Донецкой области; авторы-составители: Т. Столяренко, О. Попова. Редколлегия: Г. Боряк (председатель) и др. – Донецк, 2003. – С.77.

2. Шабельников В.И. Административно-территориальное устройство в отечественной истории (XVIII – нач. XXI ст.): учебное пособие / В.И. Шабельников. – Донецк: ГОУ ВПО «ДонНУ», 2017. – с.23.
3. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР. – Ф.Р-1465. – Оп.1. – Д.1. – Л.11-12.
4. Там же. – Ф.Р-129. – Оп.1. – Д.3. – Л.152-153.
5. Там же. – Д.4. – Л.71-75.
6. Там же. – Ф.Р-129. – Оп.1. – Д.4. – Л.76.
7. Там же. – Л.76-79.
8. Таблица составлена автором по материалам: Государственный архив Донецкой области: Путеводитель / Госкомархив Украины. Госархив Донецкой области; авторы-составители: Т. Столяренко, О. Попова. Редколлегия: Г. Боряк (председатель) и др. – Донецк, 2003. – с.77-78.

УДК 94(470)»1941/1945

О.И. Нуждин

кандидат исторических наук,

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина»

e-mail: o_nuzhdin@mail.ru

«ПОПЫТАЮСЬ РАЗЪЯСНИТЬ СВОИ СООБРАЖЕНИЯ...» КОМБРИГ А.Ф. МАРУШЕВ О ПОЛОЖЕНИИ В НЕМЕЦКОМ ТЫЛУ В 1941 Г.

Аннотация

В статье на основе немецких документов прослеживается судьба комбрига А.Ф. Марушева. В протоколе его допроса в штабе немецкого XXXXIV корпуса дано подробное описание путешествия комбрига и его наблюдения за положением в немецком тылу.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Донбасс, Славянск, военный плен.*

Summary

In the article on the basis of German documents, traced the fate of the brigade commander A.F. Marushev. The protocol of his interrogation at the headquarters of the German XXXXIV Corps provides a detailed description of the brigade commander's journey and his observation of the situation in the German rear.

Keywords: *Great Patriotic War, Donbass, Slavyansk, military captivity.*

В годы Великой Отечественной войны между собой столкнулись две культуры, две цивилизации. Как выразил эту мысль Я. Миркин: «Россия и часть Восточной Европы – во многом очень схожие «модели коллективного поведения»... Против них (нас!) – Германия, США, Нидерланды... – гораздо больше степень автономности людей. Намного выше ценность независимости и «тяжелой работы» (вместо «удачи и связей»), гораздо меньше – важность «послушания». Кратно большая степень доверия» [1].

Еще до начала военных действий немецкая пропаганда стала рекомендовать немецким солдатам и офицерам относиться с недоверием не к большевистской системе или партийным функционерам, а именно к советским людям. «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими», вышедшие 1 июня 1941 г., прямо заявляли: «Остерегайтесь русской интеллигенции, как эмигрантской, так и новой, советской. Эта интеллигенция обладает особым обаянием и искусством влиять на характер немца. Этим свойством обладает и русский мужчина и еще в большей степени русская женщина» [2]. Но в первые месяцы войны большая часть немецких солдат и офицеров не слушались навязываемых им советов, сохраняя привычные им нормы отношений.

После разгрома войск Юго-Западного фронта и гибели его командующего генерал-полковника М.П. Кирпоноса, многие командиры не отказались от продолжения сопротивления и стали пробираться через немецкие тылы на восток. Целью многих было присоединение к войскам Действующей армии. В данной статье будет рассказано о судьбе одного из них – комбрига А.Ф. Марушева. Ему удалось вырваться из кольца окружения, и он продолжил путь на восток самостоятельно, стараясь не попасть в плен.

Первое время ему везло, удавалось скрываться от противника. Однако уже 15 ноября 1941 г. в местной комендатуре г. Славянска оказался в качестве задержанного комбриг А.Ф. Марушев. Из краткого донесения разведотдела немецкой 295-й пехотной дивизии не ясно, сам ли комбриг явился в комендатуру или же его задержали и доставили туда. Немцы только обратили внимание, что он был переодет в гражданскую одежду и все это время, т.е. полтора месяца, выходил к линии фронта [3].

Он стал одним из первых командиров РККА, который попытался разъяснить немцам разницу в поведении советских людей и немецких солдат. Видимо, это стало ответом на вопрос, как комбригу удавалось так долго пробираться через тылы немецких войск, оставаясь незамеченным полевой жандармерией.

Удивительно и то, что офицеры штаба немецкого XXXXIV армейского корпуса проявили интерес к этому вопросу. Поэтому допрос превратился в описание А.Ф. Марушевым его «путешествия» по тылам противника. Немцы, в большинстве случаев, не интересовались, как передвигались советские командиры, выходя из окружения, какие условия позволяли им столь длительное время (не только дни, а недели и месяцы) оставаться

незамеченными ни полевой жандармерией, ни местными полициями, ни тыловыми службами. Поэтому допрос комбрига А.Ф. Марушева, проведенный офицерами разведывательного отдела штаба XXXXIV корпуса, представляет своего рода исключение из общего правила.

Как поведал им комбриг, труднее всего было незаметно преодолеть фронт окружения. Самым удобным временем для этого являлась ночь, хотя, как отмечал А.Ф. Марушев, немцы хорошо несли службу: в каждом подозрительном случае немедленно освещали небо ракетами, «превращающими ночь в день». Такая бдительность сильно ограничивала возможности для передвижения, и в лучшем случае удавалось пройти 2–4 км за ночь. А один раз комбригу пришлось пролежать без еды и питья два с половиной дня на свекловичном поле, чтобы не быть обнаруженным. Если бы немцы в этот момент провели прочесывание, его бы непременно нашли [4].

После преодоления фронта окружения пробираться стало не в пример легче. Причинами этого являлась необоснованная доверчивость немецких солдат случайным людям. В результате местонахождение постов проверки становилось широко известно, и зачастую те, кто шел по дорогам, предупреждал о них идущих себе навстречу. Те, кто не желал нарваться на контроль, и в первую очередь окруженцы, получив нужную информацию, легко обходили опасные места.

Комбриг объяснял офицерам противника, почему советские военнослужащие сравнительно легко передвигались по немецким тылам, избегая патрулей и засад. По его словам, тому было несколько причин. Первая: немцы слишком доверяли случайным людям. Здесь, очевидно, имеется в виду то обстоятельство, что солдаты вермахта и полевая жандармерия легко верили на слово, не утруждая себя проверкой сказанного. Вторая причина еще более любопытна – комбриг утверждал, что передвижение по тылам облегчала привычка людей извещать встречных о препятствиях на пути, о расположении контрольных или проверочных пунктов. При необходимости они объясняли, как их лучше обойти, чтобы не попасться. Это очень напоминает сохранившийся до настоящего времени обычай автомобилистов предупреждать встречные автомашины о постах ДПС на дорогах миганием фар. И, наконец, третья причина заключалась в отношении местного населения к беженцам. Многие крестьяне считали своим долгом помочь несчастным, предоставляя им кров и пищу. Они же предупреждали о партизанах, если таковые действовали в этом районе. Немец, который вел протокол допроса А.Ф. Марушева, отметил в скобках, что крестьяне, по большей части, стоят в стороне от партизан. Последние являются «реальной опасностью для бойцов Красной Армии, покинувших линию фронта» [5].

Комбриг А.Ф. Марушев даже дал советы, как это можно исправить. Так, проверочные пункты следует организовывать в местах, которые невозможно или сложно обойти стороной. К местным проверяющим всегда следует приставлять немецкого солдата. Также требуется обязать старост и

размещенных в деревнях солдат и офицеров в обязательном порядке проверять документы у всех посторонних. Иными словами, комбриг А.Ф. Марушев советовал установить полноценный контрольно-пропускной режим.

Комбриг А.Ф. Марушев отмечал также, что во время всего своего пути от Киева до Славянска он видел много восстанавливаемых немцами мостов. Однако их охрана оставалась недостаточной или же вовсе отсутствовала, что облегчало действия диверсантов, засылаемых партизанами. В таком же безнадзорном состоянии пребывали запасы зерна на железнодорожных станциях, и их растаскивали местные жители. И нет никакой гарантии, что часть разворованного не попадет к партизанам. Тогда это будет для немцев двойная потеря.

Удивляла комбрига и черта солдат противника, которую он назвал словом «беспечность»: «Очень часто они ложатся спать в одной комнате, тогда как оружие оставляют в другой комнате с абсолютно недостаточной охраной или даже вообще без какого-либо присмотра. Такая беспечность, особенно в районах, где имеются партизаны, легко может привести к нападениям на военнослужащих вермахта» [6].

Можно отметить, как в своих воспоминаниях А.В. Дудин отмечает ту же характерную для немцев черту – доверчивость. Он писал: «Самой неожиданной и малопонятной для нас была доверчивость и даже какая-то беспечность немецких солдат и офицеров. Мы привыкли к недоверию и подозрительности и считали в порядке вещей, если нужно было часами стоять за пропуском в какое-нибудь совсем не секретное учреждение... Мы не могли привыкнуть, что немецкие офицеры, входя в незнакомый дом или учреждение, оставляя в передней свои фуражки, портфели или даже пистолеты...» [7]. (Под немцами, 2011, стр. 269-270) Получается, что, требуя от своих солдат и офицеров подозрительности, Абвер невольно, заставлял их приобщаться к чуждой им цивилизации – евразийской, отказываясь от норм своей родной – западной.

Таким образом, комбриг А.Ф. Марушев продемонстрировал несколько отличий немецкого и советского обществ и присущих им норм поведения. Так, немцы считали естественным, что если выставить пост для проверки, то все послушно будут проходить именно через него, предъявляя соответствующие документы. Для советского человека таким же естественным казалось постараться не только самому избежать встречи с проверяющими (ведь никто не знает, что именно они пытаются найти и к чему захотят придаться), но и предупредить об этом встречаемых.

Немцы не выставляли охрану и складов или у линий связи, оставляли без присмотра свое оружие во время сна и отдыха, полагая, что, как и в Германии, никому не придет в голову покуситься на чужое имущество. В России же укоренилась совершенно иная точка зрения на такое имущество: свое нужно хорошо охранять, а если надлежащей охраны нет, то не будет большим грехом что-то взять для себя. Особенно в военное время, когда прежний хозяин –

советская власть – перед приходом противника в одночасье испарилась, и сощобственность осталась бесхозной. Пока не объявился новый хозяин, и чтобы имущество не пропало, в преддверии надвигающейся зимы граждане растаскивали все, что было возможно унести.

Отношения между немцами и местными жителями, в целом, хорошие. Однако комбригу не раз приходилось замечать, как проходившие через населенные пункты войска реквизировали продукты питания. Зачастую реквизиции осуществлялись бессистемно и без какой-либо оплаты, а у некоторых крестьян забирали почти все. Положение усугублялось тем, что для крестьянства вера в ценность денег всегда была меньше, чем в ценность хлеба.

И, наконец, население Украины, по которой пролегал путь комбрига на восток, уже длительное время не видело газет и не слышало радио. Потребность в информации на фронте и в стране они черпают от окруженцев, а те, естественно, выдают все в преувеличенном виде. Такое положение облегчает распространение вредной для немцев агитации среди населения [8].

О дальнейшей судьбе комбрига А.Ф. Марушева известно немного. Каким-то образом ему удалось совершить побег и весной 1942 г. он перешел через линию фронта. После спецпроверки его арестовали. Случилось это событие 20 марта 1942 г. Военным трибуналом Сталинградского фронта он был приговорен в высшей мере наказания и 7 августа в г. Борисоглебск комбрига А.Ф. Марушева расстреляли [9]. Видимо, его рассказу о побеге не поверили и сочли либо шпионом, либо предателем.

Ссылки и примечания:

1. Миркин Я. Жизнь – життя, мать – матір, хлеб – хліб // Родина. 2019. – № 1. – С. 47.
2. Кудряшов С., Олейников Д. Оккупированная Москва // Родина. – 1995. – № 5. – С. 17.
3. Morgenmeldung 15.11. Von 295. J.D., Ic an Gen. Kdo. XXXXIV. A.K., Ic // NARA. – Т. 315. – Roll 1952. – Fr. 271.
4. Aussagen des gefangenen russ. Brig. Kdrs. A.F. Maruschew: Eindrücke, die ich während meiner Wanderung hinter der deutschen Front gesammelt habe. Anlage 1 zu A.O.K. 17 Ic/AO Nachr. Bl. Nr. 74/41 v. 26.11.41 // NARA. – Т. 312. – Roll 676. – Fr. 348.
5. Aussagen des gefangenen russ. Brig. Kdrs. A.F. Maruschew... – Fr. 348.
6. Aussagen des gefangenen russ. Brig. Kdrs. A.F. Maruschew... – Fr. 350.
7. Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы / Сост. К.М. Александров. – Санкт-Петербург: Скрипториум, 2011. – С. 269–270.
8. Aussagen des gefangenen russ. Brig. Kdrs. A.F. Maruschew... Fr. 350.
9. Не предать забвению. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1993. – Т. 1. – С. 238.

УДК: 94:355.426(477.6) «2014/2020»

С.А. Кислицын

доктор исторических наук,

Южно-Российский институт управления – РАНХиГС

А.А. Смирнов

Южно-Российский институт управления – РАНХиГС

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ НА ДОНБАССЕ 2014-2020 ГГ. В КОНТЕКСТЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.

Аннотация.

На Украине сформировался националистический режим на основе концепта гипертрофированного украинства и героизации преступных ОУН-УПА. Отказ от концепции отечественного характера Великой Отечественной войны советского народа с немецко-фашистскими оккупантами привел возложению вины за развязывание войны на СССР, к развязыванию коммунофобии и русофобии. Госпереворот 2014 г. и запрет русского языка как государственного, преследование советско-русской культуры, убийства инакомыслящих и др. привели к созданию донбасских независимых республик – ЛНР и ДНР. Агрессия бандеровского политического режима против русскоязычных республик с применением танков, авиации, с использованием карательных батальонов с нацистской символикой вызвала адекватную ответную реакцию. В республиках проводится альтернативная историческая политика, направленной против идеологии украинского национализма. В целом вооруженный конфликт стал фактически региональным продолжением Отечественной войны борьбы – героического народа Донбасса против бандеровского неонацистского режима.

Ключевые слова: *Военный конфликт, Украинский национализм, Луганская и Донецкая народная республики, историческая политика.*

Summary

In Ukraine, a nationalist regime was formed based on the concept of hypertrophied ukrainism and the glorification of criminal OUN-UPA. The rejection of the concept of the national character of the great Patriotic war of the Soviet people against the Nazi invaders led laying blame for the war on the Soviet Union, to the outbreak of communituy and Russophobia. Russian Russian revolution in 2014 and the ban on the Russian language as the state language, the persecution of Soviet-Russian culture, the murder of dissidents, etc. they led to the creation of the Donbass independent republics – the LPR and the DPR. The aggression of the Bandera political regime against the Russian-speaking republics with the use of

tanks, aircraft, and punitive battalions with Nazi symbols provoked an adequate response. In the republics, an alternative historical policy is being implemented against the ideology of Ukrainian nationalism. In General, the armed conflict was actually a regional continuation of the Patriotic war of the struggle-the heroic people of Donbass against the Bandera neo-fascist regime.

Keyword: *Military conflict, Ukrainian nationalism, Luhansk and Donetsk people's republics, historical politics.*

На территории современного Украинского государства на основе нацистской идеологии и героизации преступников Бандеры, Шухевича и других лидеров ОУН-УПА сформировался националистический политический режим. В течение последних 20-лет в стране шел последовательный процесс актуализации идеологической концепции "Украина не Россия" и формирования на этой основе партий и движений. Завершил этот процесс нацистский госпереворот 2014 г., который под популистским лозунгом борьбы с коррупцией и олигархами сверг законного президента В.Януковича и его правительство. Власть новых коррупционеров и олигархов в рамках объявленной евроинтеграции осуществила запрет коммунистической, социалистической и региональной партий, ввела жесткую цензуру, начала репрессии инакомыслящих, осуществила массовое убийство и сожжение оппозиционеров в Одессе 2 мая 2014 г. Запрет русского языка как второго официального, преследование советско-русской культуры и т.п. вызвали цивилизационный кризис на Украине, в частности раскол страны на агрессивный западно-центральный и пассивный юго-восточный субцивилизационные центры. Политолог М.Погребинский объяснил индифферентное отношение населения центральной части Украины к этой проблеме: одни захотели попасть в Европу, другие – "большинство граждан, в том числе и русскоязычных, испытывает огромные проблемы материального характера, из-за которых люди не в состоянии справиться с оплатой коммунальных услуг и обеспечить своим семьям достойное медицинское обслуживание. На этом фоне ущемление права использования родного языка отодвигается на второстепенные позиции. Люди просто отвлечены на решение повседневных проблем. Если наметится спад экономического кризиса, вполне возможно, тема использования русского языка в общественной жизни выйдет на первый план, и противостояние в стране значительно усилится. И тогда я не завидую противникам русскоязычного населения"[1]. В настоящее время демократические силы на Украине находятся в пассивно-депрессивном состоянии, возлагая надежды на вновь избранного Президента В.Зеленского.

Политические репрессии и запреты, ограничения русской культуры и языка на территории русскоязычного Донбасса привели к массовому активному сопротивлению населения и созданию уникальных сначала автономных, затем независимых народных республик ЛНР и ДНР. Развитие народного суверенитета вызвано особым менталитетом шахтерского края,

казачьими традициями населения, историческим опытом существования героической Донецкой-Криворожской Советской республики 1918 г., считавшей себя имманентной частью России. Но в Москве образование независимой от Украины Донбасской республики посчитали ошибкой, порождённой непониманием **перспектив** национально-государственного строительства в новой советской стране. . В. И. Ленин требовал соблюдения суверенитета формирующейся Советской Украины, невмешательства в деятельность ЦИК Советов Украины, тактичности в национальном вопросе, заботы об укреплении сотрудничества Украинской и Российской Советских республик. Лидеры большевиков считали, что без пролетариата Донбасса будет очень трудно развернуть мелкобуржуазную националистическую западную и центральную части Украины на путь социалистического строительства.[2]

В начале XXI века уже в новых условиях вопрос стоит опять о взаимоотношениях с политическими силами уже на новой Украине. В противостоянии националистического Киева и интернационального Донбасса первоначально речь шла только о требованиях Донбасса коррекции внешней и внутренней политики новой власти, но ситуация быстро и радикально изменилась. Когда началось агрессивное наступление нового политического режима против вновь образованных народных республик с применением тяжелого армейского вооружения, авиации, строительство специальные тюрьмы и концлагеря для содержания в будущем побежденных сепаратистов, а также активизации нацистских добровольческих батальонов с фашистской символикой, возникла необходимость полноценного вооруженного отпора. Посильную помощь республикам через общую границу оказала Российская Федерация, ранее поддерживавшая российский выбор народа Крыма на местном всеобщем референдуме. Президент П.Порошенко открыто стал проводить курс на полный разрыв отношений с Россией и государственную поддержку националистических профашистских сил. Вновь избранный президент В.Зеленский после некоторых колебаний в основном продолжил эту стратегию. В ходе своего визита в Польшу он заявил, что «польский народ первым почувствовал на себе стговор тоталитарных режимов», что привело к началу Второй мировой войны и Холокосту[3]. Но политика геноцида была провозглашена Гитлером в "Майн Кампфе", зафиксирована в немецком законодательстве в 1935 г., реализована в погромах в 1938 г., т.е. до пакта Молотова-Риббентропа. Говоря об освобождении украинцами лагеря смерти «Аушвиц–Биркенау», В.Зеленский проигнорировал тот факт, что Первый Украинский фронт до октября 1943 г. именовался Воронежским, Львовская дивизия формировалась в Вологде, 322-ая Житомирская дивизия в Горьковской области. Более того, в условиях начавшейся в Западной Европе кампании по обвинению СССР в развязывании вместе с Германией второй мировой войны украинские власти поднимают на щит ОУН-УПА, отрицают факты "Волынской резни" и Холокоста на Украине,

сносят памятники советским полководцам и Героям Советского Союза, и в целом активно извращают историю СССР, Советской Украины.

Это стремление соответствует западному пониманию феномена **исторической политики** (Geschichtspolitik) – и «**войн памяти**», которые используются для обострения конфронтации с Россией.[4] Историческая политика стала рассматриваться как необходимая часть политического информационного арсенала. Формирование механизма таких инновационных "исторических" войн является не только профессиональной, но нравственной проблемой, так как практически неизбежно происходит в той или иной степени фальсификация истории. Создаются специфические идеологизированные государственные учреждения, например, Институты национальной памяти в Польше и на Украине, финансируемые государствами т.н. общественные Комиссии по изучению ущерба от советской оккупации, музеи истории советской оккупации в Риге, Вильнюсе, Таллине, Тбилиси и Киеве.

Руководители Украинского института национальной памяти считают, что после возможной деоккупации неподконтрольных ныне территорий Донбасса, а также Крыма имплементация украинского закона о декоммунизации в этих регионах должна будет проводиться в "переходном режиме". Они создают государственный культ националиста Бандеры, несмотря на опубликованные в США материалы о нем как профессиональном агенте Гитлера по кличке "Консул 2", под руководством которого на Западной Украине в 1941 г. было уничтожено более 5 тыс. украинцев, 15 тыс. евреев и несколько тысяч поляков.[5]. На протяжении всей войны ОУН-УПА осуществляла массовый террор против всех "инородцев" и украинцев, отказывающихся им помогать[6]. Наследники ОУН-УПА современные неонацисты открыто угрожают кровавой резней народу Донбасса. И это явление является безусловно порождением в том числе украинский исторической политики.

Отказ от концепции отечественного характера Великой войны советского народа с немецко-фашистскими оккупантами привел Киев к возложению вины за развязывание войны на СССР, к поддержке вымыслов польских и иных фальсификаторов истории 2-й мировой войны, к развязыванию коммунофобии и русофобии. Все лидеры постсоветской Украины утверждали, что ведут не гражданскую войну с юго-восточными сепаратистами, а некую антитеррористическую операцию (АТО), и, прежде всего, войну с Россией, которая якобы аннексировала Крым и оккупировала Донбасс. На наш взгляд, на последних этапах противостояния официальной Украины и народных республик в это время произошла трансформация внутреннего вооруженного конфликта в полноценную войну русскоязычного интернационализма против оголтелого бандеро-фашистского национализма. Ее составной частью является информационная историческая война.

В России в последнее время произошли сдвиги в организации адекватной информационной политики нашей властвующей элиты, была осуществлена достаточно систематическая работа над политикой идентичности исторической коллективной памяти. Была создана определенная инфраструктура продвижения исторического патриотического нарратива. Это структуры президентской комиссии по борьбе с фальсификацией истории, которая просуществовала с 2009 по 2014 гг., неправительственные организации Российское историческое общество, и Российское военно-историческое общество, фонд «Историческая память». В 2012 году был принят закон об «иностранных агентах», который зачищает, в том числе поле исторической памяти от зарубежных влияний и вливаний. Однако так и не удалось создать полноценной инновационной концепции патриотического воспитания на основе изучения и пропаганды истории Великой Отечественной войны, в том числе борьбы с бандеровским национализмом.

Центральная власть РФ продолжает контактировать с киевским режимом, перестала резко критиковать В.Зеленского, сменила на посту помощника В.Путина по Украине решительного В.Суркова на более умеренного политика Д.Козака. Уходя в отставку В.Сурков сказал «Принуждение силой к братским отношениям – единственный метод, исторически доказавший эффективность на украинском направлении. Не думаю, что будет изобретен какой-то другой». А Донбасс – «это люди прежде всего. Замечательные люди. Захарченко, Ходаковский, Бородай, Пинчук, Болотов, Безлер, Толстых... Многие другие. Извиняюсь, что не перечислю всех. И что права не имею всех назвать. И что назвал живых в одном ряду с мертвыми. Они настоящие воины. Их не нужно, конечно, идеализировать. Разных людей война притягивает. Война дело мутное, муторное. Но нужное. Они взялись за эту тяжелую работу. И справились». Экс-помощник Президента В.Путина добавил, что «Все они герои. Как есть города-герои, так там весь народ-герой». Отвечая на вопрос о том, вернется ли Донбасс в состав Украины, В.Сурков категорично заявил: «У меня недостаточно сильное воображение, чтобы такое вообразить. Донбасс не заслуживает такого унижения. Украина не заслуживает такой чести»[7]. В настоящее время в российских СМИ заметно ослаб процесс разоблачения бандерофашизма, который тем не менее по-прежнему является сердцевиной украинской политики.

В условиях военного противостояния ДНР и ЛНР активно используют опыт Великой Отечественной войны с германским фашизмом и прошлой бандеровщиной в идеологическом и практически-военном планах. Показателен случай, когда шахтеры сняли с постаментов памятник – танк ИС-2, слегка отремонтировали его и применили в бою. В народных республиках был принят специальный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», осуществляется огромный

комплекс мероприятий по празднованию 75-летия Великой Победы, проводится конкурс семейных архивов «Война в истории моей семьи» и т.п. В местной прессе неофициально прослеживаются параллели между Отечественной и современной войной на Донбассе. Освещается стратегическая военная операция Советской Армии по освобождению от немецко-фашистских оккупантов Донцкого бассейна и всей левобережной Украины. В школах и вузах изучаются подвиги героев народного ополчения, начиная с президента ДНР Захарченко В результате растет новое поколение молодежи, не зараженная эпидемией бандеровщины.

В последнее время в непризнанных республиках рассматривают войну с Украиной уже не только как гражданскую войну в рамках одной страны, а как продолжение принципиальной борьбы с нацизмом, в данном случае, с украинским. Для понимания такого элемента общественного сознания полезна известная песня группы "Зверобой" 2016 г. *"Едут-едут БТРы. //По Донбасской стороне// И наследники Бандеры// Порасселись на броне //И сверкают касками //Лица скрыты масками //На шевронах свастики //Ищут, где здесь ватники// Не спасать, не защищать //Едут-едут зачищать// Москаляку на гілляку// І на палю комуняку //На шевронах свастики //Ищут, где здесь ватники// Если так, то я здесь первый// Первый русский коммунист// Дед не сдрейфил в сорок первом//Да и я не пацифист!*

В литературе подчеркивается, что ярким символом определенного единства событий двух войн является знаменитый мемориал "Саур-могила", посвященный памяти погибших советских солдат в 1943 г. и народных ополченцев Донбасса в 2014 г. Безусловно, все это является выражением проводимой в республиках совершенно определенной исторической политики, направленной против идеологии бандеровщины. Но совершенно очевидно, что это не просто отражение контекста конъюнктурных отношений с соседним государством. не эксплуатация темы Победы в Великой Отечественной войне, а четкая мировоззренческая антифашистская политика.

В современной ситуации "между войной и миром" власти ДНР и ЛНР подчеркивают необходимость закрепления особого статуса Донбасса в Конституции Украины и отмены всех актов, которые ему противоречат, но это означает как минимум полный отказ от бандеровской идеологии. Лидеры ДНР и ЛНР заявляют, что в идеале наилучшим вариантом является вхождение республик в Российскую Федерацию на правах Федерального Округа, а не в состав идеологически и ментально чуждой им бандеровской Украины. По целому ряду признаков этот конфликт русскоязычного населения с агрессивным неонацистским режимом, взявшим на вооружение лозунги нацизма и бандеровских карателей, фактически своеобразным региональным рецидивом Великой Отечественной войны.

Ссылки и примечания:

1. Украинский политолог рассказал, почему на Украине. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/community/6521912/post467389451/page1.html>
2. Кислицын С. А. Предпосылки интеграции де-факто суверенных народных республик Донбасса в постсоветские объединения с участием Российской Федерации // Власть, 2019. – Том. 27. – № 4. – С. 138-141.
3. Переписывание истории – Зеленский обвиняет СССР в Холокосте. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.donbass-insider.com/ru/2020/01/29/perepisyvanie-istorii-zelensky-obvinaet-sssr-holokost/>
4. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. – М., 2011. – С.23.
5. ЦРУ рассекретило новые материалы о Бандере [Электронный ресурс] – Режим доступа: <HTTPS://WWW.RBC.RU/POLITICS/24/01/2020/5E2A45CA9A794749F033DA62>
6. Украинские националистические организации в годы 2 мировой войны. – Т.2. – М.2012. – С.174.
7. Сурков: Украины нет. Есть украинство – специфическое расстройство умов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2020/02/26/surkov-ukrainy-net-est-ukrainstvo-specificheskoe-rasstroystvo-umov>

УДК 334.73:94 (477.61) "1980\1990"

И.В. Торопов

ГОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»
e-mail: ig.toropov@yandex.ru

КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЛУГАНЩИНЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ СЕРЕДИНЫ 80-Х – НАЧАЛА 90-Х ГОДОВ XX В.

Аннотация

В статье рассматриваются основные предпосылки проведения экономических реформ в СССР в период перестройки. Обосновываются причины обращения к историческому опыту кооперации и его возрождения как нового витка кооперативного движения в СССР. Выделяются основные этапы развития кооперативного движения середины 80-х – начала 90-х годов XX в.; анализируется нормативно-правовая база, которая разрабатывалась для

обеспечения функционирования и регулировки кооперации.; уделяется внимание специфике реализации кооперативного движения на Луганщине в условиях социально экономических реформ середины 80-х – начала 90-х годов XX в.; анализируются положительные и отрицательные тенденции в развитии кооперативного движения, их влияние на общий ход развития кооперации в Луганской области.

Ключевые слова: *дефицит, Закон «О кооперации в СССР», кооперация, правительство, предприятия, спекуляция, экономика.*

Summary

The article examines the main prerequisites for economic reforms in the USSR during the period of perestroika. The author substantiates the reasons for turning to the historical experience of cooperation and its revival as a new round of the cooperative movement in the USSR. The main stages of the development of the cooperative movement of the mid-80s – early 90s of the XX century are highlighted; the regulatory framework that was developed to ensure the functioning and regulation of cooperation is analyzed; attention is paid to the specifics of the implementation of the cooperative movement in the Luhansk region in the context of socio-economic reforms of the mid – 80s-early 90s of the XX century.

Keywords: *deficit, Law "On Cooperation in the USSR", cooperation, government, enterprises, speculation, economy.*

В современных условиях поиска и внедрения новой модели экономического развития региона важным элементом является изучение исторического опыта развития страны в период коренных экономических изменений, общественно политических и экономических отношений. Таким периодом стал переход от планово-командной к рыночной экономике, причём переход к самой неизученной, архаичной модели неуправляемого рынка. Всестороннее изучение исторического опыта кооперативного движения способствует открытию и изучению новых аспектов истории Луганщины, выявлению широкого пласта новых исторических фактов, имен и событий, наполнению содержанием основных этапов социально-экономического развития региона. Таким образом, изучение вопроса развития кооперативного движения на Луганщине в условиях социально экономических реформ середины 80-х – начала 90-х годов XX в. на современном этапе является актуальным. Так же актуальность темы исследования, прежде всего, обусловлена недостаточным освещением вопросов развития кооперации на Луганщине в отечественной историографии. Не смотря на значительный массив статистических данных по рассматриваемой проблематике, отсутствует целостное представление об этапах и особенностях кооперативного движения на Луганщине в 80-х – начале 90-х годов XX в., ее роли и значении в социально-экономическом развитии региона.

Целью настоящей статьи является изучение процесса реализации кооперативного движения на Луганщине в условиях социально экономических реформ середины 80-х – начала 90-х годов XX в.

Среди литературы по данному вопросу заслуживают внимания работы М.В. Ходякова «Новейшая история России» [1], К.И. Вахитова «История потребительской кооперации России» [2], М.С. Горбачёва «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» [3] и ряд др. В данных работах затронута тема экономических реформ периода перестройки и формируется представление о этапах развития кооперативного движения, что позволяет нам оценить ситуацию по стране в целом. Так же важными источниками информации по данной проблематике для нас являются архивные документы и периодические издания того времени. Главным источником статистической и фактической информации по вопросу становления кооперации на Луганщине являются протоколы заседаний исполкома Совета народных депутатов [4], бюро обкома партии [5], пленума обкома партии [6] и статьи газеты «Луганская правда» [7], на страницах которой мы можем найти отчёты по экономическому развитию области, статистические данные по развитию кооперации на Луганщине и множество другой ценной информации по данной проблематике.

Середина 80-х годов XX века ознаменовалась курсом на перестройку всех сторон жизни советского общества. Были провозглашены отказ от командно-административных методов в экономике и культурной сфере, развитие демократии, развертывание гласности. Начало внедрения новых методов экономического развития было обусловлено обострением существовавших проблем в экономике Советского Союза.

М. С. Горбачёв в своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» отмечал, что темпы прироста национального дохода за последние три пятилетки уменьшились более чем вдвое, а к началу 80-х годов они упали до уровня, который фактически приблизил страну к экономической стагнации [3, с. 7].

Значительное падение выручки от экспорта нефти (поступления в бюджет от экспорта нефти сократились в 1985 – 1986 гг. на 30 %) привело к нехватке иностранной валюты для импорта, что повлекло за собой значительное усиление существующего дефицита потребительских товаров в том числе и продовольственных. По мнению историка М.В. Ходякова усиливалось отставание СССР в развитии наукоёмких отраслей экономики. Тяжёлая ситуация так же сложилась и в сельском хозяйстве, где потери продукции составляли около 30 % [1, с. 233].

Таким образом, по ряду приведённых экономических показателей, сложившееся экономическая ситуация в СССР была не благоприятной для дальнейшего эффективного развития страны что наталкивало правительство Советского Союза на коренное реформирование экономики.

Экономическая ситуация в Луганской области кардинально ничем не отличалась от положения в стране в целом. В 1986 г. исполком совета народных депутатов отмечал, что в экономике области существовало много негативных явлений.

Во-первых, промышленность области, как и другие отрасли экономики, развивалась экстенсивно, технологии на большинстве предприятий были устаревшие, производительность труда уменьшалась, темпы прироста промышленной продукции неуклонно сокращались.

Во-вторых, не был обеспечен план и сократился выпуск продукции высшей категории качества. К примеру, в декабре 1986 года органами государственной приёмки принято с первого предъявления на заводе им. Пархоменко лишь 27 % продукции. С планами производства товаров народного потребления не справлялись 6 городов и районов. Предприятиями было недопроизведено изделий народного потребления на 30,9 млн. рублей. Наибольшее отставание было допущено в городах Луганск, Первомайск, Ровеньки. Так же существенные недостатки имели место в организации торговли и бытового обслуживания населения [4, с. 3].

К середине 1980-х годов назревшие проблемы обострили необходимость проведения существенных реформ в экономике. Исходя из сложившейся ситуации, правительством Советского Союза была предпринята попытка ввести некоторые элементы рыночного механизма хозяйствования в существующую в стране экономическую систему. Одним из таких элементов стали кооперативы – основная организационно-правовая форма легализованной предпринимательской деятельности в СССР.

В 1988 году, на четвёртом Всесоюзном съезде колхозников в своей речи М.С. Горбачев отмечал, что – «кооперативное движение, все его многообразие надо возродить. Разумеется, возродить с учетом новых условий и новых потребностей. Мы должны воссоздать кооперацию не в старых, зачастую весьма простых ее формах, а кооперацию современную, высококультурную, широко интегрированную как внутри себя, так и с государственными предприятиями и организациями. Нам нужна кооперация высокоэффективная, хорошо технически оснащенная, способная производить продукцию и услуги высшего качества, конкурировать с отечественными и зарубежными предприятиями» [8, с. 32].

Таким образом, руководство СССР во главе с первым секретарём ЦК КПСС объективно оценивало сложившееся положение в экономике страны, и для решения экономических проблем стало на путь внедрения рыночных элементов хозяйствования в частности кооперативного движения.

Началом кооперативного движения в СССР принято считать 1986 – 1987 гг., когда были приняты постановления правительства о создании кооперативов в ряде отраслей народного хозяйства и видах деятельности (переработка вторичного сырья, производство товаров народного потребления, бытовое обслуживание, общественное питание, розничная торговля и ряд

других). С разработкой данных постановлений в Советском Союзе начался подготовительный этап возрождения кооперативного движения.

Формирование сети кооперативов нового типа находилось под постоянным вниманием и контролем директивных органов. В 1987 г. Совет Министров СССР принял ряд постановлений: «Вопросы кооперативов по заготовке и переработке вторичного сырья», «О создании кооперативов по выработке кондитерских и хлебобулочных изделий», «О мерах по улучшению организации продажи товаров, производимых кооперативами и гражданами, занимающимися индивидуальной трудовой деятельностью». В ноябре 1987 г. ЦК КПСС принял постановление «Об опыте создания и работы кооперативов в сфере общественного питания и бытового обслуживания населения, производства товаров народного потребления, заготовки и переработки вторичного сырья». Данные постановления были разработаны исходя из острого дефицита некоторых видов потребительских товаров и услуг. Они были направлены на точечное регулирование индивидуальной трудовой и кооперативной деятельности в чётко определённых отраслях народного хозяйства. Постановлениями была определена мера трудового участия граждан в кооперативном секторе, были обозначены основные инициаторы создания кооператива и слои населения, которые могли приниматься в кооператив, к ним были отнесены пенсионеры, домохозяйки, пенсионеры и учащиеся [9, с. 704].

Именно с принятием данных постановлений в Луганской области началась организация работы по созданию кооперативов.

Необходимо отметить, что основными инициаторами создания предприятий нового типа – кооперативов были представлены тесно связанные с властными, государственными, бюджетными и производственными органами структуры. В области начали создаваться кооперативы при управлениях и отделах исполкомов местных Советов народных депутатов, производственных объединениях и предприятиях, других организациях и учреждениях независимо от характера их основной деятельности [10, с. 1].

Государство стремилось не выпускать из-под контроля деятельность кооперативов и всячески курировало этот процесс. Для эффективного развития кооперативного движения 19 марта 1987 г. Решением № 87 исполнительного комитета Луганского областного совета народных депутатов была создана специальная областная комиссия в полномочия которой входили координация и методическое руководство кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности [11, с. 1].

Исполкомы городских и районных Советов народных депутатов, на территории которых создавались кооперативы, были уполномочены проводить необходимые для создания кооперативов организационные мероприятия, включая широкое оповещение об этом населения, и определять сферу их производственно-хозяйственной деятельности. Так же в компетенцию исполкомов входило принятие решения о регистрации устава кооперативов

которое принималось в 20-дневный срок после поступления заявлений, и осуществление контроля за работой кооперативов.

Решением исполнительного комитета Луганского областного Совета народных депутатов был принят жесткий перечень видов работ и услуг, которые могли выполнять новые кооперативы. Данный перечень состоял из 31 наименования видов деятельности, среди которых были ремонт часов, фотоуслуги, производство товаров народного потребления, ремонт телерадиоаппаратуры и кинофотоаппаратуры, уборка жилых помещений, индивидуальный пошив и ремонт одежды и др. К концу 1987 г., решением исполнительного комитета, перечень был дополнен ещё одним видом деятельности «Оказание правовой помощи пенсионерам и другим гражданам» [12, с. 1].

Проведённые мероприятия по развитию и стимулированию кооперативного движения на Луганщине принесли свои результаты. Так, по данным бюро обкома компартии Украины, после начала правительственной политики по развитию кооперативного сектора экономики количество кооперативов на территории Луганской области начало постепенно возрастать и к концу 1987 г. число официально зарегистрированных кооперативов составило около 200 [6, с. 30].

Однако, не смотря на все попытки за счёт создания кооперативов улучшить ситуацию в экономике, производстве товаров народного потребления и предоставлении платных услуг населению негативные тенденции в развитии этих сфер продолжали сохраняться. В результате, среди жителей области продолжало возрастать недовольство качеством предоставления услуг службой быта. Об этом свидетельствуют множество жалобы населения в советские и партийные органы на нарушение сроков исполнения заказов, низкую культуру обслуживания, установленного режима работы. За 1987 г. в кассы государственного банка СССР недопоступило свыше 44 млн. рублей, в результате чего неоднократно имели место задержки в выплате заработной платы рабочим промышленных предприятий и сельским рабочим. Отставание реализации бытовых услуг от плана составляло с начала 1987 года почти 5 миллионов рублей. Не произошли изменения к лучшему в развитии платных услуг населению план, по которым недовыполнен на 9,3 %, или на 38,2 млн. рублей. Из 12 планируемых видов услуг задания не были выполнены по 8 видам [13, с. 4].

По оценке исполнительного комитета Луганского областного совета народных депутатов, отмеченные и другие недостатки в работе отраслей народного хозяйства стали возможными по нескольким причинам. Во-первых, руководители областных отделов, управлений и объединений, строительных организаций, горрайисполкомов крайне медлительно осуществляли перестройку стиля и методов руководства. Во-вторых, мало оказывали практической помощи подведомственным предприятиям и организациям по чёткому выполнению договорных обязательств. В-третьих, плохо

осуществлялась работа и помощь по созданию кооперативов по производству необходимых товаров и услуги населению. В результате чего, согласно данным бюро обкома Компартии Украины в Луганской области из 200 зарегистрированных кооперативов реально действующими были только половина [6, с. 30].

Таким образом, для эффективного развития кооперации правительством Советского Союза были приняты ряд постановлений, которые и положили начало кооперативного движения в Луганской области. На основании этих постановлений местными органами власти была развёрнута активная работа по созданию кооперативов, которые занимались производством товаров и услуг первой необходимости. Однако, все предпринятые меры по развитию кооперации в виду таких деструктивных явлений как медленный рост числа кооперативов по предоставлению платных услуг населению, регистрация не рабочих кооперативов и непорядочности кооператоров не только не решили проблему дефицита товаров и услуг, но и привели к увеличению социального напряжения.

Следует отметить, что развитию кооперации серьезно мешала неразработанность законодательства. На то время действующие разрозненные нормативные акты, регулирующие кооперативное движение, зачастую противоречили друг другу. Более того, многие из них не только не способствовали поддержке кооперации, но и сдерживают ее рост. В своём выступлении на четвёртом всесоюзном съезде колхозников М.С. Горбачёв отмечал, что одними административными мерами проблему не решить, и там где, необходимо, надо принимать Закон. Генеральный секретарь был убеждён, что главный путь в развитии экономики это увеличение числа кооперативов, здоровая конкуренция, в которую должны активно включаться и государственные предприятия. Что, в свою очередь, положительным образом сказалось бы и на рынке товаров и услуг, и на уровне цен.

Учитывая это, руководством Советского Союза, было признано необходимым создать новый, единый общесоюзный законодательный акт, который резко расширит сферу и масштабы кооперативного движения [8, с. 30-31]. Таким нормативно правовым актом стал Закон «О кооперации в СССР» и с его принятием начался этап становления системы кооперативного движения. Данный Закон вступил в силу 1 июля 1988 г. и разрешил кооперативам заниматься любыми не запрещёнными законом видами деятельности, в том числе торговлей.

Закон был разработан профильной комиссией под руководством Председателя Совета Министров СССР Рыжкова Николая Ивановича. Он состоял из преамбулы, 5 разделов и включал 54 статьи. В своём докладе, на девятой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, Н.И. Рыжков характеризовал принятие Закона «О кооперации в СССР» как жизненно важный шаг для дальнейшего движения вперёд по пути намеченных социально-экономических преобразований.

Председатель Совета Министров считал, что Закон «О кооперации в СССР» коренным образом изменит сложившийся правовой статус кооператоров. Закон был призван открыть широкий простор созданию и активному развитию самых разнообразных кооперативов во всех сферах экономики, и стать мощным стимулом дальнейшего роста кооперации, который выведет её на качественно новый уровень, позволит вовлечь в развитие экономики и социально-бытовую сферу многие миллионы советских людей. Кооперативам представлялся широкий простор в выборе направлений их работы.

Основными принципами, которые были закреплены в Законе, были хозяйственная самостоятельность, самоуправление, неприкосновенность кооперативной собственности, добровольность. Добровольность являлась важнейшей юридической гарантией, способствующей развитию кооперативного движения. Причём не только по созданию кооператива, но и по вступлению и выходу граждан из него [7, с. 2].

Сердцевиной Закона «О кооперации» являлось правовое признание кооперативного сектора экономики равноправным партнером государственного сектора. Он предусматривал создание благоприятных условий, прежде всего для «новых кооперативов», но в нем не были забыты также «старые» виды – колхозы и потребительская кооперация.

Однако будучи законодательным актом периода перестройки, он содержал взаимно не согласованные положения. Закон был нацелен на расширение сферы и масштабов кооперативного движения, но в то же время имел известные идеологические штампы. Но в целом, он все-таки носил творческий, новаторский характер. Не случайно впоследствии его назовут первым «рыночным» Законом в СССР [2, с. 249].

Таким образом, для устранения несогласованности законодательства, негативных тенденций кооперативного движения и стимулирования её активного развития был принят один единый нормативно правовой акт – Закон «О кооперации в СССР». Руководство страны считало его принятие важнейшим шагом на пути к построению в СССР рыночных отношений. Закон «О кооперации в СССР» не только расширил сферы деятельности кооперативов, но и закрепил их основные принципы, права и гарантии.

Со вступлением в силу нового нормативно правового акта по регулированию кооперативного движения в Луганской области большими темпами стало расти количество зарегистрированных кооперативов нового типа, что значительным образом оказало влияние на её экономическое развитие.

Уже в сентябре 1988 г. область рапортовала о повышении темпов экономического роста за первые 9 месяцев текущего года. Увеличилось производство товаров народного потребления. Расширилось количество платных услуг населению и объемы работ, выполненных кооперативами [14, с. 2].

Согласно цифрам опубликованным Луганским областным управлением статистики, розничный товароборот государственной и кооперативной торговли составил в январе – сентябре 1988 г. 2661,5 млн. рублей и был выше, чем в том же периоде 1987 г. на 149,2 млн. рублей, что в процентном соотношении показывает значительный прирост в 5,9 %. Увеличилось производство продуктов питания и непродовольственных товаров. В январе – сентябре 1988 г. выпуск товаров народного потребления составил 1,9 миллиардов рублей (в розничных ценах) и увеличился по сравнению с соответствующим периодом 1987 г. на 11,5 %.

Значительно выросло, по сравнению с соответствующим периодом 1987 г. на 19 %, производство непродовольственных товаров народного потребления [14, с. 3].

Социально экономическим отделом обкома партии был проанализирован ход реализации в области постановлений партии и правительства по развитию кооперационного движения. Было отмечено что партийными, советскими и хозяйственными органами была развёрнута серьёзная работа в этом направлении и особенно она активизировалась после вступления в силу закона «О кооперации в СССР». В области к началу 1989 года было зарегистрировано 1168 кооперативов, из которых 624 (что составляло 53 %) являлись действующими. В их работу было привлечено более 7 тысяч человек, реализовавших продукции и оказавших услуг на 25 миллионов рублей [15, с. 2].

К апрелю 1989 г. число действующих кооперативов значительно выросло, их общее количество составило 943 кооператива с общей численностью занятых свыше 11 тыс. человек. Из общего числа действующих кооперативов 518 занимались оказывавших услуги населению. Выручка от их деятельности составляла 8,9 миллиона рублей. В их числе, по бытовому обслуживанию населения было создано 332 кооператива с численностью работников 3,7 тыс. чел., по изготовлению товаров народного потребления 109 и 2,1 тыс. чел. соответственно. За первый квартал 1989 г. всеми кооперативами реализовано продукции на сумму 20,6 млн. рублей, что в 11 раз больше, чем за аналогичный период прошлого года. Наибольший удельный вес был у кооперативов по ремонту и строительству жилья, индивидуальному пошиву швейных, меховых и кожаных изделий, ремонту и техническому обслуживанию легковых автомобилей, бытовых машин и приборов.

Анализ, представленный в протоколе № 10, заседания обкома бюро партии показал, что часть кооперативов работала эффективно, умело использовали имеющиеся местные материалы и вторичное сырьё для производства товаров и услуг, некоторые из них выполняли государственные заказы [5, с. 28].

В ассортименте жителей области появились услуги ранее не оказываемые предприятиями бытового обслуживания: бурение скважин и колодцев,

асфальтирование тротуаров, изготовление лепных украшений для жилья, наружное и внутриквартирное декоративное оформление помещений.

Наибольшее количество кооперативов было зарегистрировано в Луганске, Стаханове, Краснодоне, Красном Луче, Лисичанске, Алчевске, Станично-Луганском и Старобельском районах. Был накоплен определённый положительный опыт оказания кооперативами содействия в устранении дефицита определённых видов товаров и услуг. К примеру, кооперативу «Новинка» в Алчевске в приспособленном помещении на списанном оборудовании удалось наладить изготовление дефицитных столярных изделий по ценам, не превышающим государственные. Четвёртую часть доходов на данном предприятии направляли на развитие производства. Так же заслуживает внимания опыт лечебного кооператива «Здоровье» в Брянке, которому удалось организовать оказание тех видов медицинской помощи, которые на то время было невозможно получить в государственных лечебных учреждениях [15, с. 2].

В 1990 году исполком областного Совета народных депутатов так же отмечал, что кооперативное движение в области продолжало развиваться высокими темпами. По состоянию на 1 июня 1990 г. число действующих кооперативов составило 1395, объем работ и услуг, произведённых кооперативами за первое полугодие, составили 120 млн. рублей и возросло по сравнению с соответствующим периодом прошлого года в 2.1 раза [16, с. 1].

Таким образом, принятие Закона «О кооперации в СССР» значительно увеличило количество работающих кооперативов на территории Луганщины. В результате улучшались экономические показатели области по ряду направлений, рынок восполнился дефицитными товарами народного потребления и, кроме того, в ассортименте появилось множество новых, ранее недоступных, услуг.

Вместе с тем в кооперативном движении имели место серьёзные проблемы, а так же негативные тенденции, вызывавшие серьёзные нарекания и тревогу у жителей области.

Отдельные руководители горрайисполкомов, хозяйственных органов на местах проявляли инертность и с предубеждением относились к самой идее создания кооперативов. Нередко необоснованно затягивали сроки регистрации уставов, решения вопросов по выделению помещений, обеспечению оборудованием и сырьем, слабо ориентировали деятельность кооперативов на насыщение потребительского рынка товарами и услугами первой необходимости [5, с. 28].

В результате такого отношения в ряде городов и районов сдерживалось развитие кооперативов. К середине 1989 г. более половины всех кооперативов области были сосредоточены в городах Луганск, Алчевск, Краснодон, Красный Луч, Лисичанск и Стаханов. Третья часть кооперативов не работала, а в городах Антрацит, Рубежное, Свердловск, Славяносербском, Перевальском,

Новоайдарском, Марковском и Сватовском районах удельный вес таких кооперативов превышал 50%.

Наряду с увеличением количества кооперативов росло так же и количество нарушений кооперативами действовавшего законодательства. Особенно распространёнными были неуставная деятельность, укрытие доходов, нарушение ценообразования, несоблюдение уставного соотношения между членами кооперативов и работающими по трудовому договору, требований к качеству продукции и др.

Некоторые кооперативы фактически полностью выходили из-под контроля исполкомов местных Советов народных депутатов и финансовых органов, занимаясь деятельностью, не предусмотренной их уставом. В областном центре кооператив «Новотроника» по изготовлению товаров народного потребления и оказанию бытовых услуг населению выполнял топографо-геодезические изыскания, пусконаладочные и другие работы, не относящиеся к прямому его предназначению [5, с. 29].

Получила широкое распространение незаконная практика приобретения кооперативами строго фондируемых материальных ресурсов, скупка в магазинах, организациях и на предприятиях отдельных видов товаров, продуктов питания и полуфабрикатов с последующей их реализацией по спекулятивным ценам [5, с. 30].

Большинство кооперативов, как свидетельствовали данные деклараций о распределении доходов, отчисляли незначительные средства в фонд развития и страхования, в первую очередь, используя их на оплату труда. В целом по области за первый квартал 1989 г., из 20,6 млн. рублей общей выручки кооперативов, фонд оплаты труда составил 8,9 млн. рублей, или 43,2%. В ряде кооперативов удельный вес фонда оплаты труда в сумме доходов достигал 80-90%.

Значительная часть кооперативов не обеспечивала надлежащее качество выпускаемой продукции и оказываемых услуг, не соблюдали санитарно-гигиенические требования. Городскими и районными санэпидемстанциями только в 1988 году было закрыто 16 кооперативов общественного питания, более 50 кооперативов, желавшие выпускать пищевые продукты, не получили разрешения санэпидслужбы [5, с. 31].

Схожие тенденции в развитии кооперации в Луганской области продолжились и в начале 90-х годов.

Проверки показывали, что многие кооперативы по-прежнему занимались не теми видами деятельности, которые были определены уставом.

За январь-июнь 1990 г. было установлено занижение и сокрытие кооперативами платежей в бюджет в размере более 1 млн. рублей, или почти каждый десятый рубль. Только с созданием налоговой инспекции за июнь и июль 1990 года было выявлено скрытых доходов на 600 тыс. рублей [16, с. 2].

В каждом шестом из проверенных кооперативов выявлены нарушения установленного порядка ценообразования. Общая сумма незаконно

полученного кооперативами дохода и штрафа, подлежащая перечислению в доход бюджета, составила 551,5 тыс. рублей.

Исполкомы местных Советов не добивались выполнения кооперативами установленного соотношения числа членов кооператива и лиц, работающих по трудовому соглашению. Ряд кооперативов грубо нарушали эти требования и занимались частнопредпринимательской деятельностью с использованием наемного труда. Так, в кооперативе «Витамин» (г. Луганск) на 3 членов кооператива приходилось 78 человек, работающих по трудовому договору [16, с. 3].

Все эти негативные явления в кооперативном движении наблюдались повсеместно. Кооперативы частично смогли устранить дефицит услуг и товаров народного потребления, но качество продукции и финансовая неупорядоченность крайне негативно сказывались на социальном напряжении экономическом положении области. В целом деятельность кооперативов в реальности не стала тем спасательным фактором насыщения рынка нужным количеством товаров и услуг надлежащего качества.

Вывод. Таким образом, можно сделать вывод, что начало развития кооперативного движения в СССР имело свои экономические предпосылки. В советской экономике настал период стагнации, который был вызван рядом экономических проблем, что наталкивало правительство Советского Союза на коренное реформирование экономики.

Основным решением экономических проблем, связанных с острым дефицитом услуг и товаров народного потребления руководство страны избрало путь внедрения рыночных элементов хозяйствования в частности кооперативного движения.

Начало развития кооперативного движения на Луганщине условно можно разделить на два этапа.

Первый этап – подготовительный (1986-1987). Он дал толчок развитию кооперации и начался с принятия правительством СССР ряда постановлений, которые позволяли создавать кооперативы в определённых отраслях народного хозяйства и регулировали их деятельность. Однако из-за несогласованности данных нормативно правовых актов и недобросовестного отношения кооператоров к возложенным на них обязательствам проведённые реформы не просто не привели к улучшению экономического климата, но и в какой-то мере усугубили его.

Второй этап – становление системы (1988-1991). Данный этап в развитии кооперативного движения начался с принятием взамен множеству постановлений правительства СССР по регулировке деятельности кооперативов единого нормативно правового акта – Закона «О кооперации в СССР», что привело к качественно новому витку развития кооперации. Закон расширил возможности кооператоров тем самым простимулировав появление множества новых кооперативов, которые быстро заполняли свободные ниши на рынке и уменьшали дефицит потребительских товаров и услуг первой

необходимости. Однако противоречивость законодательства и сохранение тенденции неправильной интерпретации гражданами основных идей и принципов кооперативного движения приводили к появлению деструктивных явлений в системе кооперации. Многие из возникавших проблем являлись сильным тормозом для нормального функционирования и развития кооперативного движения, а всё более часто происходящие случаи эксплуатации и спекуляции порождали ещё большее социальное напряжение в обществе.

В целом реализация кооперативного движения на Луганщине была достаточно перспективным шагом для улучшения экономического климата и развития предпринимательства. Однако по ряду приведённых нам причин и показателей эффективного развития кооперации не происходило.

Ссылки и примечания

1. Ходяков М. В. Новейшая история России в 2 ч. – Часть 2. 1941-2015. – Москва: Юрайт, 2019. – 300 с.
2. Вахитов К.И. История потребительской кооперации России. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». 2007. – 400 с.
3. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – Москва: Политиздат, 1987. – 270 с.
4. Протокол № 1, заседания исполкома Ворошиловградского областного Совета народных депутатов, решение № 35 от 27 января 1987 г., об итогах выполнения плана экономического и социального развития и бюджета области за 1986 год и задачах по выполнению плана, бюджета и социалистических обязательств по успешному выполнению заданий двенадцатой пятилетки и достойной встречи 70-летия Великого Октября // Госархив ЛНР. – Ф-1779. – Оп. – 2. – Д. 5836. – Л. 215-221
5. Протокол № 10, заседания бюро обкома партии от 2 августа 1989 г., // Госархив ЛНР. – Ф- П-179. – Оп. – 75. – Д. 29. – Л. 46
6. Протокол № 9, пленума обкома партии от 19 декабря 1987 г., // Госархив ЛНР. – Ф- П-179. – Оп. – 71. – Д. 9. – Л. 1-135
7. Рыжков Н.И. Доклад на девятой сессии Верховного Совета СССР // Луганская правда. 1988. – 25 мая. – № 98. – С. 2.
8. Четвертый Всесоюзный съезд колхозников, Москва, 23-25 марта 1988 г.: Стеногр. отчет. – М.: Агропромиздат, 1988. – 398 с.
9. Сидоренко Т.Н. Бойчук С.Г. Развитие кооперативов нового типа в Краснодарском крае во второй половине 1980-х гг. // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 5-2(58). – С. 702-707.
10. Протокол № 3 заседания исполкома Ворошиловградского областного Совета народных депутатов, решение № 86 от 19 марта 1987 г., об организации в области работы по созданию кооперативов. // Госархив ЛНР. – Ф-1779. – Оп. – 2. – Д. 5838. – Л. 104,105

11. Протокол № 3, заседания исполкома Ворошиловградского областного Совета народных депутатов, приложение № 2 к решению исполкома областного Совета народных депутатов № 86 от 19 марта 1987 г., об организации в области работы по созданию кооперативов. // Госархив ЛНР. – Ф-1779. – Оп. – 2. – Д. 5838. – Л. 111
12. Протокол № 3, заседания исполкома Ворошиловградского областного Совета народных депутатов, приложение № 1 к решению исполкома областного Совета народных депутатов № 86 от 19 марта 1987 г., об организации в области работы по созданию кооперативов. // Госархив ЛНР. – Ф-1779. – Оп. – 2. – Д. 5838. – Л. 105
13. Протокол № 1, заседания исполкома Ворошиловградского областного Совета народных депутатов, решение № 31 от 25 января марта 1988 г., об итогах выполнения плана экономического и социального развития и бюджета области за 1987 год и задачах по выполнению плана, бюджета и социалистических обязательств 1988 года // Госархив ЛНР. – Ф-1779. – Оп. – 2. – Д. 6031. – Л. 208-211
14. Ворошиловградское областное управление статистики. Социально-экономическое развитие области за девять месяцев 1988 год // Луганская правда. – 1988. – 4 ноября. – № 210. – С. 2.
15. Больше товаров и услуг // Луганская правда. – 1989. – 15 февраля. – № 32. – С. 2.
16. Протокол № 9, заседания исполкома Ворошиловградского областного Совета народных депутатов, решение № 270 от 25 сентября 1990 г., о мерах по пресечению нарушений законодательства кооперативами и обеспечение приоритетного из развития по производству товаров народного потребления и оказанию услуг населению области// Госархив ЛНР. – Ф-1779. – Оп. – 2. – Д. 6416. – Л. 36-40.

Всемирная история

УДК 94:341.72(44)«18»

Р.Г. Харьковский

кандидат исторических наук,

ГОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

e-mail: ryslan@mail.ru

ЛОРД СТОРМОНТ – БРИТАНСКИЙ ДИПЛОМАТ И ЗАВСЕГДАТАЙ ФРАНЦУЗСКИХ САЛОНОВ XVIII в.

Аннотация

В статье проанализирована деятельность лорда Стормонта, одного из наиболее известных дипломатов Великобритании во Франции в период Старого порядка. Отмечено, что наряду с исполнением своих профессиональных обязанностей, он занимался сбором разведывательной информации. Акцентируется внимание на роли салонов, как важного источника актуальной политической информации и пространства для апробации форм и методов дипломатии.

Ключевые слова: Франция, Великобритания, XVIII в., Стормонт, послы, салоны.

Summary

The article analyzes the activities of Lord Stormont, one of the most famous British diplomats in France during the Old Regime. It is noted that along with the fulfillment of his professional duties he was engaged in the gathering of intelligence information. Attention is focused on the role of salons as an important source of relevant political information and space for testing forms and methods of diplomacy.

Key words: France, Great Britain, XVIII century, Stormont, ambassadors, salons.

В XVIII в. отношения между Великобританией и Францией были крайне напряженными, особенно в связи с колониальным соперничеством. Конфронтация двух государств развернулась в Европе, Америке, Азии. Вследствие этого, периоды относительного мира сменялись периодами противостояния, иногда доходившего до прямых вооруженных столкновений. В настоящей статье мы остановимся на деятельности лорда Стормонта, одного из самых известных британских послов во Франции в период Старого порядка.

Дэвид Мюррей, второй граф Мэнсфилд, седьмой виконт Стормонт родился 9 октября 1727 г. Он приходился племянником известному британскому юристу XVIII в. Уильяму Мюррею.

Будущий граф Мэнсфилд получил прекрасное образование в Вестминстере и в Оксфорде. Впоследствии, благодаря незаурядным способностям и семейным связям, он был назначен послом в Саксонию (1755-1763 гг.), а затем в Австрию (1763-1772 гг.).

Австрийская императрица Мария Терезия благосклонно относилась к британскому дипломату, поэтому, узнав об его отъезде из Вены, очень огорчилась: «Стормонт ... всегда отличался хорошими намерениями. Это честный, умный и рассудительный человек; но наша текущая система нездорова и восстала против нас, как и все остальные министры иностранных дел, которые находятся при моем дворе» [1]. Следует заметить, что Стормонт был последовательным проводником традиционной политики Великобритании, а, следовательно, сторонником союза с Австрией. Однако он крайне негативно отзывался об участии Австрии в разделе Польши. В связи с этим граф Ф. де Мерси-Аржанто, австрийский посол во Франции, предложил Марии Терезии пристально следить за его действиями в Париже, высказывая обеспокоенность схожестью позиций лорда Стормонта и главы французского внешнеполитического ведомства герцога д'Эгийона [2]. Со временем британский дипломат смягчился, о чем Мария Антуанетта и сообщила матери в письме от 13 января 1773 г.: «Я имела большое удовольствие снова увидеть господина Стормонта. Я спросила у него новости о моей дорогой семье и, похоже, он с удовольствием их рассказал. Пока мне кажется, что он освободился от предубеждений» [3].

В 1772 г. король Георг III направил лорда Стормонта в качестве посла во Францию. Его назначение было встречено герцогом д'Эгийоном достаточно сдержанно. В письме от 2 июня 1772 г., адресованном французскому послу в Лондоне графу де Гину, он, комментируя смену главы посольства Великобритании в Париже, отмечал: «В этой ситуации мы можем только посочувствовать лорду Харкуру, который должен перейти в вице-королевство Ирландию, личность и поведение которого всегда были очень приятны королю. Мы надеемся найти в его преемнике, лорде Стормонте, те же чувства и настроения, чтобы поддерживать между двумя дворами полное согласие, которое должно способствовать взаимному удовлетворению и является необходимым продолжением их мирных намерений» [4].

Наряду с исполнением своих профессиональных обязанностей, лорд Стормонт занимался активным сбором информации. Он докладывал своему руководству о всех важных событиях, которые происходили во Франции. Еженедельные депеши, часто с пометкой «секретно», содержали подробные сведения о короле и его ближайшем окружении, высокопоставленных чиновниках, а также расстановке политических сил при дворе. В письме графу Ричфорду, датированном 25 мая 1774 г., Стормонт отмечал, что ему

достаточно легко узнавать последние новости благодаря налаженным во французском светском обществе связям, при этом большая трудность заключалась в том, чтобы отличить правду от лжи ввиду сложности внутривластной обстановки. Он также упоминает, что в лице графа Ф. де Мерси-Аржанто смог найти надежного информатора [5].

Во французских реалиях второй половины XVIII в. основными источниками актуальной политической информации для дипломатов являлись двор короля и салоны. При этом, в связи с сокращением времени пребывания послов в Версале, особую ценность для них представляли именно салонные собрания. Так, согласно отчету полиции Стормонт имел обыкновение каждую среду «выходить вечером, прежде чем закончить письма, чтобы узнать новости у мадам дю Деффан» [6]. Помимо салона маркизы дю Деффан, он был завсегдатаем салонных собраний мадам Жоффрен и мадам Неккер, ввиду высокого уровня представительства гостей и политической проблематики бесед.

Помимо сбора информации, лорд Стормонт и сам распространял в салонах новости, формируя положительный имидж английского государства. Показательными в данном отношении стали события последней трети XVIII в. в Северной Америке. Война североамериканских колоний Англии за независимость активно обсуждалась в салонах Франции. По словам графа де Сегура это была «дань моде» [7]. Посещая парижские салоны, лорд Стормонт сообщал новости о ходе противостояния. Так, в апреле 1777 г. он рассказывал об очередной победе королевской армии, возглавляемой генералом Хау, которая разгромила повстанцев, понесших тяжелые потери (около 3 тыс. человек) [8]. Несмотря на то, что в дальнейшем эта информация была опровергнута, он продолжал ее распространять, создавая иллюзию скорой победы Великобритании в данном противостоянии.

Однако данные действия британского посла были негативно восприняты французским светским обществом. Сформировалось убеждение, что необходимо проверять ту информацию, которую сообщает Стормонт. «Британский посол сообщает всем, что английский флот захватил три груженных американских судна, стоимость которых составляет 100 тыс. фунтов стерлингов, но поскольку этот министр обращает все новости в пользу своей нации, которые часто оказываются ложными, и эта требует подтверждения» [9].

Помимо распространявшихся в высшем французском обществе скептических настроений, ситуация для лорда Стормонта осложнилась в связи с прибытием в Париж дипломатической миссии Соединенных Штатов, независимость которых была провозглашена 4 июля 1776 г. на II Межконтинентальном конгрессе. Ключевой фигурой среди американских послов был известный ученый и общественный деятель Б. Франклин. Он, как и Стормонт, часто посещал французские салоны, отстаивая интересы молодого государства. Поначалу хозяева салонов пытались развести по

разным дням визиты лорда Стормонта и Б. Франклина, тем самым надеясь избежать возможных споров и дискуссий. Однако впоследствии, в связи с ростом в высшем обществе симпатий к США в целом и к их представителям в частности, этим ограничением все чаще пренебрегали.

Лорд Стормонт пробыл во Франции до весны 1778 г. Очередной разрыв дипломатических отношений между Великобританией и Францией был связан с подписанием последней торгового договора с США. Т.е. фактически Франция признавала независимость этого государства. Мария Антуанетта отмечала, что если бы Стормонт проявил немного больше гибкости и острое желание примирения, то этого разрыва можно было бы избежать, а так, посол своими дерзкими методами и высокомерными манерами вызывал только раздражение Версальского кабинета [10].

Таким образом, лорд Стормонт, осуществляя свою профессиональную деятельность в качестве посла Великобритании во Франции, активно занимался сбором разведанных. Используя агентурную сеть и французские светские практики (придворный церемониал, салонные собрания), он добывал сведения о короле и его родственниках, придворных партиях и группах, высокопоставленных чиновниках, которые можно было использовать в интересах Великобритании.

Ссылки и примечания

1. Marie-Thérèse, Marie-Antoinette, Mercy-Argenteau F. Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte de Mercy-Argenteau: avec les lettres de Marie-Thérèse et de Marie-Antoinette: En 3 vol. T. 1. / par M. le chevalier A. d'Arneht, et M.A. Geffroy. – Paris: Firmin-Didot frères, fils et Cie, 1874. – P. 319.
2. Ibid. – P. 345, 354, 360.
3. Ibid. – P. 396.
4. Archives des Affaires étrangères, Angleterre, vol. 500, fol. 4 // Flammermont J. Les correspondances des agents diplomatiques étrangers en France avant la révolution. – Paris: Imprimerie nationale, 1896. – P. 499-500.
5. Lettre très secrète au comte de Rochford, du 1 juin 1774, n. 47 / Public Record Office, France, vol. 537 // Flammermont J. Les correspondances des agents diplomatiques étrangers en France avant la révolution. – Paris: Imprimerie nationale, 1896. – P. 501.
6. Rapport sur l'ambassadeur d'Angleterre, 20 mars 1779 / AAE, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 21. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – P. 380.
7. Ségur L.Ph. Mémoires, souvenirs et anecdotes / par M.Ph. Barrière. – Paris: Firmin-Didot, 1859. – P. 166.

8. Rapport sur l'ambassadeur d'Angleterre, 28 mars 1777 / ААЕ, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 14. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – P. 382.
9. Rapport sur l'ambassadeur d'Angleterre, 13 mars 1778 / ААЕ, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 21. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – P. 382.
10. Marie-Thérèse, Marie-Antoinette, Mercy-Argenteau F. Op. cit. – P. 174.

УДК 930.2:327(560)“197”

А.А. Хумуриц

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: khumurits@gmail.com

В.В. Разумный

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

**ОТРАЖЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА В
ПУБЛИКАЦИЯХ ЖУРНАЛА «АЗИЯ И АФРИКА СЕГОДНЯ»
ПЕРИОДА 1970 ГГ.**

Аннотация

В статье проводится анализ публикаций материалов журнала "Азия и Африка сегодня" периода 1970 гг., в которых содержится анализ внешней политики Турецкой Республики. Авторы статьи рассмотрели широкий спектр проблем, изучаемых советскими специалистами, изучили особенности, характерные черты публикаций, выделили основные направления исследований и составили классификацию работ по их тематической направленности.

Ключевые слова: научный журнал, Турецкая Республика, внешняя политика, СССР, историография.

Summary

The article analyzes the publication of materials from the journal «Asia and Africa Today» period 1970, which contains an analysis of the foreign policy of the Turkish Republic. The authors of the article examined the range of problems studied by Soviet Turkologists, studied the features, characteristics of publications, identified the main areas of research and compiled a classification of works by their thematic focus.

Keywords: scientific journal, Turkish Republic, foreign policy, USSR, historiography.

После окончания Второй мировой войны сотрудничество Турции с США и капиталистическими странами Европы представляло собой ключевой вектор развития внешней политики этой страны в сферах культуры, экономики и безопасности в период 1950-1960 гг. Начиная с 1970-х годов ситуация изменилась коренным образом, на что повлияли разрядка международной напряженности между США и Советским Союзом, война «Судного дня» и последовавший за тем топливный кризис в капиталистических странах Запада, Кипрский кризис 1974 года, обостривший отношения между Анкарой и европейскими государствами, рост значения исламской солидарности в региональных отношениях на Ближнем Востоке. Совокупность данных событий привели к значительным изменениям во внешней политике Турции, которая стала испытывать необходимость развивать дружественные отношения со странами, которые ранее рассматривались Анкарой исключительно в качестве противников. В изучении данного периода важную роль играют публикации советских учёных-востоковедов в научном журнале «Азия и Африка сегодня», в котором в 1970-е годы было опубликовано более сорока научных статей, посвящённых истории, культуре, внутренней и внешней политике Турецкой Республики, способные дать важные сведения исследователям, изучающим турецкую проблематику в данный исторический период. По этой причине исследование, обобщение и систематизация материалов по внешней политике Турции, опубликованных в журнале «Азия и Африка сегодня», являются важной и актуальной задачей, способной упростить поиск публикаций по данной проблематике.

Целью настоящей статьи является изучение аналитических материалов, посвящённых проблемам внешней политики Турецкой Республики.

Достижение данной цели, по нашему мнению, возможно при решении следующих задач:

- 1) рассмотрение широкого спектра проблем внешней политики рассматриваемых в статьях советских тюркологов;
- 2) поиск особенностей и характерных черт изученных статей;
- 3) классификация материалов, содержащих сведения о Турецкой Республике.

В данной статье приводится анализ лишь тех публикаций, которые касаются событий и явлений, имевших место в Турции в период с 1970 по 1979 год включительно. Материалы, вышедшие в последующие годы, а также те из них, которые посвящены событиям произошедшим до второй половины XX века, также не являются предметом настоящего исследования. Выбор материалов данного периода обусловлен началом периода разрядки в отношениях между двумя ключевыми противоборствующими блоками возглавляемыми СССР и США, что привело к изменениям как внешней

политике Анкары. Вместе с тем, Кипрский кризис 1974 года, привёл к обострению отношений с союзниками Турции по НАТО, что вынудило руководство страны развивать политические и экономические связи со странами социалистического лагеря и ближневосточными государствами.

Одна из первых публикаций 1970 г., посвящённая истории Турции представляет собой рецензию Р. Керима-Заде на книгу турецкого прогрессивного автора Невзата Устюна «Америка и американцы в Турции» [16]. Данный материал носит тенденциозный характер, так как его автор стремится апеллировать к добрососедским отношениям между Советским Союзом и Турецкой Республикой в годы национально-освободительной войны 1919-1923 гг. и стремится навязать читателю положительное впечатление о возможности развития турецко-советских отношений. Автор даёт положительный отзыв данной работе, который отражает позитивные стороны достаточно значимой работы посвящённой внешней политике Турции в 1950-1960 гг. [24]. Ещё один материал, опубликованный В. Даниловым также позволяет характеризовать положение в Турции, вызванное антинациональной политикой Демократической партии и её лидеров Дж. Баяра и А. Мендереса [14]. Статья посвящена преимущественно оппозиционной борьбе турецких студентов, выступавших, в том числе, против визита американских военных кораблей в турецкие порты, а также затрагивается проблема Кипра. Публикация содержит в себе сведения о поддержке борьбы арабского народа в арабо-израильском конфликте и реакцией на культурную революцию и создание отрядов хунвейбинов в Китае, что даёт возможность оценить реакцию турецкого общества на данные события.

Значительная часть материалов по истории Турции, опубликованных в данный период, содержит в себе сведения о неудовлетворительном социально-экономическом положении большей части населения страны, что, по мнению А. Гусейнова, представленного в его материале «Турция в ожидании перемен», было вызвано господством западных монополий в стране и миграцией квалифицированных кадров из Турции. В своей публикации делает большой акцент на рабочем движении, которое в конце 1950-1960 гг. приобретает явно выраженный антиамериканский окрас [12].

Достаточно объёмный материал, посвящённый идеологической экспансии западных стран в Турецкой Республике, представляет собой статья А. Бельского ««Третье орудие» неокOLONиализма» [2]. В ней автор обращает внимание на пропаганду, как одно из важнейших средств ведения борьбы между социалистическими странами и капиталистическими державами, которые кроме рекламы капиталистического пути развития в Турции, пропагандируют религиозный фанатизм и крайние формы национализма, которые используются для подавление коммунистического движения. В более поздней статье А. Гусейнова, вышедшей в 1975 году, также говорится о том, что фильмы из социалистических стран подвергаются цензуре со стороны

турецкого правительства, хотя автор обращает внимание на позитивные тенденции и разрешение печати марксистской литературы после переворота 27 мая 1960 года [11].

В октябре 1973 года Турецкой Республике исполнилось 50 лет, что послужило поводом для создания материалов, содержащих в себе анализ развития турецкого государства и общества за прошедший период. Так, статья А. Гусейнова перечисляет как позитивные, так и негативные тенденции в модернизации турецкой экономике и относит большую часть положительных изменений к периоду активного сотрудничества Турции с СССР, а также обращает внимание на активизацию сотрудничества в начале 1970 гг., начале строительства крупных промышленных объектов при поддержке Советского Союза [9]. Наряду с этим, продолжают выходить статьи, которые отражают кризисные явления в социально-экономическом развитии Турции, углубление безработицы в турецкой деревне, неспособность обеспечить страну продуктами сельского хозяйства за счёт развития внутреннего сельскохозяйственного рынка, и посредством закупки сельхозпродукции из США и стран Запада [19].

В то же время, в начале 1974 года, в свет вышла публикация Г. Старченкова, где была подробно рассмотрена структура советско-турецкой торговли [22]. Автор сообщает о начале регулярных внешнеторговых операций между двумя странами, начиная с 1954 года, строительстве крупных промышленных предприятий, что позволило снизить зависимость Турецкой Республики от импорта ряда товаров из стран Запада. Налаживание отношений между СССР и США, процесс разрядки международных отношений, в то же время, позволили турецким литераторам говорить об окончании Холодной войны во время Пятой конференции писателей стран Азии и Африки, проходившей в Алма-Ате [7].

В середине 1970-х гг. появляется ряд публикаций посвящённых проблемам турецкого рабочего класса. Во многом эти статьи посвящены социально-экономической напряжённости в турецком обществе, однако позволяют давать более точную оценку развития турецкой экономики в указанный период [10]. В то же время, низкая стоимость турецкой рабочей силы, трудовая миграция турецких граждан в капиталистические страны Западной Европы, превратили турецких рабочих в орудие внешней политики Анкары. Так, статья А. Прокоповича, свидетельствует о нахождении в странах Запада около 800 тыс. турецких рабочих, доходы которых также составляют значительную часть финансовых поступлений в экономику Турецкой Республики [21]. При этом в публикациях даётся негативная характеристика положению турецких рабочих в Западной Европе в целом и в Западной Германии в частности [8]. Также, историк М. Волков обратил внимание на такое негативное явление как «утечка умов» из стран третьего мира, что приводит к нехватке квалифицированных специалистов в развивающихся странах, в том числе в Турецкой Республике [5].

Во второй половине 1970 гг. количество публикаций посвящённых истории Турции значительно возросло, а также появились статьи, в которых проводились попытки обобщить опыт развития Турецкой Республики, приобретённый в данный исторический период. Так в материале Г. Старченкова «Турция семидесятых» [23]. В данном материале, автор обращает внимание на углубление сотрудничества Турции со странами общего рынка, что с одной стороны позволило установить льготные таможенные тарифы на некоторые турецкие промышленные и сельскохозяйственные товары и способствовало трудовой миграции в страны Западной Европы, что и приводило к снижению социально-экономической напряжённости в стране. Также в статье даётся характеристика изменениям в отношениях со странами Ближнего Востока после «войны Рамадана» 1973 года, в том числе развитию отношений с Израилем, а также трансформации отношений со странами НАТО из-за турецкого вторжения на Кипр в июле 1974 года.

Ряд публикация данного периода посвящены изучению борьбы турецкой общественности против гонки вооружений между СССР и США [1]. В то же время продолжалось освещение негативного влияния на страны региона созданного в 1955 году блока СЕНТО, росте военных ассигнований за счёт снижения расходов на социальные программы и сообщалось о публикации в 1961 году секретных документов, позволявших судить об агрессивном характере данного блока [25].

В тот же период начинают появляться публикации, в которых делается особый акцент на геополитическом значении Турции, как ключевого форпоста против СССР и в котором одним из основных интересов США на Ближнем Востоке рассматриваются энергетические ресурсы [3]. В то же время, по мнению Н. Нестерова, в конце 1970-х годов Анкара стремилась проводить всё более независимую от США и НАТО внешнюю политику, что было связано в том числе со значительными расходами на программы вооружений по линии НАТО, а также ущемлении суверенитета страны из-за размещения в Анатолии баз Североатлантического Альянса [20]. В конце 1970-х годов, это привело к распаду блока СЕНТО. Причины данного события подробно рассмотрены в статье В. Бубнова «Крах СЕНТО» [4].

Таким образом, мы можем сделать заключение, что внешняя политика Турецкой Республики рассмотрена максимально всесторонне в публикациях журнала «Азия и Африка сегодня». В опубликованных материалах содержатся самый широкий спектр проблем, с которыми столкнулось турецкое правительство и общество во второй половине XX века. Среди наиболее актуальных тем, изученных советскими тюркологами, нами определены следующие группы направлений исследования: 1) значительное внимание уделено отношению рабочего движения в Турецкой Республике к внешней политике проводимой прозападными, буржуазно-националистическими правительствами. В данный период трудовая миграция из Турции в капиталистические страны Западной Европы превращает турецких рабочих, в

важный элемент внешней политики как Анкары, так и её западных партнёров, на что также обращают внимание авторы публикаций; 2) достаточно большое число статей посвящено анализу роли западных монополий, действующих на территории Турецкой Республики и оказывавшей влияние на социально-экономическое и политическое развитие этой страны. Большая часть авторов критически подходила к экономической политике, проводимой руководством США в отношении Турции. 3) внушительная часть публикаций посвящена трансформации отношения турецких правящих кругов к агрессивным блокам НАТО и СЕНТО, влияние которых начинает ослабевать в исследуемый исторический период из-за событий на Ближнем Востоке, в частности из-за войны Судного дня и спровоцированного ею топливного кризиса, и кризиса вызванным турецким вторжением на о. Кипр, приведший к оккупации части территории Республики Кипр и создания там сепаратного государственного образования; 4) отдельно, в публикациях авторов, рассматриваются налаживание турецко-советских отношений, которые в тот период развивались как в контексте торгово-экономического, так и в плане культурного сотрудничества, что дало возможность распространять марксистскую литературу на территории Турции. Налаживание Турцией сотрудничества с социалистическими странами позволило возобновить строительство крупных промышленных объектов, что в свою очередь повлекло за собой снижение зависимости от импорта товаров из западных капиталистических стран; 5) в значительной части работ имеется тенденция рассматривать отношения между СССР и Турцией исключительно в позитивном ключе. Конфликтные ситуации, имевшие место между Турцией, с одной стороны, странами социализма и Ближневосточными государствами социалистической ориентации практически не отражены на страницах журнала; 6) статьи, в которых в той или иной степени рассматривается идеологическое влияние стран Запада, авторы обращают внимание на преобладание в информационном поле Турецкой Республики приводит к распространению и поощрению религиозного фанатизма и крайнего реакционного национализма среди широких слоёв турецкого общества; 7) отдельные публикации, посвящённые политике стран Запада в целом и США, в частности рассматривают Турцию с позиции её геополитического и геоэкономического значения для стран запада, что связано прежде всего с энергетической безопасностью капиталистических государств.

Анализ материалов, приведённых в нашей статье, показывает, что в публикациях, размещённых в журнале «Азия и Африка сегодня», рассмотрены различные аспекты внешней политики Турецкой Республики. Изученные работы имеют широкие географические рамки, затрагивая проблему отношений Турции со странами Дальнего и Ближнего Востока, Западной и Восточной Европы, а также Северной Америки.

Стоит также выделить ряд негативных черт, которые характерны для советских публикаций посвящённых внешней политике Турции. В большей

части статей внешнеполитические процессы рассматриваются через призму классово-борьбы, а также делается акцент на изучении влияния левых, несистемных политических групп на политическую жизнь государства. Авторами практически не учитывается националистический характер турецкого общества и негативное восприятие Советского Союза, как атеистического и враждебного государства как с точки зрения социально-экономической системы, так и с точки зрения цивилизационной и исторической. В ряде публикаций, авторы пытаются создать видимость отсутствия угрозы со стороны Турции как страны НАТО, иногда допуская цитаты прогрессивных турецких общественных деятелей, заявлявших об окончании «холодной войны». При этом в ряде случаев, Турция не рассматривается в качестве самостоятельного субъекта внешнеполитических отношений, которые рассматриваются исключительно с позиций между странами социалистического блока и капиталистическими государствами, без учёта непосредственных интересов Анкары.

Безусловно позитивной чертой большинства публикаций является акцент на влиянии экономических отношений на внешнюю политику страны, анализ влияния западных монополий на Турцию, а также исследования места данной страны в мировом капиталистическом хозяйстве. Данное обстоятельство даёт возможность рассмотреть историю данной страны как с точки зрения мирсистемного анализа, так и более подробно изучить отношения между государствами Ближневосточного региона. Совокупность данных обстоятельств позволяет говорить о том, что материалы, опубликованные в данном журнале, которые будут ценны для анализа внешнеполитического развития страны в период 1950-1970 гг.

Ссылки и примечания:

1. «Нет! – нейтронной бомбе» // Азия и Африка сегодня. – 1978, – №2. – С. 10-24;
2. Бельский А. «Третье орудие» неокOLONиализма // Азия и Африка сегодня. – 1972. – №4. – С. 11-13
3. Боронов Р. Американские монополии и ближневосточная нефть // Азия и Африка сегодня. – 1978, – №4. – С. 7-9;
4. Бубнов В. Крах СЕНТО // Азия и Африка сегодня. – 1979, – №9. – С. 7-8
5. Волков М. Азия и Африка в мировом капиталистическом хозяйстве // Азия и Африка сегодня. – 1978, – №10. – С. 24-28
6. Волков М. Занятость и безработица // Азия и Африка сегодня. – 1975. – №6. – С. 17-21.
7. Голоса с Алма-Атинской трибуны // Азия и Африка сегодня. – 1974. – №4 – С. 20-22.
8. Гусейнов А. Выдающаяся актриса турецкого кино // Азия и Африка сегодня. – 1977. – №3. – С. 30-31.

9. Гусейнов А. Итоги, трудности, надежды Азия и Африка сегодня. – 1973. – №10. – С. 27-29.
10. Гусейнов А. Классовая борьба не утихает // Азия и Африка сегодня. –1974. – №4. – С. 35-36;
11. Гусейнов А. Турецкое кино в борьбе за реализм // Азия и Африка сегодня. – 1975. – №6. – С. 34-36.
12. Гусейнов А. Турция в ожидании перемен // Азия и Африка сегодня. – 1971. – №7. – С. 50-51.
13. Гусейнов А. Турция: проблемы рабочего класса // Азия и Африка сегодня. – 1974. – №7. – С. 53.
14. Данилов В. Голос турецких студентов // Азия и Африка сегодня. – 1970, – №12. – С. 12-13.
15. Завгородний Д. Против военных пактов и баз // Азия и Африка сегодня. – 1979, – №10. – С. 31.
16. Керим-Заде Р. Американцы в Турции // Азия и Африка сегодня. – 1970. – №2. – С. 58-59.
17. Кислов А. Ближневосточная политика США: старые цели, подновленные методы // Азия и Африка сегодня. – 1978, – №6. – С. 11-14.
18. Ланда Р. Стамбульские зарисовки // Азия и Африка сегодня. – 1978, – №4. – С. 40-41;
19. Моисеев П. Проблемы турецкой деревни // Азия и Африка сегодня. – 1973. – №11, с. 14-15
20. Нестеров Н. Турция: старые и новые проблемы // Азия и Африка сегодня. – 1979. – №6. – С. 17-19.
21. Прокопович А. Горек хлеб на чужбине // Азия и Африка сегодня. – 1975. – №4. – С. 23;
22. Старченков Г. Добрососедство и сотрудничество // Азия и Африка сегодня. – 1974. – №2. – С. 49-51
23. Старченков Г. Турция семидесятых // Азия и Африка сегодня. – 1978. – №2. – С. 7-10
24. Устюн Невзат. Америка и американцы в Турции [Текст] : [Сокр. пер. с тур.] / АН СССР. Ин-т востоковедения. – М : Наука, 1971. – 170 с.;
25. Школьников Б. Пакт, противоречащий интересам народов // Азия и Африка сегодня. – 1978, – №2. – С. 50-51.

УДК 94: 339.9 (5-191.2) “2012 – 2018”

Г.П. Ерхов

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

А.И. Бурцев

*ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
им. М.И. Туган-Барановского».*

E-mail – alex.byr.251091@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРОДВИЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 2012 – 2018 гг.

Аннотация

В статье были исследованы особенности экономического сотрудничества между Республикой Казахстан и странами Центральной Азии. Автор проанализировал развитие сельского хозяйства и промышленности в регионе, структуру товарооборота между центральноазиатскими государствами. В статье были определены особенности казахской политики, направленной на продвижение экономических интересов.

***Ключевые слова:** Республика Казахстан, Центральная Азия, международные отношения, внешняя торговля, экономические интересы.*

Summary

The article explores the features of economic cooperation between the Republic of Kazakhstan and the countries of Central Asia. The author analyzed the development of agriculture and industry in the region, the structure of trade between the Central Asian states. The article defines the features of the Kazakh policy aimed at promoting economic interests.

***Key words:** Republic of Kazakhstan, Central Asia, international relations, foreign trade, economic interests.*

Центральная Азия занимает важное место в мировой экономике: через ее территорию проходят транспортные коммуникации, регион является поставщиком сырья в Европу. Среди центральноазиатских республик самой развитой экономикой обладает Казахстан. На сегодняшний день, он позиционирует себя лидером Центральной Азии. Продвижение экономических интересов занимает важное место в региональной политике Казахстана. За годы независимости он добился результатов во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. Поэтому,

казахский опыт представляет интерес для исследователей. На его примере можно проследить, с помощью каких методов государство смогло достичь успехов в экономике и международных отношениях, что и обуславливает актуальность темы исследования.

Экономическому сотрудничеству стран Центральной Азии посвящен ряд работ, в которых рассмотрены различные вопросы. Использование транзитно-транспортного потенциала было исследовано в статьях К.Х. Зойдова и А.А. Медкова [1]. К.Л. Сыроежкин изучил функционирование нефтегазового комплекса Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении. Основное внимание автор обратил на китайские экономические интересы в регионе [2]. Д.Ш. Мухамеджанова и Я.В. Разумов отмечают особую роль Казахстана в развитии экономики в Центральной Азии [3]. Несмотря на внимание исследователей к теме, остаются события и вопросы, которые не были ими рассмотрены. Например, экономическое сотрудничество Казахстана с Узбекистаном на современном этапе, создание МФЦ «Астана» и АИХ.

Целью статьи является определение особенностей продвижения экономических интересов Казахстана в Центральной Азии в 2012 – 2018 гг.. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: выявить характерные черты сельского хозяйства и промышленности Казахстана и стран Центральной Азии; проанализировать деятельность казахского руководства по развитию экономического сотрудничества в регионе. Для достижения поставленных целей и задач применялись следующие источники: международные договоры, программные документы, статистические данные, материалы СМИ. Их комплексное использование позволило провести объективное, всестороннее исследование.

Центральная Азия богата ценными минеральными ресурсами. По последним данным на территории региона находится 7 % от общемировых запасов нефти и газа. Центральная Азия занимает 10-е место в мире по добыче угля, 9-е место по залежам золота. Благодаря наличию полезных ископаемых, в регионе создана горнодобывающая, топливно-энергетическая, металлургическая и химическая промышленность. Казахстан производит в большом объеме сталь, рафинированную медь, которую поставляет на европейский рынок. Развитой металлургией обладает Узбекистан. Химическая промышленность центральноазиатских государств ориентирована на производство минеральных удобрений. Исключение составляет Киргизия, где данная отрасль слабо развита. Предприятия казахской химической промышленности выпускают пластмассы, капроновые волокна и нити, каустическую соду, автомобильные шины, хромовые соединения, карбид кальция. Казахстану принадлежит первое место в мире по производству урана. На нефтеперерабатывающих заводах Республики изготавливаются автобензин, дизельное и котельное топливо, авиационный керосин, битум. Предприятия Казахстана выпускают технику для горной

промышленности, кузнечно-прессовое оборудование, металлорежущие станки, аккумуляторы, рентгеновское оборудование.

Важную роль в экономике региона играет сельское хозяйство. В Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане выращивают технические культуры, в первую очередь хлопок. Киргизия и Казахстан производят в большом объеме зерно. Экспорт пшеницы является одним из важных источников их доходов. По всей Центральной Азии получило распространение животноводство, представленное в первую очередь овцеводством [4]. Также, в Казахстане существует историческая традиция коневодства, верблюдоводства, разведения крупного рогатого скота.

В последние годы для Центральной Азии характерен высокий темп экономического роста. Государства региона достигли прогресса в борьбе с бедностью, существенно возрос уровень жизни населения. В настоящее время, среди стран Центральной Азии, Казахстан обладает наиболее развитой экономикой и промышленностью. По данным международной организации OECD его экономика за последних несколько десятилетий продемонстрировала устойчивый рост. По итогам 2018 г. у Казахстана самый высокий показатель номинального ВВП на душу населения – 8 763 долларов США, по сравнению с 1 293 долларов США в Киргизии, 1 782 доллара США в Узбекистане, 8 124 доллара США в Туркмении [5].

Несмотря на высокие темпы роста, сохраняются проблемы, которые препятствуют экономическому развитию центральноазиатских республик. Экономика Казахстана, Узбекистана и Туркменистана зависит от продажи минерального сырья. Киргизия и Таджикистан остаются аграрными государствами, а значительная часть их населения выезжает на заработки в другие страны. Например, около 20 % ВВП Киргизии формируется за счет денежных переводов трудовых мигрантов. Транзитно-транспортный потенциал региона не используется в полном объеме, а автомобильные и железные дороги нуждаются в модернизации. Часть инфраструктуры нефтегазового комплекса является устаревшей, и существует потребность в ее обновлении с целью повышения пропускных способностей. Уровень инфляции в Центральной Азии находится на довольно высоком уровне. В исследуемый период он составил в среднем 6-7% в год. Внутренний рынок региона не в состоянии обеспечить необходимый спрос на товары. Из-за нехватки финансирования, реализация новых проектов зависит от привлечения зарубежных партнеров [6].

Руководство Казахстана хорошо осознает проблемы, которые препятствуют развитию экономики государства, и расширению его сотрудничества с соседними странами. В 2013 г. началась реализация стратегии «Казахстан-2050». В программе закреплены задачи, которые стоят перед Республикой. В рамках реализации положений, изложенных в документе, в государстве начато создание современной промышленности и инфраструктуры, обновляется нефтегазовый комплекс. Продолжается процесс

индустриализации, создается наукоемкое производство. В Казахстане проводится политика, направленная на привлечение в страну иностранных инвесторов. Создаются новые транспортно-логистические объекты, призванные увеличить транзитный потенциал республики и региона [7].

Реализуя цели, обозначенные в программных документах, в исследуемый период казахское руководство осуществляло последовательную деятельность, направленную на углубление экономического сотрудничества. Для расширения взаимодействия с международными партнерами было учреждено Национальное агентство Kazakh Invest. Его целью является создание благоприятных условий для развития и продвижения казахского экспорта и привлечения прямых иностранных инвестиций в приоритетные секторы экономики. Компания выступает в качестве переговорщика от имени Правительства Республики Казахстан при обсуждении перспектив и условий реализации инвестиционных проектов. Организация консультирует инвесторов по вопросам оказания государственных услуг. Компания предоставляет международным партнерам информацию о казахских предприятиях, заинтересованных в инвестициях. Создание данной организации оказалось верным решением, ее деятельность упрощает процесс заключения международных контрактов, поиск экономических партнеров, координацию действий между ними. В исследуемый период Kazakh Invest был сделан весомый вклад в экономическое сотрудничество между государствами Центральной Азии.

Для развития экономики в последние годы в Казахстане создано несколько структур. С 2017 г. работает выставочный центр Astana EXPO. На его базе организовываются крупные международные форумы: KADEX, Kazakhstan Security System, Wood Tech Expo, Su Arnasy – Water Expo, Kazakhstan Machinery Fair, Worlddidac Kazakhstan. Проведение этих выставок способствует повышению экономической активности в Казахстане, привлечению иностранных инвесторов. Международные финансовые центры (МФЦ) – места сосредоточения банков и кредитно-финансовых институтов. Они осуществляют международные валютные, кредитные и финансовые операции, сделки с ценными бумагами, драгоценными металлами. На сегодняшний день, такие организации имеют большое значение для развития мировой и региональной экономики. В Казахстане в 2018 г. был открыт первый на постсоветском пространстве МФЦ «Астана». На сегодняшний день в нем зарегистрированы 604 компании из 47 стран. МФЦ «Астана» постепенно превращается в универсальную платформу, связывающую государства региона. Его деятельность направлена на формирование в Центральной Азии экономики замкнутого цикла. При участии МФЦ в 2018 г. было заключено более 600 международных договоров. Важным структурным элементом центра является фондовая биржа – Astana International Exchange (AIX). Ее цель – создание благоприятных условий для привлечения локальных и зарубежных инвесторов, помощь частному бизнесу. Биржа участвует в развитии рынка

капитала в Казахстане и центральноазиатском регионе. При участии АИХ в 2018 г. в Республику было привлечено около 217 млн. долларов США акционерного капитала, что в несколько раз больше, чем за предшествующие три года. МФЦ «Астана», Astana EXPO, Astana International Exchange способствуют экономическому развитию Казахстана и Центральной Азии. Благодаря им Казахстан постепенно превращается в региональный финансовый центр, увеличивает свое влияние на экономические процессы [8].

Для развития внешней торговли руководством Казахстана на территории страны были созданы 13 экономических зон – областей, наделенных особым статусом, благодаря которому на их территории действуют таможенные и налоговые льготы для зарубежных предпринимателей. Они имеют свою отраслевую направленность: металлургия, нефтехимическое производство, текстильная промышленность. Совместно с Узбекистаном в 2017 г. была создана новая торговая зона на границе двух стран в городе Шымкент [9].

Важной составляющей экономической политики Казахстана является деятельность, направленная на развитие автомобильных, железнодорожных коммуникаций. Расширение транспортной сети региона способствует увеличению товарооборота между государствами Центральной Азии, углублению их экономического сотрудничества с другими частями мира. В данном направлении казахское руководство уделяет особое внимание взаимодействию с Туркменистаном. В исследуемый период они смогли реализовать несколько перспективных проектов. В мае 2013 г. был запущен участок железной дороги «Север-Юг», объединяющей Иран, Туркменистан, Казахстан. Этот транспортный коридор представляет большую важность для Казахстана, так, как обеспечивает выход в Персидский залив [10]. Открытие железной дороги, соединяющей Казахстан и Туркмению, оказало существенное влияние на развитие экономических отношений между странами. Уже к июлю 2014 г. объем грузоперевозок между ними вырос на 42 % [11]. В декабре 2014 г. запущен очередной участок международной железнодорожной магистрали «Узень-Берекет-Горган», являющейся важной транспортной артерией в регионе [12]. В апреле 2018 г. начаты работы по строительству приграничной автомобильной трассы «Туркменбаши-Гарабогаз-Казахстан». В настоящее время ее сооружение продолжается. Успешное завершение этого проекта позволит увеличить транспортные потоки и товарооборот между странами [13].

На сегодняшний день, несмотря на длительную историю политических противоречий, главным экономическим партнером Казахстана в Центральной Азии является Узбекистан. По итогам 2018 г. их товарооборот превысил 2 млрд. долларов США. Казахстан поставляет в Узбекистан алюминий, сырую нефть, нефтепродукты, цинковую и медную руду, асбест, пшеницу, пшеничную и ржаную муку, подсолнечное масло, железные трубы, лом черных металлов. У Узбекистана Казахстан закупает нефтяной газ, цемент, ковры ручной работы, виноград, дыни, сухофрукты, азотные удобрения [5].

В исследуемый период были разработаны и реализованы ряд проектов, заключены выгодные договоры. Например, в сентябре 2014 г. подписан крупный контракт о поставке в Узбекистан медицинского оборудования, строительных материалов, продуктов сельского хозяйства на сумму около 7 миллионов долларов США [14]. В марте 2017 г. через территорию Казахстана начат транзит российской нефти в Узбекистан [15]. В марте 2017 г. заключено соглашение между внешнеторговой палатой Казахстана и торгово-промышленной палатой Узбекистана об учреждении Делового Совета. По его инициативе в мае 2018 г. на территории Казахстана созданы пункты временного хранения для узбекских товаров [16]. В июне 2018 г. на территории Южно-Казахстанской области узбекской компанией «Дентафиль плюс» началось сооружение завода по производству медицинского оборудования.

На сегодняшний день в Узбекистане работает 510 совместных предприятий с использованием казахстанского капитала. В разных сферах экономики Казахстана функционируют 1 180 предприятий, созданных при участии узбекских бизнесменов. По данным Нацбанка, по состоянию на конец 2018 г. Узбекистан стоит на 30-м месте по казахстанским обязательствам (184 млн. долларов США) и на 39-м – по уровню казахстанских активов (246,4 млн. долларов США). В последнее время отношения между Казахстаном и Узбекистаном существенно улучшились, что благоприятно повлияло на их экономическое сотрудничество. На данный момент их целью является увеличение товарооборота до 5 млрд. долларов в год.

Киргизия занимает второе место среди экономических партнеров Казахстана в регионе. По итогам 2018 г. их товарооборот составил почти 1 млрд. долларов США. В Киргизию Казахстан экспортирует нефтяной газ, угольные брикеты, шоколад, ароматизированные воды, пшеничную и ржаную муку, радиоактивные химикаты, моющие средства. Из Киргизии Казахстан импортирует шерсть, яблоки, груши, картофель, руды драгоценных металлов, стекло, молоко, автомобили, строительный камень [5].

В августе 2012 г. между странами была достигнута договоренность о выделении Казахстаном в помощь Киргизии 200 тысяч тонн зерна [17]. В ноябре 2013 г. началось совместное строительство ферросплавного завода в Киргизии [18]. В октябре 2014 г. подписано соглашение, по которому ежегодно осуществляется беспошлинная поставка из Казахстана в Киргизию 300 тысяч тонн сырой нефти. В 2016 г. страны образовали совместные организации по переработке мяса, разработали бизнес-проект «Создание совместного частного предприятия по выращиванию мясного скота в Кыргызстане СП «Мясо»» [19]. В Бишкеке 3 октября 2018 г. торгово-промышленная палата Киргизии и внешнеторговая палата Казахстана подписали Меморандум о создании киргизско-казахстанского Делового совета. Несмотря на успехи, в исследуемый период между странами произошло несколько торговых конфликтов. В 2012, 2013, 2015, 2016, 2018 гг.

Казахстан вводил запреты на ввоз товаров из Киргизии: мяса, овощей, молочных продуктов. После переговоров, большинство ограничений было снято. По нашему мнению, казахское руководство вводило запреты для защиты отечественного производителя от иностранных конкурентов. В двухсторонних отношениях Казахстан занимает доминирующее положение. Поэтому, одна из причин ввода ограничения – это стремление закрепить свое влияние, добиться от Киргизии политических уступок.

На сегодняшний день казахско-киргизские экономические отношения продолжают развиваться. Функционирует более 1100 совместных предприятий в разных сферах деятельности. За последние 9 лет казахстанские инвестиции в экономику Кыргызстана превысили 1 млрд. долларов США. По объему вложенных в экономику Кыргызстана, Казахстан занимает одно из ведущих мест среди зарубежных партнеров [20].

Существуют факторы, препятствующие экономическому сотрудничеству Казахстана и Таджикистана. Имеется ряд недостатков в нормативно-правовой базе между государствами. На низком уровне находится исполнение договорных обязательств в сфере экономике. Между компаниями, предприятиями и субъектами Казахстана и Таджикистана имеется высокая взаимная задолженность. Несмотря на указанные недостатки, по мнению экспертов, существуют большие перспективы для развития торгово-экономических отношений между Казахстаном и Таджикистаном. В исследуемый период казахское руководство пыталось решить имеющиеся проблемы. В августе 2018 г. было заключено соглашение о создании Делового Совета «Казахстан-Таджикистан» [21]. В ноябре 2018 г. разработан проект «дорожной карты», направленной на увеличение товарооборота и доведение его до 2 млрд. долларов в год [22].

Структура импорта и экспорта выглядит следующим образом. В Таджикистан Казахстан поставляет: пшеницу, пшеничную и ржаную муку, нефтяной газ, нефтепродукты, цемент, металлический прокат, рис. В Таджикистане Казахстан закупает: свинцовую, цинковую, медную руду, лук, виноград, сухофрукты [5]. По итогам 2018 г. их товарооборот составил около 900 тысяч. долларов США. Таджикистан за 2012 – 2018 гг. получил от Казахстана инвестиции в размере около 600 млн. долларов США, из которых 105 млн. долларов США составляют прямые инвестиции. На территории Таджикистана с участием казахского капитала функционируют около 90 совместных предприятий, из которых 15 полностью принадлежат бизнесменам из Казахстана.

Среди государств Центральной Азии у Казахстана наименьший товарооборот с Туркменистаном. В 2018 г. он составил всего лишь 100 тыс. долларов США. В Туркмению Казахстан экспортирует солодовый экстракт, химические вещества, пищевую продукцию, пшеничную и ржаную муку, железные бруски, компьютеры. В Туркмении Казахстан закупает нефтяной газ, фрукты и овощи [5]. Между Внешнеторговой палатой Казахстана и

Союзом промышленников и предпринимателей Туркменистана 03 декабря 2014 г. было подписано Соглашение о создании Делового Совета. Между Казахстаном и Туркменистаном с 2016 г. действует программа по производству импортозамещающих товаров. В рамках нее разработано более 80 проектов, в частности, начато строительство предприятий по выпуску строительной, химической, бытовой и другой продукции на основе местного сырья. На развитие экономического сотрудничества оказало благоприятное влияние подписание Договора о стратегическом партнерстве между Республикой Казахстан и Туркменистаном в апреле 2017 г.

На сегодняшний день с участием казахского капитала в Туркмении зарегистрирован 31 хозяйствующий субъект, реализуется 46 инвестиционных проектов в различных секторах. Сотрудничество охватывает в основном транспортную и нефтегазовую отрасль. Китайская корпорация CNPC закупает туркменское топливо, поступающее через территории Узбекистана и Казахстана [23].

Относительно особенностей продвижения экономических интересов Казахстана в Центральной Азии можно сделать следующие выводы:

- среди государств региона Казахстан обладает наиболее развитой экономикой и промышленностью, самым высоким показателем ВВП на душу населения;

- структура импорта и экспорта наглядно демонстрирует особенности региона. Казахстан закупает в соседних государствах сырье и отдельные продукты сельского хозяйства, а экспортирует в них товары промышленного производства;

- для продвижения своих экономических интересов Казахстан создал: более десяти свободных экономических зон, МФЦ «Астана», Astana EXPO, Astana International Exchange, агентство Kazakh Invest. В исследуемый период между Казахстаном и центральноазиатскими странами учреждены Деловые Советы, которые стимулируют развитие экономического сотрудничества;

- Киргизию Казахстан рассматривает, как сферу своих экономических интересов. В киргизскую экономику инвестируются значительные средства, создаются совместные предприятия. Путем введения торговых ограничений, Казахстан закрепляет свое влияние на Киргизию;

- действия Казахстана в исследуемый период стали важным вкладом в развитие экономических отношений в регионе.

Ссылки и примечания:

1. Зоидов К.Х., Медков А.А. Формирование управленческих механизмов развития транзитной экономики стран Центральной Азии в условиях интеграции и нестабильности / К.Х. Зоидов, А.А. Медков // Управление. 2015. Т. 3. № 3. С. 39-47; Зоидов К.Х., Медков А.А. Инновационно-инвестиционное развитие транзитной экономики стран Центральной Азии

- / К.Х. Зоидов, А.А. Медков // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 1 (51). С. 140-156.
2. Сыроежкин К.Л. Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии / К.Л. Сыроежкин // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. № 1. С. 23-46.
 3. Разумов Я.В. Казахстан: оживление экономики и внутривластный зажим / Я.В. Разумов // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2018. 1-2 (58-59). С. 40-46.; Мухамеджанова Д.Ш. Проблемы и перспективы экономического сотрудничества Казахстана в Центральной Азии / Д.Ш. Мухамеджанова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. № 13. С. 42-50.
 4. Экономика Центральной Азии [Электронный ресурс] // BRIF Research Group BLOG блог о маркетинговых исследованиях – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.brif.kz/blog/?p=3338>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: октябрь 25, 2019.
 5. Мировой атлас экономики [Электронный ресурс] // Мировой атлас экономики. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://knoema.ru/atlas/>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: октябрь 25, 2019.
 6. Противоречия социально-экономического развития Центральной Азии [Электронный ресурс] // Постсоветское пространство – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/postsoviet2/020-centralasia-soceson>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: октябрь 27, 2019.
 7. Стратегия «Казахстан-2050» [Электронный ресурс] // Казахстан-2050 – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kz2050.kz/>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: октябрь 29, 2019.
 8. Как Астана Москву опередила [Электронный ресурс] // РБК – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://plus.rbc.ru/news/5fdca11b7a8aa9af2aa5efc3>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: ноябрь 12, 2019.
 9. Казахстан и Узбекистан планируют создание торговой зоны [Электронный ресурс] // Kursiv.kz. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kursiv.kz/news/politika/2016-10/kazakhstan-i-uzbekistan-planiruyut-sozdanie-torgovoy-zony>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: ноябрь 12, 2018.
 10. Президенты Туркменистана и Казахстана открыли туркмено-казахстанский участок транспортного коридора «Север-Юг» [Электронный ресурс] // Интернет-газета. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [Turkmenistan.Ruhttp://www.turkmenistan.ru/ru/articles/38583.html](http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/38583.html), свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: март 03, 2019.

11. Казахстан и Туркменистан увеличили грузоперевозки после открытия новой ж/д линии [Электронный ресурс] // Центр транспортных стратегий. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://cfts.org.ua/news/kazakhstan_i_turkmenistan_uvelichili_gruzoperevozki_posle_otkrytiya_novoy_zh_d_linii_22648, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: март 09, 2019.
12. Совместный брифинг по итогам переговоров президентов Республики Казахстан и Туркменистана [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_visits/sovместnyi-brifing-po-itogam-peregovorov-prezidentov-respubliki-kazahstan-i-turkmenistana, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: март 10, 2019.
13. Туркменистан прокладывает автомобильную дорогу в Казахстан [Электронный ресурс] // «СНГ СЕГОДНЯ» – последние новости стран СНГ читайте на SNG.TODAY. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sng.today/ashkhabad/7075-turkmenistan-prokladyvaet-avtomobilnuyu-dorogu-v-kazahstan.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: март 10, 2019.
14. Казахстан поставит в Узбекистан товары на \$7 млн [Электронный ресурс] // Новости Казахстана и мира – Деловой портал Капитал.кз. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kapital.kz/economic/33392/kazahstan-postavit-v-uzbekistan-tovary-na-7-mln.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: май 18, 2018.
15. Узбекистан планирует увеличить товарооборот с Казахстаном до \$5 млрд [Электронный ресурс] // Новости Казахстана на сегодня, последние новости мира, законодательство. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4850008-uzbekistan-planiruet-uvelichit.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: февраль 21, 2019.
16. Проведены первое заседание Делового совета «Узбекистан-Казахстан» и Казахско-Узбекский бизнес-форум в г. Шымкенте [Электронный ресурс] // UzDaily.uz – Новости Узбекистана: бизнес, финансы, биржи, статистика. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.uzdaily.uz/ru/post/37621>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: февраль 23, 2019.
17. Итоги официального визита Президента Киргизии в Республику Казахстан [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Кыргызской Республики. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/169_itogi_oficialnogo_vizita_prez

- identa_almazbeka_atambaeva_v_respubliku_kazahstan, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: февраль 11, 2018.
18. Серик Ахметов принял участие в IV заседании казахстанско-киргизского Межправительственного совета [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4583994-serik-akhmetov-prinjal-uchastie-v-iv.html> – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: август 11, 2019.
19. Серик Ахметов принял участие в IV заседании казахстанско-киргизского Межправительственного совета [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4583994-serik-akhmetov-prinjal-uchastie-v-iv.html> – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: август 11, 2019.
20. Кыргызско-казахский деловой совет [Электронный ресурс] // Торгово-промышленная палата Кыргызской Республики . – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.cci.kg/news/1/2542.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: декабрь 23, 2019.
21. В Душанбе создан деловой совет «Таджикистан-Казахстан» [Электронный ресурс] // Sputnik. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tj.sputniknews.ru/economy/20180812/1026419483/tajikistan-kazahstan-delovoi-sovet.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: октябрь 25, 2019.
22. Таджикистан и Казахстан намерены довести объем товарооборота до \$2 млрд. [Электронный ресурс] // Avesta – информационное агентство. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://avesta.tj/2018/05/26/tadzhikistan-i-kazahstan-namereny-dovesti-obem-tovarooborota-do-2-mlrd/>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: апрель 24, 2019.
23. Астана – Ашхабад: в русле общих интересов [Электронный ресурс] // Казахстанская правда. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.kazpravda.kz/articles/view/astana--ashhabad-v-rusle-obshchih-interesov>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: октябрь 25, 2019.

Международные отношения

УДК 327.5+327.8

М.М. Кухтин

кандидат политических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

ТЕКУЩИЙ КРИЗИС РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ КАК ВЫЗОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация

Статья посвящена актуальным проблемам и противоречиям современных российско-немецких отношений. Необходимо выяснить, какие объективные и субъективные факторы обусловили текущий кризис, можно ли существенно улучшить ситуацию за счет нетривиальных политических решений. Делается вывод, что и сегодня Москве и Берлину доступны некоторые «окна возможностей», однако коренные положительные изменения откладываются по не зависящим от них причинам. Обеим сторонам следует предпочесть политику минимизации ущерба, приняв временную невозможность прорывных достижений. Наблюдаемое развитие событий можно назвать форсированным вариантом, однако в этом есть и положительная сторона, поскольку многие политические риски обусловлены невынужденными ошибками ответственных лиц.

Ключевые слова: *российско-немецкие отношения, империализм, европейская интеграция, евроатлантическое сообщество.*

Summary

The article is devoted to topical problems and contradictions of modern Russian-German relations. It is necessary to find out what objective and subjective factors have caused the current crisis, whether it is possible to significantly improve the situation via non-trivial political decisions. The conclusion is made that some “windows of opportunity” are available to Moscow and Berlin even today, but radical positive changes are postponed for reasons beyond their control. Both sides should prefer harm minimization policies, accepting the temporary impossibility of breakthrough achievements. The observed course of events can be called a forced option, but there is also a positive side to this, since many political risks are caused by unforced errors of decision-makers.

Keywords: *Russian-German relations, imperialism, European integration, Euro-Atlantic community.*

Современные российско-немецкие отношения представляют собой нетривиальную теоретическую и практическую проблему. С одной стороны, их конфликтный потенциал является одним из наиболее серьезных вызовов европейской стабильности и безопасности. С другой, академическое сообщество все еще не выработало единого подхода к проблеме: «большие парадигмы» и периферийные теории международных отношений здесь расходятся в оценках, прогнозах и рекомендациях. Пандемия новой коронавирусной инфекции увеличила долю неопределенности в двусторонних отношениях и создала дополнительные политические риски регионального и глобального уровня. При этом обострились некоторые структурные противоречия российско-немецкого взаимодействия, которые ранее не привлекали внимания специалистов. Таким образом, сегодня открываются новые возможности продуктивного изучения заявленной темы. Впрочем, истина ситуации в итоге выявляется не теми или иными исследовательскими приемами, а самой общественно-исторической практикой. Изложенные соображения позволяют сделать вывод об актуальности поставленных вопросов. Исследование вводит в научный оборот некоторые недавно опубликованные тексты и устанавливает нетривиальные связи между конкретно-историческими фактами и общими проблемами теории международных отношений. Это обуславливает его новизну.

Цель работы – изучить структурные противоречия современных российско-немецких отношений, наметив конструктивные пути их разрешения. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

- восстановить событийную канву заявленной темы с начала пандемии;
- сопоставить основные интерпретации релевантных проблем;
- сделать вывод о путях и перспективах улучшения отношений.

Хронологические рамки исследования охватывают 2020-2021 гг., географические – Россию, Германию и «междуморье». Исследование основано на российских [1] и немецких [2] экспертных оценках, касающихся проблем и перспектив двусторонних отношений, а также на официальных политических заявлениях [3] и комментариях к ним [4]. Используемые источники позволили провести комплексный анализ ситуации, сопоставив и по возможности синтезировав различные точки зрения на ее причины и вероятную динамику. Поскольку исследование посвящено незавершенным процессам, источниковая база и историография заявленной темы будут регулярно пополняться. В статье вскрываются текущие структурные противоречия изучаемых явлений и предлагаются поисковые схемы, призванные упорядочить поступающий новый материал.

Немецкий политолог А. Пар констатировал тревожные тенденции в современных российско-европейских отношениях. «Мне кажется, что Россию

не рассматривают на Западе как врага, а видят в ней нежелательного актора на политической арене. Её рассматривают как страну, которую хотят перевоспитать или выдвинуть из высшей лиги мировой политики» [5]. Впрочем, коллективный Запад так и не выработал единого подхода к восточному соседу. Германия подчиняется США в вопросах безопасности и разделяет их видение прав человека, однако достаточно жестко настаивает на своей экономической самостоятельности. Об этом свидетельствует тлеющий конфликт Берлина и Вашингтона из-за «Северного потока-2». Кроме того, даже в высокой политике немецкая дипломатия не является простым отражением американской. Во время ливийского и украинского кризисов Германия заняла более умеренную позицию, чем ее заокеанские партнеры [6].

А. Рар кратко перечислил как причины кризиса, так и пути выхода из него. Реакция официального Берлина на «дело Навального» была предопределена не столько интригами конкретных «групп интересов», сколько немецкой политической культурой в целом. В подобных случаях воспитанному в либеральных традициях жителю Запада психологически трудно встать на сторону государственной машины, даже если твердо установленные факты ее никак не компрометируют. Разумеется, американское влияние также сыграло свою роль в ухудшении российско-немецких отношений осенью 2020 г. Обнадеживают немецкие традиции политической умеренности и возможность выхода ФРГ из-под американского «зонтика безопасности». Немецкая заинтересованность в российских ресурсах также является важным стимулом для налаживания двусторонних отношений.

Альтернативную точку зрения сформулировал известный журналист-международник Ф.А. Лукьянов. По его мнению, наблюдаемое охлаждение в российско-немецких отношениях обусловлено, в первую очередь, не их конфликтным потенциалом или давлением третьих стран, а отсутствием значимых общих интересов. Это и отличает текущий момент от первых лет после окончания «холодной войны». «Германия давно едина. Безопасность, составлявшая фундамент политики в холодную войну, в прежнем виде неактуальна. А в новом мало зависит от состояния российско-германских контактов» [7]. Здесь Ф.А. Лукьянов поднимает весьма важный вопрос, далеко выходящий за рамки двусторонних отношений. Российские правящие круги тяготеют к чисто геополитической логике, предполагающей безусловный приоритет военно-политической безопасности. Данный подход неразрывно связан с российской историей и продолжает приносить плоды (здесь можно вспомнить о событиях 2008 и 2014 гг.). Однако в своей классической трактовке он вряд ли даст стране ощутимые преимущества в геоэкономическом и геокультурном соревновании. Германия, напротив, нередко склоняется к конструктивистскому пониманию безопасности, в котором главное – это поддержание порядка в «международном обществе» и грамотно выстроенная политика идентичностей. Кстати, в недавнем интервью А. Рар посетовал как раз на неэффективность российской «мягкой силы» [8],

что отражает характерно западный взгляд на данный вопрос. То есть, здесь имеет место соревнование двух внешнеполитических парадигм, усугубляющее и конфликты интересов, и проблемы восприятия.

По мнению Ф.А. Лукьянова, Германии сейчас «работа с Россией не просто не нужна, но может оказаться и помехой, учитывая ревнивое отношение к ней ряда стран ЕС. Россия же перестала видеть себя потенциальной частью той самой «Большой Европы» [9]. В двусторонних отношениях окончательно возобладала инерционная логика, при этом Берлин не видит смысла продолжать заложенные В. Брандтом традиции «восточной политики» [10]. В приведенной оценке, несомненно, есть рациональное зерно. Нередко в международных отношениях опасны не столько сами конфликты, сколько отсутствие стабильной мотивации конструктивно разрешать их. С другой стороны, вокруг российско-немецкого «особого партнерства» успела сформироваться своеобразная политическая мифология, которая долгое время мешала объективной оценке ситуации обоими правительствами. Сейчас можно наблюдать болезненное прозрение.

В недавнем интервью глава российского МИД Сергей Лавров подчеркнул, что критика «Северного потока-2», озвученная Брюсселем, во многом основана на некорректном истолковании норм европейского права (в частности, европейской газовой директивы, которая была существенно видоизменена уже после старта проекта). Кроме того, министр отметил, что ситуация осложняется закулисными торгами Вашингтона и Берлина. Причем сейчас главной целью американского давления является не вытеснение России с европейского рынка энергоносителей, а поддержка украинского геополитического проекта: США готовы смириться с «Северным потоком-2», если он не мешает Украине сохранить статус страны-транзитера. Разумеется, такое предложение можно расценить как неуважение к немецкому национальному суверенитету [11].

Данный анализ проливает свет на многие аспекты современных российско-немецких отношений. Германия должна выстраивать свою внешнюю политику на четырех структурных уровнях. Каждое государство должно отстаивать свои национальные интересы, даже если его идеология предполагает приоритет многосторонних форматов сотрудничества и утверждение универсальных ценностей. С другой стороны, Германия уже поступилась частью своего суверенитета в пользу европейских наднациональных институтов. Членство в военно-политическом блоке НАТО также накладывает на нее серьезные ограничения. Наконец, глобальные политические и экономические контексты существенно сужают пространство для маневра, доступное национальным государствам. Сегодня официальный Берлин испытывает давление с разных сторон, при этом к подлинной многовекторности он еще не готов: несмотря на меняющиеся настроения простых немцев, правительство сохраняет приверженность атлантизму.

Впрочем, описанная амбивалентная ситуация достаточно скоро изменится: исторически государства наподобие современной Украины либо подвергались коренному переустройству, либо оказывались короткоживущими. Новая геополитическая карта «междуморья» неизбежно потребует иных форматов отношений между ключевыми региональными и глобальными игроками.

В описанном контексте особое значение приобретает тема возможного разрыва отношений между Москвой и Брюсселем. Данный сценарий неоднократно озвучивался экспертами начиная с 2014 г., однако сегодня он резко актуализировался. Россия справилась с первыми волнами западных санкций, ее экономика во многом адаптировалась к режиму импортозамещения. С другой стороны, российским военным удалось стабилизировать ситуацию на большей части сирийской территории, а народные республики Донбасса достигли значительных успехов в государственном строительстве. Теперь Москва может активнее противодействовать западному давлению на украинском и других направлениях. Кроме того, пандемия коронавирусной инфекции сама по себе привела к разрыву или ослаблению устоявшихся связей, а ЕС за последние годы утратил часть своего международного престижа, не справившись с миграционным и экономическим кризисами и не показав впечатляющих дипломатических достижений.

Российский эксперт А.М. Крамаренко отмечает, что недавнее заявление Сергея Лаврова вызвало тревогу в западных столицах. Теперь Москва предпочитает взаимодействовать с западными партнерами в двустороннем формате и дает понять, что их договоренности между собой не накладывают на нее никаких обязательств. Европейские страны обеспокоены таким развитием событий, поскольку новая российская позиция ставит под сомнение право ЕС и НАТО задавать тон в современных международных отношениях. Кроме того, глобалисты возмущены нежеланием РФ встраиваться в «новый мировой порядок» в ущерб своим национальным интересам [12].

Действительно, существующие разногласия между Москвой и Берлином обусловлены, среди прочего, еще и тем, что Германия ассоциирует себя с неприемлемым для России проектом глобального переустройства. Решение проблемы может быть связано или с крахом неолиберальной модели как таковой, или с маловероятным отходом Германии от ее традиционных союзников. В любом случае, термины «особые отношения» и «партнерство модернизации» не вполне подходят для описания того, к чему сейчас пришли две страны.

Сегодня немецкая дипломатия упорно возвращается к давно закрытому крымскому вопросу, что не может не сказываться на развитии двусторонних отношений. Постоянный представитель России при ООН В.А. Небензя ответил на немецкие обвинения в «оккупации» и «аннексии»: «Россия не брала на себя обязательства принуждать часть Украины оставаться в ее составе

против воли местного населения» [13]. Впрочем, в данном случае резкая риторика Запада отчасти ориентирована на внутренние аудитории и имеет во многом инерционный характер. Так, английские короли официально претендовали на французский престол до эпохи Наполеона I, хотя геополитически вопрос был закрыт еще с окончанием Столетней войны. При этом в рассматриваемый период (середина XV-начало XIX вв.) динамика англо-французских отношений сильно варьировалась. В эпоху глобализации два государства тем более могут продуктивно сотрудничать при сохранении внешних атрибутов конфликта – из имиджевых или иных соображений. Сейчас официальный Берлин не спешит пользоваться открывшимися возможностями сближения, но со временем он может пересмотреть некоторые из своих приоритетов.

Современные российско-немецкие отношения характеризуются многоуровневыми структурными противоречиями. Транснациональные корпорации двух стран конкурируют в Центральной и Восточной Европе, а также в других регионах мира. ФРГ стремится сохранить свое место в международном разделении труда, а РФ – улучшить собственные позиции. Любой новый игрок в высшем эшелоне мировой экономики заставляет потесниться старых, а само его появление ставит под вопрос правила системы, основанной на жестком распределении ролей.

Стремясь выжить в анархичной международной среде, и Москва, и Берлин прилагают все усилия, чтобы сохранить независимость и не позволить другим получить односторонние преимущества [14]. Здесь в полной мере действует неореалистическая логика: национальный суверенитет и международное равновесие остаются лозунгами дня. Впрочем, рост комплексной взаимозависимости все больше ставит достижение соответствующих целей под сомнение. Экономическая и политическая глобализация, переосмысление международных норм (права человека, «гуманитарные интервенции», территориальная целостность и право на самоопределение) бросают вестфальскому порядку все новые вызовы. Противоречие между частными интересами и «принципом возрастающей социальности» [15] – еще одна важная причина межгосударственных конфликтов. Нечто подобное имело место при становлении современных централизованных государств. Локальные сообщества теряли свою независимость и своеобразие, становясь частями более крупного целого. С другой стороны, исторически они были обречены, поскольку не могли самостоятельно создать новые жизненные форматы, соответствующие потребностям времени. Какая судьба ждет национальное государство, покажет будущее.

Наконец, заявленная тема требует учитывать и проблемы идентичности и восприятия. С неореалистической точки зрения, структура международной системы стоит между намерениями государств и результатами их действий. Конструктивизм же подчеркивает, что символические структуры мировой

политики опосредуют оценку ситуаций и принятие решений. В обоих случаях утверждается, что политическое действие не описывается линейной последовательностью «стимул-реакция-результат». В российско-немецких отношениях большую роль играют стереотипы восприятия. В результате решения могут приниматься не на рациональном основании, а под влиянием форм ложного сознания. Разумеется, нередки и случаи подлинной несовместимости интересов или ценностей, однако целого ряда конфликтов можно избежать. Собственно, сейчас проблемы восприятия являются главной сферой проектной деятельности, направленной на улучшение двусторонних отношений. Существующие объективные ограничения не позволят надеяться на большее, пока не закончатся текущие трансформации миропорядка.

Перспективы изучения заявленной темы связаны, среди прочего, с незавершенным характером описанных процессов. Кроме того, сегодня многие международные исследования тяготеют к изолированному рассмотрению теоретической и прикладной проблематики. Актуальные вопросы мировой политики заставляют искать новые подходы, дающие надежду на преодоление данного разрыва.

Ссылки и примечания:

1. Лукьянов Ф.А. Уже не особые. Объединение Германии и конец прежних отношений с Россией / Ф.А. Лукьянов // Россия в глобальной политике. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/obedinenie-germanii-konecz/> (дата обращения: 14.02.2021).
2. Восканян М.В. Александр Рар: «Пока России говорят: «Нам можно, а вам нельзя», – договариваться не о чем» / М.В. Восканян, А. Рар // Бизнес Online. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/456257> (дата обращения: 12.12.2020); Чаленко А. Александр Рар: «Германии нужны ресурсы России» / А. Чаленко // Литературная газета. – URL: <https://lgz.ru/article/3-6768-20-01-2021/aleksandr-rar-germanii-nuzhny-resursy-rossii/> (дата обращения: 14.02.2021).
3. Лавров С.В. Интервью медиахолдингу РБК / С.В. Лавров // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/intervyu-mediakholdingu-rbk/?sphrase_id=72939581 (дата обращения: 21.02.2021); Небензя объяснил постпреду Германии, кто оккупировал Украину // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/10681457> (дата обращения: 22.02.2021).
4. Крамаренко А.М. «Разрыв с ЕС» в контексте: какой разрыв / А.М. Крамаренко // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/-razryv-s-es-v-kontekste-kakoy-razryv/?sphrase_id=72939581 (дата обращения: 21.02.2021).

5. Чаленко А. Александр Пар: «Германии нужны ресурсы России» / А. Чаленко // Литературная газета. – URL: <https://lgz.ru/article/3-6768-20-01-2021/aleksandr-rar-germanii-nuzhny-resursy-rossii/> (дата обращения: 14.02.2021).
6. Ibid.
7. Лукьянов Ф.А. Уже не особые. Объединение Германии и конец прежних отношений с Россией / Ф.А. Лукьянов // Россия в глобальной политике. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/obedinenie-germanii-konecz/> (дата обращения: 14.02.2021).
8. Восканян М.В. Александр Пар: «Пока России говорят: «Нам можно, а вам нельзя», – договариваться не о чем» / М.В. Восканян, А. Пар // Бизнес Online. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/456257> (дата обращения: 12.12.2020).
9. Лукьянов Ф.А. Уже не особые. Объединение Германии и конец прежних отношений с Россией / Ф.А. Лукьянов // Россия в глобальной политике. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/obedinenie-germanii-konecz/> (дата обращения: 14.02.2021).
10. Ibid.
11. Лавров С.В. Интервью медиахолдингу РБК / С.В. Лавров // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/intervyu-mediakholdingu-rbk/?sphrase_id=72939581 (дата обращения: 21.02.2021).
12. Крамаренко А.М. «Разрыв с ЕС» в контексте: какой разрыв / А.М. Крамаренко // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/-razryv-s-es-v-kontekste-kakoy-razryv/?sphrase_id=72939581 (дата обращения: 21.02.2021).
13. Небензя объяснил постпреду Германии, кто оккупировал Украину // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/10681457> (дата обращения: 22.02.2021).
14. Waltz K.N. Theory of International Politics / K.N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publ. Co, 1979. 251 p. – P. 195.
15. Цаплин В.С. Гипноз разумности. Мышление и цивилизация / В.С. Цаплин. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – С. 182.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИЗДАНИЕ ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

Сетевое издание

№4 (71) 2019

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Никольский В.Н., д-р ист. наук.

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук.

Технический редактор – Посредников Д.В., к-т ист. наук.

Члены редакции:

Агапов В.Л. – д-р ист. наук, **Бредихин А.В.** – д-р ист. наук, **Кузнецова Е.В.** – к-т полит. наук, **Морозов Р.Н.** – к-т ист. наук, **Пенькова О.Б.** – к-т ист. наук, **Разумный В.В.** – к-т ист. наук, **Черкашин К.В.** – к-т полит. наук.